

34

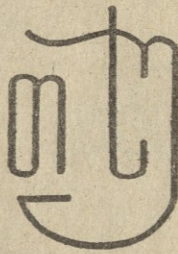
- 8

1963

შ. მ. შ. შ. შ. შ.

94

Т Р У Д Ы

Т Р У Д Ы

94

СЕРИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК

შრომები

94

იურიდიულ მეცნიერებათა სერია

თბილისის უნივერსიტეტის გამომცემა

დაიბეჭდა

თბილისის სახელმწიფო უნივერსიტეტის იურიდიული ფაკულტეტის
სამეცნიერო საბჭოს დადგენილებით

ს ა რ ე ლ ა ქ ც ი ო კ ო ლ ე ზ ი ა

დოც. გ. ინჭკირველი (რედაქტორი)

პროფ. ა. ვაჩიშვილი

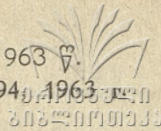
პროფ. ი. სურგულაძე

დოც. ს. ჯორბენაძე

დოც. ა. ფალაშვილი

შ ი ნ ა ა რ ს ი

1. Алексидзе Л., Взаимоотношения Грузии с Россией в XVI—XVIII вв. (международно-правовое исследование)	7— 91
2. Сумбадзе Н., Об образовании советского суда в Грузии	93—110
3. ა. ვ ა ნ ე ი შ ვ ი ლ ი, კრიმინოლოგია, მისი საგანი და მეთოდი	111—124
4. ივ. ს ჭ რ გ უ ლ ა ძ ე, საქართველოს ისტორიის პერიოდიზაციის ზოგიერთი საკითხისათვის	125—132
5. დ. ც ი ნ ც ა ძ ე, გ. ი. ლენინი საზოგადოებრიობის როლზე დამნაშავეობასთან ბრძოლაში	133—155

АЛЕКСИДЗЕ Л.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ГРУЗИИ С РОССИЕЙ В XVI—XVIII вв.

(международно-правовое исследование)

Почти пять столетий насчитывают официальные политические¹ связи Грузии с Россией — двух единоверных народов, которых роднила не только общность религий, но и общая борьба с агрессией Турции и Ирана. Известно, что Россия по отношению к Востоку играла прогрессивную и цивилизаторскую роль².

Грузия одна из первых уловила дыхание очистительного ветра, подувшего с севера, и уже в конце XV века завязывает с Россией (Московским государством) дипломатические отношения. Начиная же с конца XVI века Россия становится одним из важнейших факторов, влиявших на внешнюю политику Грузии, которая в свою очередь играла все большую роль в политике быстро растущего и крепнувшего русского государства. Все это не могло не дать обилия международно-правовых форм связи этих государств.

К чести дореволюционной историографии (П. Бутков, С. Белокуров, М. Броссе, А. Цагарели, М. Джанашвили и др.) надо сказать, что в XIX — нач. XX вв. было сделано очень много с целью обнаружения и доведения до широкого круга читателей документов грузино-русских отношений. Шаг за шагом восстанавливалась цепь этих отношений. Конечно, часто интерпретация тех или иных событий была неверной, отражая классовые интересы авторов — от русского великодержавничества до грузинского национализма.

Советская историография восполнила сокровищницу древних актов, восстановив почти все звенья грузино-русских политических связей (М. Полиевктов, Н. Бердзенишвили, Я. Цинцадзе и др.).

¹ Мы специально оговариваем «политические связи», ибо, как не пытаются на Западе замолчать это обстоятельство (см. *Caucasian Review*, München, Institute for study of the USSR, 1956, № 3, стр. 82), русско-грузинские экономические и культурные связи берут свое начало в X веке (см. Ш. Месхиа, Я. Цинцадзе. Из истории русско-грузинских взаимоотношений. Тбилиси, 1958, стр. 7—31), а согласно мнению некоторых ученых даже раньше (М. Джанашвили. К материалам по истории и древностям Грузии и России. Тифлис, 1912 г., стр. 13; Ш. Чхетия, Исторические предпосылки присоединения Грузии к России (Труды Сухумского госпединститута, 1954, т. VII, стр. 269—271).

² К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., изд. 1, т. XXI, стр. 211.

Вооруженные марксистским диалектическим методом, советские историки воссоздали объективную картину взаимоотношений Грузии и России. Безусловно, и здесь имеют место пробелы принципиального характера, но главное в том, что изучение русско-грузинских отношений поставлено на должную научную основу, и вся цепь получила всесторонний, глубоко научный, подлинно марксистский анализ.

Но если у русской и грузинской историографий есть чем гордиться, то этого нельзя сказать о юридической науке, которая до последнего времени не удосужилась в должном аспекте рассмотреть грузино-русские отношения. И поскольку мы имеем в виду период XVI—XVIII вв., то главным образом упрек касается области международно-правовых связей Грузии и России. Попытка дать анализ этой стороны грузино-русских отношений была сделана государствоведами З. Аваловым и М. Хелтуплишвили, но работы эти носят в основном характер популярной литературы и написаны с позиций историков буржуазно-либерального толка. В советской же литературе вообще отсутствует даже подобие монографического исследования международно-правового аспекта³ связей Грузии с Россией в XV—XVIII вв., что нельзя считать терпимым, учитывая хотя бы активность Запада в деле дискредитации грузино-русских, не только чисто исторических, но и международно-правовых связей.

Все это заставило нас ряд лет посвятить изучению данной проблемы, беря за исходную точку начало дипломатических связей Грузии с Россией (конец XV в.) и за конечную — присоединение Грузии к России (нач. XIX в.), когда на более чем столетие Грузия исчезает с международной арены как субъект международного права. Задача облегчалась тем, что историками, как мы указывали, опубликованы почти все основные акты, которые необходимы для уяснения и оценки международно-правовых форм грузино-русских связей. Как и следовало ожидать, удалось не только воссоздать весьма интересную картину этих связей, но и подвергнуть сомнению многие, уже ставшие традиционными, положения как чисто исторического характера, так и правового.

Настоящая работа — часть монографического исследования вышеуказанной проблемы. Она посвящена выяснению международно-правовой природы договоров, заключенных Россией (Московским государством) с Грузией (Кахети, Картл-Кахети) в XVI и конце XVIII вв. Сношения России с Имерети и ее вассалами начались гораздо позже (середина XVII в.) и до начала XVIII века носили менее активный характер, вот почему мы обходим этот вопрос стороной или касаемся его лишь в связи с практикой Картл-Кахети.

³ Лишь проф. Я. Цинцадзе в своих работах попытался дать правовой анализ некоторых актов, но анализ этот подчинен задачам сугубо исторического исследования. См. ძიებანი რუსეთ-საქართველოს ურთიერთობის ისტორიიდან. თბილისი, 1958; 1783 წლის მფარველობითი ტრაქტატი. თბილისი, 1960.

ОБЩАЯ КАРТИНА МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ ГРУЗИИ В XVI—XVIII ВВ.

Внутриполитическое и международное положение Грузии в середине XVI—XVIII вв. было логическим следствием многовековой борьбы с нашествием орд, стоящих на куда более низкой ступени экономического развития⁴.

В середине XIII века под ударами монголо-татарских орд некогда великая держава Передней Азии (XI—XIII вв.)⁵ — Грузинское централизованное государство начинает чахнуть и вскоре (в XV в.) превращается в конгломерат независимых друг от друга «царств» (Кахети, Картли, Имерети) и владений⁶. Известно, что «достаточно простых случайностей, вроде вторжения варварских народов или даже обыкновенных войн, чтобы довести какую-нибудь страну с развитыми производительными силами и потребностями до необходимости начинать все сначала»⁷.

В XVI веке на смену монголо-татарским и татаро-туркменским ордам приходят еще более грозные противники — «кизилбашский» Иран и османская Турция. Еще во второй половине XV века разворачиваются события, сыгравшие для Грузии плачевную роль — государство Ак-Коюнлу (объединение огузских кочевых племен) завоевывает весь Азербайджан и вплотную подходит к границам грузинских царств, а Турция одну за другой «проглатывает» сначала Византийскую (1453 г.), а затем Трапезундскую империи (1461 г.). Создавшуюся ситуацию образно описывает З. Авалов, и мы приводим эти слова: «Грузия оказалась как бы замурованной в Передней Азии, отдаленная от Запада стеной ислама, неизмеримо сильнеешего, часто беспощадного и фанатического»⁸. Да, к сожалению, борьба мусульманства с христианством нигде не была столь беспощадной и фанатичной, как в Грузии. И это понятно — грузины, принявшие христианство еще в IV веке, через поколения пронесли свою веру и государственность; иноземные захватчики тщетно старались сломить христианство в Грузии, эти попытки вызвали еще большую консолидацию сил, усиливали сопротивление всего народа иноземному игу. Объясняется это не фанатическим веропочитанием, а имеет под собой глубокие экономические корни. Дело в том, что в основе этих двух религий лежат различные формы землевладения. Форма землевладения,

⁴ Очень интересный анализ дает проф. Н. Бердзенишвили в работе „საქართველოს რუსეთთან შეერთების ისტორიული მნიშვნელობისათვის“, „მნათობი“, № 6, 1954, თბილისი, სტრ. 121—132

⁵ См. л. აღექსიძე, საქართველოს ბრძოლა დამოუკიდებლობისათვის და სუვერენიტეტის ქართული კონცეფციის ჩამოყალიბება XI—XIII სს., Труды Тбилисского гос. университета, № 79, 1958 г.

⁶ См. Н. Бердзенишвили, В. Дондуа, М. Думбадзе, Г. Меликишвили, Ш. Мехиа, История Грузии. Тб., 1962, стр. 264—268.

⁷ К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., изд. 2, М., т. IV, стр. 10.

⁸ З. Авалов, Присоединение Грузии к России. СПб., 1906 г., стр. 14.

0000000000

принятая в исламских государствах, в корне отличалась от феодального уклада христианской Грузии.

В странах Востока феодал — владелец земли мог всего-навсего присваивать какую-то часть ренты-налога, взимаемую с крестьян (райя), принадлежащих не ему, а государству, ибо, согласно мусульманским законам, крестьянин «был прикреплен не к земле, а к налогу»⁹.

Совершенно очевидно, что многовековый феодальный уклад Грузии, сложившийся на абсолютно противоположных принципах, не мог мириться с попытками переведения его на рельсы восточного землевладения. Вот почему грузинское феодальное общество жестоко боролось против внедрения восточного землевладения, за сохранение существующего общественно-политического строя в Грузии. Иноземные захватчики же старались уничтожить существующий общественно-политический строй, прибегая к самым крайним мерам, вплоть до выселения грузин из отдельных районов и населения там кочевых племен. Подобная политика в Азербайджане и Армении в XV веке закончилась утверждением восточного землевладения¹⁰.

Таким образом, религиозная борьба зиждилась не только на культурной самобытности, но имела в своей основе важнейшие экономические предпосылки, что и предопределяло крайний антагонизм этой борьбы.

Но если раньше Грузия боролась бок о бок с Византией и Трапезундской империей, была тесно связана с этими государствами аналогичной формой землевладения, родственной им во всех областях идеологической жизни, то в конце XV в., отрезанная от культурного христианского мира, Грузия оказалась в океане мусульманских владений, стоящих на низкой ступени феодализма или, говоря словами Маркса, «на самой низкой и варварской ступени феодализма»¹¹. Припертая к стенам Кавказского хребта, Грузия сотрясается под ударами то Ирана, то Турции, а то и обоих захватчиков одновременно, делящих страну между собой по своему усмотрению. Западная Грузия (Имерети со своими вассалами — Гурией, Абхазией, Мингрелией) подпадает под господство Турции, которая ценой огромных усилий пыталась сохранить свое господство над ни на минуту не складывающимися оружием грузинами. Восточная Грузия (Картли, Кахети) на долгие годы становится вассалом Ирана, но и здесь сюзеренитет шаха часто был лишь чистой фикцией, пока не начинается эра царей-мусульман (1632—1744 гг.).

Порой под натиском Турции Иран отступал и Картл-Кахети становилась аренной господства османов (например, 1578—1602 гг., 1723—1734 гг.), но, набравшись сил, Иран вновь возвращал свои позиции.

Нет слов, борьба Ирана с Турцией приносила огромный вред не только экономике, но и людским ресурсам страны. Но еще невыносимее был гнет «кизилбашей» и «османов», не раз пытавшихся инкорпориро-

⁹ ვ. გაბაშვილი. „სათათრო გამოსადგებელი“ გეიანუგოდაღურ საქართველოში. «Мимомхилвели», Институт истории им. акад. И. Джавахишвили АН Гр. ССР, т. III, 1953, стр. 146.

¹⁰ См. И. Петрушевский, Очерки истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI—нач. XIX вв. Л., 1949, стр. 64—66.

¹¹ К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., изд. 1, т. IX, стр. 374.

вать Картл-Кахети, насадив мусульманское землевладение. Но тщетно. Сопrotивляемость грузинского народа была по-прежнему велика. Однако к середине XVIII века стало очевидным, что силы страны близки к истощению, мало того, экономика была низведена, как иностранным игом, так и своими феодалами, до грани полной катастрофы¹², во всем чувствовалось несовершенство политической и правовой надстройки, неспособной положить конец своевластию феодалов и наладить поступательное развитие производительных сил, скованное игом чужеземцев.

Каково же правовое положение Восточной Грузии в пределах господства Ирана? Статус Картл-Кахети в XVI—XVIII вв. можно разбить на несколько этапов. С 1518 г., признав господство Ирана, цари Кахети и Картли превращаются во владетелей «мульк-и моурус» и пребывают в этом качестве до начала XVII века с перерывом в 1578—1582 гг. Согласно закону сефидского Ирана «мульк-и моурус» — определенная политико-территориальная единица, находящаяся в наследственном владении определенной династии. Глава «мульк-и моурус» обладал правом собственности на земли и был сувереном в отношении населения этих земель (округа, страны). Именно этим отличался он от чиновников-бегларбеков (правители областей), султанов и ханов (главы кочевых племен), меликов (оседлые владетели) — смещаемых по воле шаха и зависящих всецело от службы¹³.

Обязанность обладателя «мульк-и моуруса» заключалась в следующем:

а) при смене правителя, занимавшего пост «по праву», формально обращался к шаху за инвеститурой, таковой был и шахский фирман и инвеститурные знаки: халат, сабля, музыкальные инструменты «нагарахана»;

б) по первому приказу он должен был выступить со своим войском в поход, сопровождая шаха или же выполняя отдельные задания;

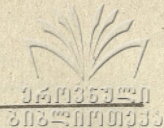
в) ежегодно должен был выплачивать дань — «бадж-о харадж», которая не была связана с переписью населения и наложением поземельного налога (харадж), а устанавливалась в ежегодной денежной сумме. Сумма эта вносилась не в государственную казну, а в собственно шахскую¹⁴.

Однако шах мог ограничиться и более легкой данью — «савери» — «подношением». Как правило, применительно к Грузии это — невольники, невольницы (подростки), вино, лошади, соколы. Подношения эти были редко ежегодными, чаще всего посылали их в два или три года раз. Однако безусловно, что и «савери» являлась данью, тяжело ложащейся на плечи крестьян (так, для выплаты «савери» каждый двор облагался

¹² См. Очерки истории СССР. Период феодализма. Вторая половина XVIII в. М., 1956, стр. 717—720; О. Маркова. Присоединение Грузии к России, «Историк-марксист», 1940, М., № 3, стр. 63—67; მ. ალექსიშვილი. რუსეთ-საქართველოს ისტორიული ურთიერთობის საკითხისათვის, თბ., 1956, стр. 23—86.

¹³ Данная интерпретация отличается от принятой в советской литературе и принадлежит проф. В. Габашвили. (ქართული ფეოდალური წყობილება XVI—XVII სს., თბ., 1958, стр. 257—280).

¹⁴ Там же, стр. 256.

налогом в 70 копеек, известный в грузинских актах как «саури»¹⁵, но по сравнению с «бадж-о харадж», она означала наиболее легкую форму зависимости.

На рубеже XVI—XVII вв. цари Картли платят именно «савери», ибо Иран ослабляет зависимость, стараясь воодушевить картлийцев на борьбу с Турцией.

Таким образом, в XVI — нач. XVII веков Картли и Кахети являются суверенными политическими единицами, находящимися под верховенством шаха Ирана, обладающего правом верховной собственности на земли Восточной Грузии¹⁶. Правда, в 60-х годах XVI века Шах-Тамаз пытался инкорпорировать земли Картли, объятай огнем освободительной войны. С этой целью брат царя Симона Давид (принявший мусульманство) был назначен ханом, правителем Картли, земли которой были переписаны и внесены в государственный реестр. Отныне царь Картли (практически той, южной части, которую удерживал Иран) становился чиновником Ирана, население должно было быть обложено «хараджем» — поземельным налогом, а феодалы должны были получить свои же земли из рук шаха. Однако правление Даут-хана оказалось кратковременным и реально попытка инкорпорации ничего не дала¹⁷. Лишь в ряде областей Картли (Лоре-Дебеда) и Кахети (Кик-Энисели) Ирану удалось утвердить в начале XVII в. «кизилбашоба», инкорпорировав их.

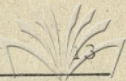
Второй этап грузино-иранских отношений падает на начало XVII — середину XVIII вв., охватывающих в основном эру царей-мусульман в Картли (Картл-Кахети). В начале XVII века Шах-Аббас приступает к решительному «окизилбашиванию» Восточной Грузии, что сопровождалось кровопролитным, разрушительным нашествием иранских полчищ, буквально опустошившим страну. Изменился политический статус Картли и Кахети.

Кахети, как правило, управляется чиновниками шаха (Иса-хан, 1614—1616; Пейкар-хан, 1616—1623; Селим-хан, 1632—1656, 1656—1659; Муртаз Али-хан, 1660—1664, 1677), являясь обычной провинцией Ирана. С 1614 г. Кахети больше не именуется «мулк-и моурус» и не отличается от других провинций Ирана своим правовым положением: правитель хан — чиновник шаха, получающий за службу жалованье — определенную часть собираемого им налога, которым облагалась его область, или земли в самом Иране; все земли, которые держат феодалы Кахети (и местные и кизилбашские, которыми заселена была Кахети) «пожалованы» лично шахом, население платит «кизилбашские» налоги,

¹⁵ ვ. გაბაშვილი, «სათაორო გამოსაღებელი» გვიანფეოდალურ საქართველოში («Мимомхилвели», Институт истории имени Джавахишвили АН Гр. ССР, Тб., т. III, 1953, стр. 137—143); «Татарские подати в позднефеодальной Грузии» (там же, стр. 167—168); ივ. სურგულაძე, სახელმწიფო გადასახადები ქართლის სამეფოში მე-XVIII საუკუნის დასაწყისში (Труды Института экономики АН Гр. ССР, т. VI, 1952, стр. 344—353).

¹⁶ Шахи Ирана, кстати, «считали себя политическими наследниками монгольских ханов и рассматривали некогда завоеванные ильханами грузинские области Картли, Кахети, Самцхе-Саатабаго как свои исконные земли». См. Н. Бердзенишвили и др. История Грузии. Тб., 1962 г., стр. 281.

¹⁷ См. ვ. გაბაშვილი, ქართული ფეოდალური წყობილება, стр. 263—264.

уплачиваемые в государственную казну¹⁸. Как видим, Кахети из вассального государства была превращена в инкорпорированную административную единицу.

Когда же Кахети объединялась под скипетром правителя Картли (1616—1623, 1648—1652), то становилась «землей, пожалованной в управление картлийскому хану». Порой все же шах был вынужден сажать на престол грузина (Арчил).

Иначе был оформлен правовой и политический статус Картли. Начиная с Ростома, первого царя-мусульманина, власть которого была относительно стабильна, вплоть до 20-х годов XVIII века Картли (в 1648—1652 — Картл-Кахети) представляет собой привилегированную провинцию во главе с наместником шаха «вали»¹⁹.

Земли эти не вносились в государственный реестр, а зависели лично от шаха. «Вали» — наследственный династ-правитель, наместник шаха (поэтому после перерыва (1606—1632 гг.), вызванного борьбой грузин, Картли вновь стала именоваться «мульк-и моурус»), обязанный: 1) исповедовать ислам шиитского толка, 2) выступать в поход по приказу, 3) принимать участие в помазании нового шаха, 4) носить венец и персидскую саблю, 5) иметь при себе инвеститурные знаки — набор музыкальных инструментов, 6) собирать «подношения» — «савери», 7) и готовить «государев караван» для посылки «савери»²⁰.

За службу вали получал определенную часть или весь доход, идущий с выделенной для этой цели земли в Иране, именно этим подчеркивалась его роль «чиновника», хотя в действительности он был «вассал».

В XVII в. в Иране было всего четыре вали — Арабистана, Луристана, Гурджистана и Курдистана²¹. Как видим, титул «вали» жаловался правителям расположенных на окраинах Ирана стран и областей. Из них самый главный был вали Арабистана, вали Гурджистана стоял на третьем почетном месте и считался одним из влиятельных должностных лиц.

Вали Гурджистана строго подчинялись правилам, установленным для института «вали» вообще. Но в то же время «гурджистанский вали» отличался от всех остальных вали. Экономическая основа его власти оставалась прежней, феодально-крепостнической. Правда «гурджистанский вали» получал, как и все вали, жалованье — доход с земель, выделенных внутри Ирана, но он по-прежнему владел доменом в своей стране и пользовался другими «благами» христианского правителя. Номинально же вся земля Картли (Картл-Кахети) считалась собственностью шаха и право распоряжения ею могло быть осуществлено лишь с его согласия. С этой целью использовались т. н. двуязычные акты, являющиеся специфической особенностью грузино-иранских отношений. Это — написан-

¹⁸ В. Габашвили, цит. соч., стр. 246.

¹⁹ Персидские источники говорят о «гурджистанском вали», т. е. «Картли, Кахети и Тбилиси» (см. В. Габашвили, цит. соч., стр. 375); О грузино-иранских отношениях в этот период см. также ი. სურგულაძე, საქართველოს სახელმწიფოსა და სამართლის ისტორიისათვის, ტ. 1, 1952, стр. 116—126.

²⁰ В. Габашвили, цит. соч., стр. 375—376.

²¹ См. Н. Пигулевская и др. История Ирана с древнейших времен до конца XVIII века, М.-Л., 1958, стр. 295.

ные по-грузински и переведенные на персидский язык акты, составленные по всем правилам иранской дипломатики и даваемые грузинскими вали (в XVI в. ханами — Симон-хан) своим подданным при раздаче земель. Акты эти регистрировались в шахской канцелярии и припечатывались иранскими канцелярскими и регистрационными печатями. Иногда в самом акте указывалось, что для вступления акта в силу необходима печать шаха. Но во всех случаях место имело «чисто грузинское» распределение земель, а не «кизилбашское»²², т. е. «двуязычные акты» — компромисс Ирана и картлийских царей: за согласие принять мусульманство и подчиниться шаху последний отказывался от внедрения «кизилбашства» и ограничивался лишь установлением строгого контроля над действиями вали.

Характерно, что гурджистанский вали находился, как и все вали, под надзором специального аппарата, приставленного к нему (везир, мустоф, мунши)²³ и подчиненного непосредственно центру²⁴, гурджистанский вали в отличие от «царя» — всего-навсего чиновник шаха и не имеет права на титул «государя»²⁵.

Таким образом, в XVII веке во взаимоотношениях Картли (Кахети) с Ираном происходит изменение — Кахети лишается царя вообще, а цари Картли превращаются в должностное лицо шаха и теряют свой суверенитет (конечно, речь идет о правовом статусе, а не о фактическом положении дел) и приравниваются к наиболее высокопоставленным вассалам шаха; Картли отныне, всего-навсего, привилегированная провинция Ирана. Чего стоит один тот факт, что в Тбилиси, Гори, Сурами и других городах стояли кизилбашские гарнизоны.

Временами грузинам удается сбросить иго «кизилбашей». Особенно бурлила Кахети, будучи поставлена в худшее по сравнению с Картли положение. Но ценой огромных усилий Ирану вплоть до 20-х годов XVIII в. удавалось удержать более или менее стабильное политическое господство.

Вторая четверть XVIII века характеризуется еще большим ухудшением статуса Картл-Кахети.

В 1723 году Восточную Грузию завоевывают турки²⁶. Настала эра «осмалоба» — страна была разделена на шесть частей, переписана, об-

²² В. Габашвили, цит. соч., стр. 302.

²³ Везир — советник вали, соглядатай шаха в письменном виде, систематически докладывающий хозяину о деятельности вали.

Мустоф — чиновник-счетовод, ведавший всеми вопросами, связанными со сбором налогов и др. поступлениями в шахскую казну. И везир и мустоф — одновременно чиновники царей-мусульман и шаха, оба они — неизбежный спутник крупных правителей — чиновников Ирана.

Мунши — чиновник-писец, знающий хорошо персидскую дипломатику и помогавший в составлении «двуязычных актов».

²⁴ Французский путешественник Шарден указывает, что грузинские цари лишены были права самолично сноситься с иностранными государствами (შარდენი, მოგზაურობა საქართველოში, 1935, თბილისი, стр. 107).

²⁵ ვ. გაბაშვილი, ქართული ფეოდალური წყობილება, стр. 330.

²⁶ Турция приступила к захвату Грузии еще в XVI в., однако соперничество с Ираном и непреклонная борьба грузин заставили Порту ограничиться Западной и Южной Грузией. Так, атабагство (княжество) Самцхе (Южная Картли), захваченное

ложена тяжелыми налогами. Отныне грузинские земли объявлялись турецкими государственными землями, для владения ими феодалы должны были получить от султана «пожалование», условием которого было принятие ислама, «зиммий» — христиане облагались многочисленными налогами, которые буквально душили крестьян, вынуждая их бросать насиженные места. Еще больше разорялась, зачахла Восточная Грузия. В политическом отношении страна была превращена в административную область, которой правил фактически «тбилисский паша».

Цари-мусульмане в Кахети и Картли были безликие чиновники султана, подчиненные тбилисскому паше.

Вытеснив турок из Восточной Грузии (1735 г.), шах Ирана Надир попытался повторить попытку османов инкорпорировать страну. В 1741 году страна (Картли) была переписана, причем на учет было взято все — каждая голова скота, каждое фруктовое дерево, каждая лоза; все лица мужского пола, достигшие десятилетнего возраста, должны были платить денежный налог, не говоря уже о взрослом населении²⁷. Крестьяне предпочитали предавать хозяйство огню и бежать, чем оставаться под игом «кизилбашей». Еще больше обезлюдела, заглохла Грузия. Восстание следует за восстанием. Умелые действия царя Кахети Теймураза и его сына Ираклия, одновременно направленные на усыпление подозрительности и жестокости Надира, дали свои плоды — в 1744 году шах делает Теймураза II царем Картли, а Ираклия II — царем Кахети, разрешив отныне править царям-христианам. Эре царей-мусульман пришел конец. Кончилось и «кизилбашоба». Картли и Кахети вновь представляют собой привилегированную провинцию — вассальные государства — с вали во главе, посылающим лишь «савери». Но процесс развития производительных сил был уже сильно подорван, окончательно распоясались феодалы (многие годы подстрекаемые то Ираном, то Турцией), тормозя возможность прогресса.

Цари Теймураз II и Ираклий II прекрасно видели пороки своей страны и принимали меры к ликвидации создавшегося положения. Особ в XVI в. было окончательно «отуречено» (т. е. насажден турецкий социально-политический строй) и превращено в Ахалцихский пашалык, во главе которого стоял чиновник султана — принявший мусульманство представитель рода атабагов (см. Н. Бердзенишвили и др. История Грузии, т. I, Тб., 1962, стр. 291—294). Опираясь на Ахалцихский пашалык Порта подчинила себе и часть Западной Грузии (Аджарию). Однако основная часть царств Имерети и независимые княжества сохранили внутреннюю автономию, согласившись выплачивать ежегодно дань, в которой видную роль играло требование поставлять невольниц и невольников — подростков. Трон Имерети переходил по наследству от отца к сыну, этот акт утверждался султаном (инвестира). Однако Порта принимала все меры, чтобы обеспечить господство в Западной Грузии, особенно на Черном море. Уже в 1578 году в Сухумскую крепость вводится гарнизон. Во второй половине XVIII в. турецкие войска заняли имеретские крепости Кутаиси, Шорапани, Багдади. Эти действия вызывали отпор — веками длилась освободительная борьба грузин с турецкими захватчиками. И здесь имело место резкое торможение развития производительных сил, экономическая разруха, междоусобица феодалов. Свидетельствует «бич грузин» — пленопродавство (см. მ. დუმბაძე, დასავლეთ საქართველო მე-XIX საუკუნის 1-ელ ნახევარში, თბილისი, 1957).

²⁷ См. Н. Бердзенишвили и др. История Грузии, т. I, Тб., 1962 г., стр. 346—347.

бенно это касается Ираклия²⁸, сделавшего немало для усмирения непокорных феодалов, облегчения участи крепостных, укрепления управленческого аппарата, армии, насаждения промышленности, развития торговли и т. д. Будучи образованным человеком, он видел все преимущества «европейского строя», давно покончившего с феодальной раздробленностью. Вот как рисует эту сторону деятельности Ираклия II проф. Н. Бердзенишвили.

«В эпоху побед буржуазии Ираклий II не был уже царем, типичным для Грузии. Свидетельством этому является неутомимая забота о преобразовании страны «по европейскому» образцу. Мероприятия в гражданской или военной области, реформы в государственном или частном праве, начинания в области экономики или культуры — все сводилось к одному: подготавливались условия для создания новой Грузии»²⁹. Необходимо учесть и тот факт, что страна только что стала оправляться от травм, нанесенных ей господством турок («осмалоба») в 1723—1734 гг. и сменившей их Персией («кизилбашоба») в 1734—1744 гг.

Умело используя воцарившуюся в Иране после смерти (1747 г.) Надир-шаха смуту, Теймураз II и Ираклий II превращают Картли и Кахети в сильные, фактически независимые от Ирана владения. Особенно больших успехов добивается Ираклий II, став в 1762 году обладателем скипетров обоих царств. Картл-Кахети превращается в мощное государство, распространившее сферу своего влияния и на соседние территории. Капитан Языков в своей «Записке о Грузии» указывал: «Царь Ираклий ныне (1770—Л. А.) владеет Картлией, Кахетией и частью Осетии, Борчал и Казах. Персяне (кочевой народ) отданы Шах-Надиром царю Ираклию в вечное владение, Ериванский и Ганджинский ханы платят дань»³⁰.

В 60—70-ых годах XVIII века Ираклий «возвел Грузию на степень той важности, коею она сделалась известна соседним державам»³¹, заговорили о ней и в Европе³².

Таково чисто фактическое положение дел. С юридической точки зрения же Картл-Кахети по-прежнему считалась вассальным государством Ирана. Опытный политик Ираклий II не отрицал сюзеренитета Ирана, напротив, часто использовал его для своих выгод в борьбе с соседними ханствами. Анархия и слабость центральной власти в Иране делали последний безопасным для Грузии, и верховенство практически было чисто номинальным: в отличие от прошлых лет, эпохи царей-мусульман (1632—1744 гг.), теперь цари Грузии вновь венчаются на царство по

²⁸ С 1762 г., после смерти отца, Ираклий II становится царем Картл-Кахети.

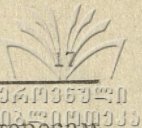
²⁹ Б ბ ე რ ძ ე ნ ი შ ვ ი ლ ი ს კ ა რ თ ე ვ ლ ო ს ო უ ს ე თ ა ნ შ ე ვ რ თ ე ბ ი ს . ისტორიული მნიშვნელობისათვის. „მნათობი“, № 6, 1954, стр. 157.

³⁰ А. Цагарели, Грамоты и другие исторические документы XVIII столетия, относящиеся к Грузии (далее «Грамоты...»), т. I, 1891, СПб, стр. 183. Чуть ниже Г. Языков исчисляет дань ереванского хана в 30.000 рублей, а ганджинского в 10.000 р. (там же, стр. 187); по Бурнашову и Буткову же эти суммы соответственно выглядят так: 50 и 40 тысяч (Грамоты..., т. II, к. 2, стр. X).

³¹ П. Бутков. Материалы по новой истории Кавказа, с 1722 по 1803 г., I, 1869, СПб, стр. 241.

³² См. выдержку из «Петербургских ведомостей» от 23.XI.1753, у П. Буткова, Материалы..., ч. I, стр. 327.

христианским обычаям, контрольный аппарат шаха подчинен интересам грузинского царя, страна не платит дани, даже дары посылаются изредка.

Но правящие круги Картл-Кахети понимали, что успех этот временный и как только власть шаха в Иране усилится, он предъявит свои права на Грузию. Как далеко он пойдет в своих притязаниях, не будет ли гнет Ирана еще тяжелее, чем был в самые худшие дни «кизилбашо-ба»? Ведь вся история грузино-иранских отношений говорила за то, что гнет Ирана, хоть и с перерывами, но усиливался, а внутреннее положение страны неустойчиво шло вниз по наклонной плоскости.

Именно в этот период и было решено пойти на жертву: добровольно подчинившись России, положить конец вековому господству иноверной державы и ее соперника по агрессии Турции. Выбор этот не был случайным, он имел под собой глубокие исторические и юридические корни. Уже в 1483 году царь Кахети Александр I пытался установить дипломатический контакт с Иваном III, прослышав о его победе над татарами. Однако этот шаг оказался неудачным — Москва еще далека от Кавказа³³.

ГЛАВА II

КАХЕТИ И МОСКОВСКОЕ ГОСУДАРСТВО В 60-ЫХ ГОДАХ XVI ВЕКА

На середину XVI века падает второй, на этот раз более значительный, чем акция Александра I, этап грузино-русских взаимоотношений.

Согласно Никоновской летописи, кабардинские черкесы, явившись в 1557 г. в Москву с просьбой о покровительстве, сообщили, что они «в одной правде и заговоре с Иверским князем и всею землею Иверскою», которые «с ними же бьют челом»³⁴.

Вторично летопись упоминает Грузию лишь в 1564 г. «Ноября отпустил царь и великий князь Кизитского митрополита Кир-Иасафа и Святые горы старцев и патриарша слугу Михаила..., з Грузинского князя Леона послом с Яковом с товарищи на Астрахань да на Черкаскую землю да и в Грузинские земли, и из Грузинские земли дорога ему через Трапезонскую землю до Турского салтана земли и ко Царюграду»³⁵.

Грузинская историография уже давно установила, что в обоих случаях речь идет о царе Кахети Леване I³⁶.

Что просил Леван? Что ему ответили? Летопись об этом умалчивает. Пролитывает свет сведения грузинского историка XVIII в. Вахушти, отличающегося максимальной достоверностью упоминаемых им фактов.

³³ См. Л. Алексидзе, Древнейший документ грузино-русских дипломатических отношений «Советский. Ежегодник международного права, 1961 г.», М., 1962, стр. 323—331.

³⁴ ПСРЛ, т. XIII, ч. 1, изд. 1904, стр. 284.

³⁵ ПСРЛ, т. XIII, ч. 2, стр. 391.

³⁶ См. ბ ბ ე რ ძ ე ნ ი შ ვ ი ლ ი, რუსეთ-საქართველოს ურთიერთობის ისტორიიდან XVI—XVII საუკუნეების მიჯნაზე. „Материалы по изучению истории Грузии и Кавказа“ (далее МЦИТК) В I, ТАН Гр. ССР, 1944, стр. 17; П. Месхиа, Я. Цинцадзе, Из истории русско-грузинских взаимоотношений, Тб. 1953, стр. 38; ი. ცინცაძე, ძიებანი რუსეთ-საქართველოს ურთიერთობის ისტორიიდან. თბილისი, 1957, стр. 268—332.

«Когда покорил царь русский Иоан Казань и Астрахань, а также Терек и посадил казаков на Тереке и занял (город—Л. А.) Тарху своим горнизоном, Леван послал и просил (его—Л. А.) войско для охраны крепостей Кахетских. Он (Иоан—Л. А.) прислал и поставил русских в крепостях Кахети. Но когда усилился Шах Тамаз, послал он (Леван—Л. А.) войско русское в Россию и сообщил об усилении Шаха Тамаза, из-за чего выслал войско (из Кахети—Л. А.), чтоб не пострадало (от усилившегося Ирана—Л. А.)»²⁷.

Обращает на себя внимание и одна из грамот царя Михаила Федоровича, датированная 1641 годом, в которой сказано: «А принял дед наш, блаженные памяти В. Г. и В. К. Иван Васильевич... под свою царскую высокую руку грузинского Леонтия царя, царева Александра отца, в оборону для прославленные христианские веры»²⁸.

Таким образом, как будто не вызывает сомнения тот факт, что царь Леван просил у Москвы покровительства и военной помощи.

Если верить источникам XVII и XVIII веков, военную помощь Леван получил. Но был ли заключен какой-либо договор? Если да, то на каких условиях? И тут мы сталкиваемся с абсолютно искаженной картиной кахетско-русских взаимоотношений в середине XVI века. Нам придется на миг занять место историка, ибо без выявления подлинной картины невозможно уяснить правовую сторону вопроса.

Прежде всего возникает вопрос: когда просит о помощи Леван вторично? Как будто ответ на этот вопрос дают довольно ясно уже приведенные источники. Согласно Вахушти, Леван отправил посла с просьбой после того, как Казань, Астрахань и Терек были взяты Иваном IV, а также занят войсками «Тарху». Это сообщение интерпретируется различно. Объясняется это «прочтением» термина «Тарху» по-разному. Если даты взятия Казани (1552 г.) и Астрахани (1556 г.) хорошо известны, то последние слова «даты», даваемой Вахушти, требуют уточнения.

Что имеет в виду автор, говоря — «Взяв Терек и посадив на Тереке казаков»? Как известно, вопрос о точной дате поселения терских казаков не установлен. Однако есть основание предполагать, что уже в 50-х годах на Тереке появляются казаки. Нам удалось обнаружить в работе Евг. Максимова весьма любопытное сообщение: «Наиболее достоверным и определенным приходится считать указание, по которому в 1559 году какие-то русские выходцы завладели городом Теркотле или Тюмень, находившийся на одном из рукавов р. Терека и, обнеся его стеной, поселились на жительство. В числе этих новоселов были и царские стрельцы, и донские, и волжские и яицкие казаки... Край, занятый этими людьми, давно уже был намечен русским правительством, которое и не замедлило воспользоваться пришельцами»²⁹.

К сожалению, нам не удалось найти источника, откуда автор черпал свои сведения, однако знакомство с обстановкой на Северном Кавказе

²⁷ ვახუშტი ბიბლიკონი, საქართველოს ცხოვრება (ჰიქონიის გამოცემა), სტრ. 163.

²⁸ Посольство князя Мышецкого и дьяка Ключарева в Кахетию, 1640—1643 (изд. М. Полиевктова), Тифлис, 1928, стр. 20.

²⁹ Е. Максимов, Терское казачье войско (Историко-статистический очерк), Владикавказ, 1890 г., стр. 7.

дает все основания согласиться с положением автора, тем более, что события 1559 г. видимо тесно переплетаются с событиями 1560 г., когда по приказу Ивана IV⁴⁰ воевода И. С. Черемисинов «по неправдам Шевкаловым» ходил из Астрахани «на Шевкал и на Тюмень» морем, «в судах», со стрельцами, казаками и «астораханскими людьми»⁴¹. «И оне пришли на Шевкал к городу Терком. И Шевкальский князь... бился половину дня и побежал от них в горы, а город Тарки покинул. И Иван Черемисинов город выжег и полону... поймал много и отошел со всеми людьми здорово»⁴².

Произошло это летом 1560 года. Может быть тогда-то и произошел захват и поселение казаками и стрельцами низовьев Терека. Во всяком случае можно утверждать, что Вахушти имеет в виду именно эти два события, считая их достойными внимания с точки зрения датировки действий Левана. 1552, 1556, 1559—1560 — таковы, по мнению автора, основные этапы успехов русских на Востоке и Юге в их борьбе с мусульманским миром. Правда, последний факт не совсем точен — по Вахушти, в «Тарху» был поставлен гарнизон, что противоречит летописи, но это малозначащий пробел, ибо разгром Шевкальского князя и его бегство в горы, допускали такую «передержку», тем более, что автор не указывает на длительное пребывание гарнизона в «Тарху». Мы специально сохранили «Тарху» в написании Вахушти, оно полностью совпадает с принятым в Шамхалии наименованием Тарки — «Тарху». Не вызывает сомнений, что именно этот город имеет в виду Вахушти.

Между тем, согласно учебникам по «Истории Грузии», «Иван IV закрепляется на Северном Кавказе: строит у слияния Сунжи с Терекком город и ставит на нем гарнизон. Леван сейчас же откликнулся на эти события... и, послав специальное посольство к Ивану IV, попросил его о покровительстве..»

В 1564 году... царь Иван предложил Левану покровительство и даже дал войска для защиты княжеских крепостей»⁴³. Та же трактовка в «Очерках истории СССР»⁴⁴.

Наиболее четко сформулирована современная концепция в работах проф. Я. Цинцадзе.

В вышедшей в 1958 г. книге «Из истории русско-грузинских взаимоотношений», указывается:

«Еще в 1558 г. вожди черкесов просили о помощи русского царя.

Русское государство вступило в союз с черкесами... Черкесы охотно согласились на постройку русскими крепости на их территории

⁴⁰ В ответ на просьбу кабардинцев «оборонять их от Шевкала» (см. ПСРА, т. XIII, ч. 2, стр. 324).

⁴¹ ПСРА, т. XIII, ч. 2, стр. 330.

⁴² Там же.

⁴³ См. Н. Бердзенишвили, И. Джавахишвили, С. Джанашиа, История Грузии, т. 1, 1950, стр. 329; ბერძენიშვილი, ი. დავაძე, ჯანაშია, საქართველოს ისტორია, ტ. 1, სბ., 1958, стр. 279—280. Та же формула по сути дела и в последнем учебнике Н. Бердзенишвили, В. Дондуа, М. Думбадзе, Г. Меликишвили, Ш. Месхиа, История Грузии, т. 1, 1962, стр. 284.

⁴⁴ Очерки истории СССР (кон. XV — нач. XVII вв.), М., АН СССР, 1955, стр. 844.

и со своей стороны оказывали помощь русским. В этой крепости, построенной в устье реки Терека, стал русский гарнизон.

В 1561 году Иван IV вступает в брак с дочерью черкесского владельца. Россия в 1563 г. уже имеет довольно большой гарнизон в Черкесии.

Именно в это время царь Кахети Леван Георгиевич, узнав, что Московское государство построило в Черкесии крепость, направляет специального посла к Ивану IV с просьбой о помощи и покровительстве... Кахети тотчас было обещано покровительство, и сюда был направлен вспомогательный отряд.

Русские воины вступили в кахетские крепости и защищали Кахети от набегов дагестанских племенных старшин в течение семи лет (1565—1572 гг.)⁴⁵.

Не касаясь других неточностей⁴⁶, вкравшихся в вышеприведенный текст, мы затронем лишь вопрос, непосредственно касающийся темы наших рассуждений.

Что имеет в виду автор (проф. Я. Цинцадзе), когда говорит о постройке в устье реки Терека крепости?! В вышедшей ранее, в 1956 году, монографии тот же автор пишет: «Иван IV, опираясь на черкесов, укрепляется на Тереке и ставит здесь город Тарху (по-русски «Тарк»). Это случилось в 1563 году»⁴⁷.

Теперь становятся понятными рассуждения автора: отталкиваясь от слов Вахушти, он считает, что речь идет о поставленном в устье Терека городе. Но ведь этот город (крепость) был поставлен в 1588 году!⁴⁸ Это уже давно известная аксиома. До этого в устье Терека заново и «по просьбе черкесов» никакого города не ставили. Кроме того, построенный в 1588 г. город носил название «Терского города»⁴⁹, а не «Тарк». «Тарк» (Тарки—Л. А.) же находился намного южнее и ничего общего не имел с Тереком⁵⁰.

Правда в 1567 году «по челобитию» кабардинцев у устья Сунжи был поставлен острог («город» по русским летописям и делам посольским), но носил он название также «Терского» или «Сунженского острога», а согласно грамотам того времени иногда и просто «город на Терке».

Судя по всему, это — первый «город», поставленный русскими на Тереке. Так Крымский хан 4 октября 1567 г. заявил русским послам: «Ко мне пришла весть, что хочет царь ставить город на Тереке... и он

⁴⁵ Ш. Месхиа, Я. Цинцадзе, Цит. соч., стр. 38 (разрядка наша—Л.А.).

⁴⁶ Как известно, кабардинские черкесы обратились за помощью в июле 1557 г. (ПСРА, т. XIII, ч. 2, стр. 284) и просьба о постройке города исходила в то время со стороны кабардинцев. С этой просьбой обращались впоследствии и кахетские цари (С. Белокуров, Сношения России с Кавказом, вып. 1 (1578—1613), М., 1889, стр. 482).

⁴⁷ О. Зобозов, догдобо..., стр. 277 (разрядка наша—Л. А.).

⁴⁸ См. Очерки истории Дагестана, 1957, Махач-Кала, стр. 123.

⁴⁹ Там же, стр. 124.

⁵⁰ Там же, стр. 123.

бы города не ставил»⁵¹, когда же город был все же поставлен, везде он именуется просто «на Терки город», «Город на Терке»⁵².

Даже если допустить, что название города было Тарк (что ничего общего не имеет с «Тарху» Вахушти), то построен он был в 1567 г., а не 1563 г.

Справедливость требует отметить, что, как предполагалось, в 1563—1566 гг. в Кабардинии «был поставлен город». Об этом в частности говорят крымские дела, куда дошло известие, что в результате похода Плещеева (1562—1563) Темрюку был поставлен город и он в том «городе сел»⁵³. Автор, нашедший это сообщение, пытается связать его с обнаруженными в середине XVI в. грузинским митрополитом Епифанием развалинами города. По свидетельству местных жителей, город был поставлен русскими «у реки Чечни от Терека в пол-третьих днищах»⁵⁴. Однако, видимо, сама Е. Кушева чувствует шаткость своих положений и поэтому в своей более поздней работе не затрагивает этого вопроса⁵⁵.

И действительно, вряд ли до 1567 года можно говорить о какой-либо крепости в бассейне реки Терек, ибо Крым и Турция сейчас же подняли бы об этом вопрос. Ведь воспротивились же они постройке города на Сунже еще до того, как он был поставлен и сделали все, чтобы снести его. Тем более поднялся бы шум, если бы они узнали (а это стало бы им известно моментально) о постройке крепости в сердце Кабардинии⁵⁶.

Но даже если допустить, что город был поставлен именно в 1563 году, то название его ничего общего не имеет с «Тарк». По свидетельству того же Епифания, городище носило название Чечни⁵⁷, а названия городов, как известно, весьма живучи. Таким образом, очевидно, что проф. Я. Цинцадзе ошибается в своей исходной позиции — в трактовке слов Вахушти. Отсюда ошибочность и второго положения: якобы Леван послал послов «после постройки крепости». Если принять это положение и применить его к фактам, то окажется, что посольство могло состояться лишь после 1567 года, но это идет в разрез с двумя первоисточниками — летописью и Вахушти. К надуманному толкованию источников, видимо, привели сведения, данные в летописи и датированные ноябрем 1564 года. Грузинская историография единогласно считает, что именно с этого года

⁵¹ Крымский статейный список, № 13, л. 47 (см. Н. Смирнов, Кабардинский вопрос в русско-турецких отношениях в XVI—XVII вв., стр. 15).

⁵² Там же, № 13, лист 62—77 (стр. 16).

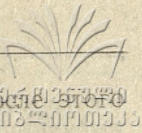
⁵³ Е. Кушева, Политика Русского государства на Северном Кавказе в 1552—1572 гг. (Исторические записки, вып. 34, 1950, стр. 275).

⁵⁴ М. Полиевктов, Экономические и политические разведки Московского государства XVII в. на Кавказе, Тифлис, 1932 г., стр. 22.

⁵⁵ См. Очерки по истории СССР (конец XV — нач. XVII вв.), 1955 г., стр. 830—831.

⁵⁶ Именно в 1563 г. в переписке Турции и Крыма с Россией появляется ряд новых мотивов — не только требование увода войска из Черкесии и Кабарды, но и притязания на Астрахань и Казань. А о «городе» ни слова! (см. Н. Смирнов, указ. соч., стр. 91—100).

⁵⁷ М. Полиевктов, цит. соч., стр. 22.

Кахети была принята под покровительство России и лишь после этого появляются в Кахети русские войска.

В подтверждение этого факта приводятся также события, имевшие место 10—15 апреля 1563 года в Шемахе, где остановился проездом английский торговый представитель Дженкинсон.

Как известно, Дженкинсон выполнял также задание Ивана IV по укреплению торговых сношений России и Ирана⁵⁸.

Как выясняется из его дневника, при возвращении в Москву Дженкинсон и его свита остановились в Шемахе. В это время и явился к нему «армянин, посланец от грузинского царя⁵⁹, который описал ужасающее положение этого царя, стиснутого между двумя жестокими тиранами... — Великим Турком и Суфием, с которыми он непрерывно ведет войны, он умолял меня из любви ко Христу... чтоб я... дал бы совет ему, как ему (царю—Л. А.) отправить посланника к русскому царю и высказал свое мнение о том, окажет ли ему поддержку царь или нет. Армянин еще много умолял меня разъяснить царю (Ивану—Л. А.) по моем возвращении крайность, в которой находится грузинский царь... Он прибавил, что царь сам написал бы мне свои мысли, но он сомневается, проедет ли благополучно его посланный. Я так же дал ему устный ответ и не только убеждал его отправить посла в Россию, не сомневаясь, что царь примет его с почетом и окажет ему помощь, но и указал ему дорогу, по которой он мог бы его послать: через страну черкесов, пользуясь благоволением Темрюка, короля названных черкесов, на дочери которого царь недавно женился»⁶⁰.

Таким образом, получается, что в апреле 1563 года Леван только нащупывает пути в Москву, а в ноябре 1564 г. его посол уже возвращается. Следовательно, посольство должно было состояться на рубеже 1563—1564 гг., скорее всего весной—летом 1564 года, закончившееся присылкой войска в Кахети в 1565 г.

Нам представляется такой вывод спорным. Действительно, если ознакомиться с положением дел на Северном Кавказе, создается совсем иная картина.

После того, как в 1557 г. Темрюк просил Ивана «о принятии в холопи» «со всей землей» и «защитить его от Шевкала», Иван в 1560 году посылает Черемисинова «наказать» шамхала «за неправды» (прежде всего, видимо, за войну с Темрюком), одновременно в Кабарду были посланы «послы христианские по их обещанию и челобитию крестить их, кабардинских черкес»⁶¹, а в 1561 году Иван женится на дочери Темрюка княжне Марии⁶².

⁵⁸ См. Н. Пигулевская и др. История Ирана с древнейших времен до конца XVIII в., Л., 1958 г., стр. 260.

⁵⁹ Благодаря проф. Я Цинцадзе точно установлено, что посланным армянина царем был кахетский — Леван I, а не картлийский Луарсаб I (ძეგბო... стр. 278—283).

⁶⁰ Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. (перев. с англ. Готье Ю.), 1937 г., стр. 211 (разрядка наша—Л. А.).

⁶¹ ПСРЛ, т. XIII, ч. 2, стр. 324.

⁶² Там же, стр. 333, 339.

После этого на рубеже 1561—1562 гг. Темрюк и все его люди⁶³ учинились государю в службе. А которые.. черкесские князи Темрюку князю непослушны, и те, заслыша.. что царь Темрюка пожаловал, дочь его взял за себя, и они Темрюку — князю учли быти послушны и дани ему учли давати и во всей учинились в Темрюка княжей воле»⁶⁴. Весть об этом пришла 8/IX—1562 г., а 23/IX Иван IV уже послал Темрюку Григория Плещеева, «велел послати изс Казани и Астрахани для бережения стрельцов и казаков пятьсот человек. А велел государь.. Плещееву со стрельцы и казаки жити у Темрюка и слушатся его во всем и от всех его недругов беречи и в войну ходити сего людьми вместе, куда его Темрюк князь учнет посылать»⁶⁴.

Встретив в Астрахани бежавшего туда «от недругов» Темрюка, Плещеев в декабре 1562 года, забрав 500 стрельцов и 500 казаков, направился «в Черкесы». «И Темрюк с государскими людьми недругом своим недружбу давал и в свою волю их привел, а воевал Шепшуковы улусы»⁶⁵ да воевал Татцкие земли близь скинских городков. И воевали землю их одиннадцать дней, и взяли кабаков Мшанских и Сонских сто шестьдесят четыре и людей — многих побили и в полон поимали...»⁶⁶.

Судя по всему, это было большое военное мероприятие, имевшее целью закрепить позицию России на Северном Кавказе, воспользовавшись «службой» Кабарды. Крым и Турция настоятельно потребовали увода русских войск из Кабарды⁶⁷, однако Москва продолжает посылать войска.

В 1565 году к Темрюку отправлено было два отряда, которые пришли в Кабарду лишь в 1566 году и пробыли там с июня по август. За это время вновь были «воеваны Шашуковы кабаки»⁶⁸. В 1567 г. по просьбе Темрюка «на реке Терке усть-Сююнчи» был поставлен город⁶⁹, однако в связи с усилившимся со стороны Турции нажимом, приведшим даже к войне (1569 г.), Иван IV предпочел снести город и вывести войска на Астраханскую линию (1571—1572 гг.)⁷⁰.

Таким образом, начиная с 1560 года в непосредственной близости от Кахети находятся русские войска, которые в 1562—1563 гг. даже побывали на южных склонах Кавказского хребта, ибо известно, что «Сонские кабаки», «Сонские земли» русских летописей и документов — это слово, производное от Swan но «применяется в очень широком масштабе не только к... сван(ет)ии, но и ко всей окружной горной области, приблизительно до линии Терек—Арагва»⁷¹.

⁶³ ПСРЛ, т. XIII, ч. 2, стр. 343—344.

⁶⁴ Там же (разрядка наша—Л. А.).

⁶⁵ Шепшук (Шеапшук Кантукин) — черкесский князь, глава оппозиционной Темрюку группы (см. Кушева, цит. соч., стр. 274).

⁶⁶ ПСРЛ, т. XIII, ч. 2, стр. 370—371.

⁶⁷ См. Н. Смирнов, Россия и Турция в XVI—XVII вв., т. I, 1946, стр. 91.

⁶⁸ ПСРЛ, т. XIII, ч. 2, стр. 405.

⁶⁹ Там же, стр. 405. 407.

⁷⁰ См. Е. Кушева, цит. соч., стр. 286.

⁷¹ М. Полиевктов, Экономические и политические разведки..., стр. 28, 29.

Известно, что к этому времени туши, пшавы и хевсуры вынуждены подчиниться власти Левана⁷², следовательно, военные операции проходят чуть ли не на самой территории Кахетского царства.

Это было событием огромной важности и источники тех времен должны были отразить их. Но Вахушти, черпающий сведения из грузинских первоисточников, ничего об этом не говорит.

Не следует ли предположить, что решение о посылке посольства в Москву созрело после разгрома Тарки и появления «крестьянских попов» в Кабарде?

Ведь Леван уже давно был «в заговоре» с Темрюком и, конечно, прекрасно знал о всех перипетиях русско-кабардинской политики. Впервые за много лет Леван узнает о том, что по соседству действуют посланцы христианской державы. Нам думается, что именно в это время Леван обращается за покровительством вторично. Способствовало этому и международное положение Кахети в этот период. На полях Картли шла борьба — Симон успешно действовал против Шах Тамаза. Он почти очистил Картли от иранских захватчиков⁷³ и готовился к штурму Тбилиси. Вассал шаха Леван — как мы знаем оставался в этой борьбе в стороне, занимал выжидательную политику и занимался внутривнутриполитическими делами. Но он прекрасно видел бессилие Тамаза в Картли, что заставило Иран смотреть на действия Кахети сквозь пальцы, опасаясь ее союза с Картли. Воспользовавшись этим, Леван подчинил себе Туш-Пшав-Хевсуретию, сковал действия дагестанских племен, но был все время начеку, недоверяя им. Именно в них видел Леван основное зло в тот период и, зная о победе русского оружия в 1560 году, а также видя усиливающееся влияние Москвы в соседней Кабарде, Леван не мог не попытаться вторично наладить контакт с Россией.

Для гарантии своих северо-восточных границ Левану необходимо было формально заручиться поддержкой Ивана IV, однако, безусловно, царь Кахети преследовал далеко идущие цели — возможность использовать русские войска против Ирана и Турции. Вряд ли было послано специальное посольство, скорее всего послы Кахети слились с одним из многочисленных посольств Темрюка или Московского государства.

В декабре 1562 года Плещеев с 500 стрельцами и 500 казаками приходит в Кабарду и даже переходит в Грузию. Именно в этот момент и должен был Леван получить от Ивана IV несколько подразделений для охраны крепостей.

Однако Левана это уже не устраивает. В 1561 году произошли события, которые усилили зависимость Кахети от Ирана.

В 1561 г. в битве за Тбилиси царь Симон проиграл сражение. Его союзником в этой борьбе был сын Левана Георгий, пришедший в Картли с войском на помощь. В битве Георгий погиб. Обо всем этом стало известно шаху. Пытаясь спасти Кахети от гнета Тамаза, Леван посылает к нему сына Иассе с богатыми дарами и данью, прося прощения. Разгневанный шах смилостивился, но все же оставил у себя в заложниках

⁷² Вахушти Багратиони, Цит. соч., стр. 163.

⁷³ Н. Бердзенишвили и др., История Грузии, ч. I, 1950, стр. 326—327.

Иассе. Теперь руки у Левана были связаны⁷⁴. Не это ли имеет в виду Вахушти, когда говорит об «усилении шах Тамаза»? Думается, именно эти события. А тут еще брат царя Симона Давид с группой ренегантов феодалов ушел в Иран и, приняв мусульманство, признал верховенство шаха.

В 1562 г. Дауд-хан вторгся в пределы Картли и занял Тбилиси. Симон вторично вынужден был отступить⁷⁵.

Таким образом, приход русских войск в «Сонскую щель» и «усиление Тамаза» в отношении Кахети совпадают. Леван сначала, видимо, принял пришедших с севера казаков и, возможно даже пытался убедить шаха в необходимости их для защиты от Шамхала, действовавшего в контакте с Турцией; однако Тамаз потребовал вывода казаков, грозя вторжением. Леван должен был сделать выбор. Именно в это время и должен был узнать Леван о «посольстве» Дженкинсона.

Искушенный политик решил разузнать сложившуюся ситуацию из уст иностранца, по его мнению, хорошо знакомого с положением как в Москве, так и в Иране. Прикинувшись, что он ищет дорогу в Москву (даже если не считать дружбы с Темрюком, смешно предположить, что грузинам понадобилось «спрашивать дороги в Москву» у иностранца), Леван попытался разведать: стоит ли порывать с шахом и можно ли рассчитывать на реальную поддержку Москвы. Тот факт, что «посол» Левана не имел грамоты, лишний раз подчеркивает, что царь Кахети не хотел документально выдавать свой дипломатический ход.

«Посол» Левана, видимо, «разведал» слишком много, узнал он, по всей видимости, и о приеме, который оказал Дженкинсону Тамаз⁷⁶, и о нежелании Тамаза порывать с Турцией из-за России и Англии⁷⁷.

Леван понял, что союз с Россией может пагубно сказаться на нем. Казаки в Кахети не устраивали Иран ни с какой стороны. Ссылка на Шамхала и горские племена не могла быть оправданием, ибо Тамаз в этот период всячески заигрывал с Турцией и не мог позволить своему вассалу давать повод для конфликтов.

Одновременно усиливается нажим Турции на Северном Кавказе — хан Давлет Гирей успешно нарушает союз западных черкесов с Москвой в 1562—1563 гг. и подчиняет эту часть Северного Кавказа⁷⁸.

Все это не могло не насторожить Левана, который предпочел временно отказаться от помощи Москвы. Тогда-то и было снаряжено посольство во главе с Яковом, долженствующего обосновать позицию Левана так, чтобы не вызвать гнева Ивана IV. Леван сообщал: «Об усилении Тамаза» и об опасности его вторжения, «в результате которого русские войска могли бы быть уничтожены».

⁷⁴ См. ი. ჯავახიშვილი, ქართველი ერის ისტორია, т. III, 1948, თბილისი, стр. 237.

⁷⁵ ვ. ჯავახიშვილი, ქართული ფეოდალური წყობილება XVI—XVII საუკუნეებში, 1958 გ., стр. 31.

⁷⁶ Известно, что Тамаз подумывал отправить голову английского купца в подарок султану Турции (Н. Пигулевская и др. цит. соч., стр. 266).

⁷⁷ Н. Пигулевская и др. цит. соч., стр. 260.

⁷⁸ См. Е. Кушева, цит. соч., стр. 266—267.

Здесь явно чувствуется неловкость со стороны царя Кахети, по сути отвергающего им самим просимую помощь. Однако со своей стороны Леван был прав — в тот момент Россия не была в состоянии ввязаться из-за Кахети в борьбу с Ираном (Леван хорошо это понимал), именно поэтому в крепостях были поставлены не стрельцы, а казаки⁷⁹, спрос с которых был меньше, чем со стрельцов. Зато Кахети могла ожидать печальной участи сразу с двух сторон — Иран и Турецко-Шамхалский союз.

Этим и объясняется небрежный тон летописи, упоминающей посла Левана (Леонтия) лишь в связи с отпуском духовных персон в Константинополь, которым проводниками до Турции, видимо, должны были служить послы кахетские. Летописи молчат о дате прихода этих послов, но легко догадаться, что это лето 1564 года. К этому времени русских войск в Кахети уже нет — они ушли с возвратившимся в Москву летом 1563 года Плещеевым.

Нарисованная картина является единственно возможной при правильном анализе источников и ситуации, сложившейся на Северном Кавказе в 60-х годах XVI столетия. Наш тезис подкрепляется одним древним источником, который почему-то остался вне поля зрения ученых, работающих в интересующей нас области. Речь идет об описи царского архива⁸¹, составленной в 70-х годах XVI века⁸², упоминающей наличие документов, которые до нас не дошли. Она гласит: «Ящик 226. А в нем посылки черкаские ко князю Темгрюку, и книги, писаны в тетратех лета 7070-го до лета 7072-го; да грамоты Леона, князя грузинского, и отписка к нему»⁸³. Совершенно очевидно, что и грамоты Левана и отписка уместаются в те же хронологические рамки — от 1 сентября 1561 до 1 сентября 1564 года.

Можно допустить небольшие колебания в одну и другую сторону, т. е. взять отрезок 1561—1564 гг. Но и в этом случае «Опись» подкрепляет наш тезис и исключает правильность существующего положения — между Леваном и Иваном IV переговоры начались задолго до 1564 года, являющимся годом, когда дипломатические сношения были прекращены.

Леван мог обратиться за помощью вторично лишь в начале 1561 года. Просьба дошла лишь к концу того же года, а может в начале 1562 года. Вскоре появляются войска Плещеева. Все это дает Вахушти возможность наметить основные вехи: падение Казани (1552), Астрахани (1556), «оседлание» казаками Терека (1560 г.), обращение Левана за помощью (1561 г.), «присылка отряда» (1562—1563 гг.).

⁷⁹ См. ниже, стр. 23 нашей работы.

⁸⁰ См. ПСРЛ, т. XIII, ч. 2, стр. 391.

⁸¹ Впервые опубликован в Актах археографической комиссии, т. I, 1836, № 289. В 1900 г. С. Шмидт издал прекрасно подготовленный текст, которым мы и воспользовались.

⁸² По мнению ученых, «Опись» составлена в 1572—1575 гг., не позже. См. Описи царского архива XVI века и Архива посольского приказа 1614 года. Под ред. С. Шмидта, Изд. Восточной литературы, М., 1960, стр. 8—9.

⁸³ Там же, стр. 43 (подлинник в Гос. публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Шифр. д. IV 70/1, Сборник рукописей XVI—XVII вв., лл. 224—357 об. Интересующее нас место на листе 352).

Весьма спорным является вопрос и о присылке из Москвы специального отряда. Это была лишь часть 500 казаков, которых привел Плещеев в 1562 году в Кабарду. В задачу Плещеева входило помочь всем, кому Темрюк прикажет. Кроме того, видимо, было дано указание помочь Левану, что и было сделано. Однако помощь эта была малочислена, что убедило Левана в нереальности рассчитывать на помощь Москвы против Ирана.

Согласно установившейся традиции русское войско в Кахети исчисляется 500 казаками. Опираются в этом случае на статейный список посла в Кахети в 1589—1590 гг. князя Звенигородского, где сообщается о том, что, когда русские послы потребовали от Александра II подвод и лошадей для перевоза с Тюмени 100 стрельцов в помощь, посланцы царя отвечали: «Прежде здесь государевых казаков было пять сот человек, а лошадей у них не было и те люди пеши шли же»⁸⁴.

Мы не согласны с подобной интерпретацией. Из вышеприведенных слов вовсе не следует, что все 500 казаков стояли в крепостях Кахети, просто грузины указывают на количество: не два, не десять, а 500 казаков было пеших, причем государевых казаков. Видимо имеются в виду именно те 5 сотен, которые привел с собой Плещеев и которые в основном и побывали на южных склонах Кавказского хребта. Вряд ли все 500 человек «стали бы в крепостях» Кахети. 500 казаков в то время была огромная сила. Ведь Плещеев взял с собой 500 стрельцов и 500 казаков, предпринимая важный поход, отрываясь от базы (Астрахань) на много сот километров. Все последующие походы более малочисленны. Какой силой было 500 человек русских войск можно судить хотя бы по тому, что даже на рубеже XVI—XVII вв., когда Россия вплотную занялась кахетским вопросом, помощь в 100—150 стрельцов считается большой⁸⁵, а в столкновении царевича Георгия с кумыками в 1584 г. участвует всего 40 стрельцов во главе с сотником Сеновским⁸⁶. 500 казаков — это половина всего войска Плещеева (1562—1563) и больше половины участвовавших в походе Дашкова и Ржевского (1566, лето).

Таким образом, военная помощь России Кахети могла выражаться в оставлении в нескольких крепостях (расположенных вблизи от сферы действия Плещеева) малочисленного гарнизона — части «500 государевых казаков». Это и убедило Левана переменить позицию — вернуть казаков, ибо они только могли разжечь конфликт, а не устроить врагов.

В свете вышеизложенного неправдоподобным кажется нам и другое принятое положение: русский отряд оставался в Кахети семь лет — с 1565 по 1572 год. Неприемлема эта дата хотя бы потому, что наличие русских войск в течение семи лет в Кахети — факт, который не мог остаться бесследным для анналов истории⁸⁷, а между тем эта цифра

⁸⁴ СРК, стр. 210.

⁸⁵ Там же, стр. 210, 211.

⁸⁶ Там же, стр. 476—477.

⁸⁷ Ведь даже в Кабарде они не задерживались больше двух-трех месяцев. А отношение Москвы к Кабарде в 1960 г. нельзя ставить на равную ногу с русско-кахетскими отношениями.

упоминается единственным источником да и то XVIII века, причем все там напутано до того, что непонятно, как мог проф. Я. Цинцадзе поверить тому документу, который он сам же подверг убийственной критике⁸⁸.

В свете вышеизложенных фактов совершенно очевидна беспредметность рассуждений о том, был оформлен договор или нет. Очевидно, что договор о покровительстве оформлен не был. Как правильно указывает проф. Н. Бердзенишвили, грамота 1641 года гласит, «что Иван... принял Леонтия царя... в оборону». Касаясь же Александра II, грамота гласит: «А после Леонтия... сын его Александр царь з детьми... Феодору Ивановичу... крест целовали, и грамоты докончальные грузинских царей в нашей царской казне есть многие»⁸⁹.

Более правильно говорить о военной помощи России, оказанной в ходе переговоров о покровительстве, которые закончились неудачно из-за различия в задачах, стоящих перед Кахети и Россией в 60-х годах XVI столетия.

* * *

Итак, изучение обстановки на Кавказе в 60-х годах XVI в. приводит нас к выводу, что обращение царя Кахети Левана за покровительством к России могло состояться лишь в 1561 году. Однако и на этот раз дело ограничилось эпизодической военной помощью, не выходящей за рамки операции по укреплению позиций России в Кабарде (1562—1563 гг.), что убеждает Левана в скороспелости своего решения. В 1564 году Кахети вновь всецело следует в фарватере политики Ирана, продолжая следить за событиями на Севере. Объективно это был мудрый выбор, ибо Россия еще не занялась Кавказом вплотную, а тем более Закавказьем. Насколько выбор был дальновидным говорят последующие события — 1565—1572 гг., когда Россия в конце концов вынуждена была временно отказаться от Кавказа.

Однако ни в коем случае нельзя забывать того, что политика России на Северном Кавказе в 1560-ых годах мешала разворачиванию турецкой агрессии в этом районе, имеющей целью охват Закавказья с тыла. Объективно это имело крупнейшее значение для дальнейшей судьбы народов Закавказья⁹⁰.

⁸⁸ ი. ცინცაძე, დოკუმენტი..., стр. 287—289.

⁸⁹ Н. Бердзенишвили, Из истории русско-грузинских отношений (МИИГК, 1944 г., вып. 1, стр. 17, 27, 28); его же, Рецензия на докторскую диссертацию Я. Цинцадзе «Разыскания по истории русско-грузинских отношений», «Мимомхилвели», 1951 г., № 2, стр. 337—338. Обе работы на грузинском языке.

Аналогичный вывод независимо от Бердзенишвили сделан проф. Я. Цинцадзе в его докторской диссертации (см. დოკუმენტი, стр. 320).

⁹⁰ См. Е. Кушева, цит. соч., стр. 287.

ГЛАВА III

 ПЕРВЫЙ ГРУЗИНО-РУССКИЙ ДОГОВОР О ПОКРОВИТЕЛЬСТВЕ
 НА РУБЕЖЕ XVI—XVII ВВ.

В 80-х годах XVI века начинается наиболее крупный этап грузино-русских отношений, ибо созрели исторические условия, диктующие России настоятельную необходимость разрешить проблему южных границ вообще и прикаспийского торгового пути в частности. Международная обстановка, в которой завязывались грузино-русские отношения, детально изучена нашей историографией и мы не считаем нужным ее касаться⁹¹.

В начале апреля 1587 года Федор Иванович «з бояре» «приговорил» взять «в оборон» кахетского царя Александра и для оформления этого союза послать «посланника своего»⁹².

В августе русские посланники Родион Биркин и Петр Пивов уже были при дворе Александра II, а еще через месяц—28 сентября 1587 года Александр II «на записи крест целовал и запис целовальную за своею рукою и за печатью Родивону да Петру дал»⁹³. В 1589 году посол Федора Ивановича князь С. Звенигородский вручил Александру «жаловальную грамоту з золотою печатью» — последние формальности заключения союза были закончены.

После смерти Федора Ивановича союз был обновлен. На этот раз «запис» давал захвативший престол царевич Давид. Однако, по настоянию послов, приложил свою печать и Александр (1 июля 1603 г.)⁹⁴. После смерти Давида, Москва вновь обновляет договор — за отсутствием Александра «запис» дает царевич Георгий (1605 год, 1 января)⁹⁵. Текст «записей» абсолютно идентичен записи 1587 года. Текстов «жаловальных грамот» нет; нет и упоминания о них; это заставляет думать, что составление «жаловальной грамоты» считалось само собой разумеющимся. Кроме того, смута в Кахети могла заставить Москву повременить с «грамотой» пока не стабилизируется положение.

Весь рассматриваемый период (т. е. с 1587 вплоть до 1605 гг.) наполнен непрерывными посольствами московских и кахетских царей, которые по сути дела играли роль постоянных дипломатических представительств. Так, кахетские послы в Москве находились в 1586—1587, 1588—1589, 1591—1592, 1593, 1595—1596, 1599—1600, 1603—1604 гг., московские же в Кахети — в 1587—1588, 1589—1590, 1591—1592, 1593—1594, 1596—1599, 1601—1603, 1604—1605 гг.

⁹¹ См. Ш. Месхиа, Я. Цинцадзе, К истории русско-грузинских взаимоотношений. Тбилиси, 1958 г., стр. 39—43; Очерки истории СССР (конец XV — начало XVII века). Москва, 1955 г., стр. 480—482. С. Белокуров, Сношения России с Кавказом (далее СРК), 1889, СПб; наиболее подробно см. ნ. ბერძენიშვილი, რუსეთ-საქართველოს ურთიერთობის ისტორიიდან XVI—XVII საუკუნეების მიჯნაზე. МИИГК, вып. 1, 1944, стр. 1—16.

⁹² СРК, стр. 12.

⁹³ СРК, стр. 41.

⁹⁴ СРК, стр. 362—363.

⁹⁵ СРК, стр. 490—491.

საქართველოს
ხელნაწერთა
საზოგადოება

Начиная с 1587 г. грузинские послы везли в Кахети московских послов, а, по возвращении из Кахети, московские послы привозили кахетских. За 18 лет эта последовательность ни разу не была нарушена⁹⁶.

Содержание посольств было различно — Александр просил военную помощь на Шамхала, убеждал прислать мастеров пушечного литья, приглашал в Кахети русских священнослужителей для оказания помощи в восстановлении «поруганного неверными христианства» и т. д. Со стороны Москвы давались обещания помощи, посылались сообщения о посылке войск и планы совместных кампаний против Шамхала; задерживая посылку пушечных мастеров, Москва с готовностью посылала священнослужителей, различные дары и т. д.

Разбор этих перипетий не входит в нашу задачу. Все это и без того всесторонне освещено в работах наших историков. Нас интересует юридическая природа созданного союза, ибо статус Кахети в отношении России остается тот же вплоть до 1605 года, когда со смертью Александра II и воцарением его сына Константина на тридцать лет прерываются связи России и Кахети.

* * *

Итак, что же представлял собой акт 1587—1589 гг. с юридической точки зрения?

Прежде всего следует отметить, что грузинские, русские и иностранные ученые (как до октябрьского, так и послеоктябрьского периода) расходятся во мнениях при оценке договора 1587—1589 гг. Вот основные термины, которые используются при квалификации статуса Кахети в этот период: «подданство в смысле вассалитета» (С. Соловьев, С. Белокуров, С. Юшков, И. Джавахишвили, Я. Цинцадзе)⁹⁷, «подданство в смысле вассалитета и протектората» (З. Авалишвили)⁹⁸, «подданство», «договор о взаимопомощи» ... «покровительство», «вассалитет» (Н. Бердзенишвили)⁹⁹, «протекторат, исключаящий вассалитет» (М. Хелтуплишвили, Н. Коркунов)¹⁰⁰, «покровительство» (Аллен)¹⁰¹, «установление дипломатических связей» (Ленг)¹⁰².

⁹⁶ См. ниже.

⁹⁷ С. Соловьев. История России, М., 1870, т. II, стр. 341; С. Белокуров. Сношения..., стр. СХVII; С. Юшков. История государства и права, М., 1950, ч. 1, стр. 269; ი. ჯავახიშვილი, ქართველების ისტორია, 1948, т. III, стр. 314—315; Ш. Месхиа, Я. Цинцадзе. Из истории русско-грузинских взаимоотношений. Тб., 1958, стр. 45—46; ი. ციციბაძე, 1783 წლის მუარველობითი ტრაქტატი, 1960, стр. 45 ისლ.

⁹⁸ З. Авалов. Присоединение Грузии к России. СПб, 1906, стр. 51—52.

⁹⁹ რუსეთ-საქართველოს ურთიერთობის ისტორიიდან მე-XVI—XVII საუკუნეების მიჯნაზე. вып. 1, стр. 23; раздел «Грузия» в «Очерках истории СССР» (конец XV—нач. XVII вв.), 1955; История Грузии. ч. 1, 1950, стр. 343.

¹⁰⁰ М. Хелтуплишвили. Вступление Грузии в состав Российской империи. Кутаиси, 1901, стр. 5, 7—8; 9. Н. Коркунов, Русское государственное право, СПб, 1909, т. 1, стр. 206—207.

¹⁰¹ W. Allen, A history of the Georgian People. London. 1932, стр. 164.

¹⁰² D. M. Lang, The last years of the Georgian Manarchy (1658—1732) Columb. Univ. Press. N. Y. 1957. стр. 12.

Не надо быть особенно искусственным, чтобы увидеть здесь довольно парадоксальную картину — с точки зрения международно-правовой практики и теории XIX—XX вв. «протекторат» несовместим с «вассалитетом», а тем более с «подданством», в свою очередь ни один из этих терминов не имеет ничего общего с «установлением дипломатических связей». Согласно теории и практики XIX—XX в. «протекторат» и «вассалитет» — формы полусуверенных государств, лишенных, как правило, полной внешнеполитической дееспособности и имеющих лишь внутривнутриполитическую автономию, контролируруемую сюзереном или протектором¹⁰³.

Да, так выглядит теория и практика международного права XIX и начала XX века; но мы ведь касаемся событий XVI—XVII вв.

Еще Гуго Гроций предупреждал: «первое предостережение должно состоять в том, чтобы не впасть в заблуждение вследствие двусмысленности слов и внешности вещей»¹⁰⁴.

Для того, чтобы точно охарактеризовать международно-правовой статус того или иного государства в интересующий нас период необходимо рассмотреть его в аспекте понятий и терминов того времени. Лишь в этом случае можно избежать ошибок и неточностей в определении.

Вассалитет — хорошо известная форма государственного устройства средневекового общества, в основе которого лежало договорное начало, связывающее представителей господствующего класса¹⁰⁵.

Мы считаем излишним в настоящей работе подробно освещать истоки происхождения и характерные черты¹⁰⁶ института вассалитета эпохи феодальной раздробленности и в период укрепления феодальной монархии в Европе, когда вассалитет, основанный на прекарных началах, все менее и менее доминирует как форма политической организации феодальных комплексов в Западной Европе.

Важно отметить тот факт, что вассалитет в эту эпоху — не только форма коммандации — покровительства, но и форма подчинения слабого сюзерена сильному путем насилия или угрозы применения силы. Огромную роль в деле насаждения подобного взгляда сыграла Священная Римская империя, монархи которой претендовали на *dominium directum* в отношении всех земель, входящих некогда в состав Римской империи.

¹⁰³ Международное право. Изд. ИПАН СССР, 1957; Л. Моджорян. Субъекты международного права, 1958, стр. 87—96; Н. Черноголовкин. Формы колониальной зависимости. М., 1956, стр. 68—100; Ф. Мартенс. Современное международное право цивилизованных народов. 1904, т. 1, стр. 258—259; Л. Оппенгейм. Международное право. 1948, т. 1, полутом 1, стр. 182 исл. Ч. Хайд. Международное право (Его понимание и применение США), 1950, т. 1, стр. 125—134; Д. Анцилоти. Курс международного права. М., 1961, стр. 195—205; P. Fauchille, *Traité de droit international public*. Paris, 1920, t. 1; W. Gould *An introduction to international law* N. Y. 1957, стр. 189—204; M. Deerpagnet *Aassat sur le protectorat international*. Paris. 1896.

¹⁰⁴ Гуго Гроций, «О праве войны и мира». М., 1957, кн. 1, л. III, § 1, стр. 133.

¹⁰⁵ См. Всеобщая история государства и права, М., т. II, 1947, стр. 12.

¹⁰⁶ См. А. Венедиктов, Государственная социалистическая собственность, М., АН СССР, 1948, стр. 133—158.

Ту же политику проводили соперники императоров в борьбе за мировую гегемонию — римские папы¹⁰⁷.

Ни императоры, ни папы не признавали иного вида взаимоотношений с другими владетелями, городами-республиками, кроме безусловного признания своего сюзеренитета (*dominium directum*).

Непокорных ждала кара «наследников Кесарей» («апостолического престола»), примером тому служила судьба городов Италии, земель Прибалтики и др.¹⁰⁸

Однако попытки императоров и пап закончились крахом — ход истории обусловил образование централизованных государств, не признающих над собой ничьей власти на земле (Франция, Англия, Испания, Португалия и др.) и самих стремящихся к мировой гегемонии. Долго еще императоры и папы притязают на политическое верховенство в Западной Европе, но тщетно. Даже те, кто не отказывался от ленной зависимости императора (папы), являлся фактически независимым государством и мог числиться в списке главных суверенов Европы, как, например, король Неаполя и обеих Сицилий¹⁰⁹. Однако сюзеренитет, насаждаемый императорами и папами, был воспринят и другими государствами как один из видов зависимости в международных отношениях. Атрибутами сюзеренитета-вассалитета являлись права сюзерена на инвеституру, дань и службу вассала «против всех и каждого». Порой служба могла отсутствовать, компенсируясь данью, и наоборот. Так, король Неаполя и обеих Сицилий (XI—XVIII вв.) обязан был платить своему сюзерену — папе ежегодно 7.000 дукатов и подводить белого иноходца¹¹⁰, вассалы императора — города Италии обязаны были субсидировать военные мероприятия империи¹¹¹, магистр Тевтонского ордена, разгромленного Польшей, по договору 1466 г. вынужден был признать сюзеренитет короля польского, обязавшись платить дань и оказывать военную помощь¹¹².

Впоследствии, из-за отказа нового магистра Альбрехта принести присягу верности, Орден подвергся новому разгрому, закончившимся ликвидацией последнего и превращением Альбрехта в светского князя — ленника Польши, обремененного целым рядом чисто верноподаннических обязательств: в отличие от короля, носящего титул «Князь Пруссии», ленник получал титул «Князя в Пруссии» и право голоса в Сейме в делах прусских; высшей инстанцией в спорах между князем и его поданными становится король, который даже мог давать, помимо воли князя, по-

¹⁰⁷ См. История дипломатии, М., 1959, стр. 146—165; Д. Брайтс. Священная Римская империя. М., 1891; М. Таубе. История зарождения современного международного права, СПб., 1849, стр. 206—238.

¹⁰⁸ См. История дипломатии, М., 1959, стр. 165—174.

¹⁰⁹ См. Эмер де Ваттель. Право народов. М., 1960, стр. 42 (кн. 1, гл. XVI, § 8).

¹¹⁰ E. Engelhardt. Les Protectorats anciens et modernes. Paris. 1896, стр. 84—85.

¹¹¹ Е. Тарле. История Италии в средние века. СПб., 1906.

¹¹² Э. Лависс. Очерки по истории Пруссии. М., 1915, стр. 186.

данном княжестве свои «охранные» («железные») грамоты; в случае нарушения права князь не мог распоряжаться леном, а в случае вымирания рода последнего, лен переходил Польше на началах инкорпорации¹¹³.

Что касается права инвеституры сюзерена и клятвы верности вассала, то атрибуты эти неизменны, ибо они, именно они — символ производности власти вассала.

Итак, в эпоху укрепления феодальной монархии (XII—XV вв.) и даже на закате феодализма (XVI—XVIII вв.) вассалитет — вид зависимости, основанный на условном землевладении, на признании за сюзереном права на верховную собственность в отношении земель вассала, причем, безразлично: завоевано ли это государство силой, случилось ли под угрозой силы, выделено ли оно на началах лежного пожалования государством — сюзереном, или глава некогда независимого владения отдался на прекарных началах под покровительство сильного — отныне верховное право распоряжения землей вассала переходит к сюзерену, следовательно, отныне он источник власти вассала, фелония последнего ведет к потере власти.

На совершенно противоположных началах был построен институт покровительства.

Так, в 1395 году дож Генуи Антонио Адорно получил покровительство (protection) Карла VI (Франция), заключив договор, по которому король Франции был признан условно сеньором (владельцем) Генуи и получал всю «юрисдикцию» над городом¹¹⁴. Верховные права короля были тщательно оговорены договором. Например, назначаемый королем правитель Генуи «должен был править в соответствии с правилами и законами республики»; король не имел права облагать республику налогами и передавать ее кому-нибудь; используя войска республики на стороне, он должен был оплачивать расходы.

В 1424 году Монако становится под покровительство Флоренции, обязавшись «иметь тех же друзей и врагов», что и протектор, и подносить подношения в церковь Святого Иоана, в обмен на обязательство Флоренции «помогать и защищать владельца Монако от любой агрессии, помогать ему деньгами, и вносить его во все договоры о мире и перемирии». Терминологически этот договор квалифицировался как *adherentia*¹¹⁵ — «примыкание», «прилипание».

Аналогичный договор был заключен и с герцогом Савойи в 1428 г. Характерно, что в 1433 году, с целью укрепить гарантии защиты со стороны Савойи, Гримальди отдает герцогу право на *dominium directum* в отношении Тантона и Рокебурна, сохранив за собой лишь права вассала. Таким образом, сеньор Монако был одновременно союзником Флоренции и Савойи, а также вассалом — ленником последней¹¹⁶.

На рубеже XV—XVI вв. Монако связывает себя с Францией, становясь под защиту короны последней. Грамоты короля от 14.I и 10.II 1498 г., II.V 1507 г. и 20.II 1512 г. ставили сеньора Монако «под защиту

¹¹³ См. С. Кутшеба, Очерк истории общественного и государственного строя Польши, 1907, стр. 95—96.

¹¹⁴ Ed. Engelhardt, Les Protectorats, стр. 88—89.

¹¹⁵ Там же, стр. 95.

¹¹⁶ См. там же, стр. 96.

041935741
0000000000

и покровительство» Франции, сохраняя за ним «все права, преимуществва, юрисдикцию» и обязывая его лишь «считать (королевских) друзей своими друзьями, (королевских) врагов своими врагами, поддерживать и защищать (королевские) права»¹¹⁷.

В 1524 году сеньор Монако вынужден признать себя ленником Карла V, императора Испании. Монако становится феодом империи. Однако в 1529 году император соглашается отказаться от сюзеренитета на Монако и обещает суверену Монако покровительство и внесение во все мирные договоры при условии, что враги и друзья империи становятся друзьями и врагами Монако¹¹⁸.

В 1605 году Испания ввела в Монако гарнизон своих солдат, поставив их под командование протеже. И хотя содержание войск корона оставляла за собой, это действие вызвало недовольство монегасков, увидевших в этом ущемление прав самоуправления¹¹⁹.

Усиление влияния Франции в Италии при Ришелье толкает правителя Монако искать покровительства у Франции. 11-го ноября 1641 г. в Пероне был заключен договор, по которому над Монако было установлено весьма чувствительное влияние короны: Так, мало того, что, по примеру Испании, Франция приобрела право содержать в Монако гарнизон своих солдат, правитель княжества должен был быть поставлен в те же условия, что и другие правители городов Франции (для этого он должен был натурализоваться). Зато король заверял монегасков, что «никогда их суверенитет ни на море, ни на земле не будет нарушен», гарантировал неприкосновенность «правления и юрисдикции», обещал также защиту от врагов и «внесение в трактаты». Перонский договор относился к разновидности „adherentia“. Договор этот просуществовал до 1792 года, когда Монако на время было инкорпорировано Францией¹²⁰.

Наглядный пример того, какое значение имели термины «покровительство» и «сюзеренитет» в рассматриваемую эпоху, дает следующая картина: в борьбе за независимость в XV—XVI вв. целый ряд городов Прибалтики — Данциг, Торн, Рига и другие объявили, что они повинуются императору Священной Римской империи «не как сюзерену, а как покровителю, которого они сами просили о защите»¹²¹.

Что значили эти слова? То, что власть императора простирается на города постольку, поскольку они сами признают его своим покровителем и защитником, но не верховным собственником земли, а следовательно, источник суверенитета горожан не император, а они сами. Если император Священной Римской империи лишь покровитель, но не сюзерен, то протеже свободны в выборе покровителя, если почему-либо окажутся недовольны властью императора, в то время, как ленный держатель не имеет права выходить из-под власти сюзерена, если только последний беспричинно не отказывается помочь ему в трудную минуту.

¹¹⁷ Ed. Engelhardt. Les Protectorats, стр. 97.

¹¹⁸ Там же, стр. 98.

¹¹⁹ Там же.

¹²⁰ Там же, стр. 98—99. О статусе Монако в XIX—XX вв.; Л. Моджорьян, Субъекты международного права, М., 1958, стр. 95.

¹²¹ Г. Форстен. Балтийский вопрос в XVI—XVII столетиях, т. I, стр. 249.

Здесь видна тенденция правового обоснования права на «свободу» некогда действительно находящихся под сюзеренитетом городов (народов) — налицо один из примеров развала империи.

Но и там, где складывались отношения действительно «покровительственные», протектор часто притязал на сюзеренитет. Так, генуэзцы, вопреки намерениям короля Франции считать себя подлинным сюзереном, утверждали, что договор 1395 г. устанавливал лишь неравноправный союз, сохраняя за ними право на *dominium directum* в отношении Генуи¹²².

Форма же договоров была различной: акт, подписанный обеими сторонами (договор 1395 г.), клятвенные грамоты сторон (франко-монахский договор 1512 г.), грамота протектора (акт короля Франции, данный Монако на рубеже XV—XVI вв.), клятва верности протеже (Мец—Франции в XVI в.)¹²³.

Международно-правовая практика Западной Европы получила соответствующее отражение в международно-правовых воззрениях этого времени.

Характерно, что даже глоссаторы и особенно постглоссаторы¹²⁴, стоящие на позиции признания за императорами де-юре права на сюзеренитет в отношении всего католического мира (и вообще земель, входивших некогда в сферу Римской империи), вынуждены были признать наличие де-факто «свободных» народов, не признающих законов императора. Так Бартол довольно подробно останавливается на «подчиненных» и «зависимых» народах, которые, мол, не будучи в состоянии жить самостоятельно, в силу своей слабости, должны «подчиниться или примкнуть» к сильному. Поскольку феодальная концепция «свободы» заключалась в совокупности прав верховного законодательства и управления (суд, сбор налогов и т. д.) внутри и прав войны и мира, заключения договоров и союзов вовне, то, если «народ» сохранял за собой все вышеперечисленные права, обязываясь лишь к определенным услугам, обусловленным договором, то такой народ считался «зависимым», но «свободным», «примкнувшим», а не «подчиненным», ибо для последней категории характерны отказ протеже полностью или хотя бы частично от прерогатив суверенной власти и передача их протектору. Признав наличие «свободных народов», Бартол и другие изымали их из сферы действия «гражданского права» (законов империи), считая, что в отношении их должны быть применены нормы «права народов», действующие именно между «свободными народами» и вытекающие из разумной природы человека¹²⁵.

В конце XVI века Жан Боден подвел итог многовековым теоретическим выкладкам о «державности» и «независимости» и создал стройную

¹²² Ed. Engelhardt, *Les Protectorats*, стр. 89.

¹²³ F. Gairal. *Le protectorat international*, Paris, 1896, стр. 82—83.

¹²⁴ См. В. Э. Грабарь, *Римское право в истории международно-правовых учений*. Юрьев. 1914.

¹²⁵ Там же, стр. 196—200.

УДК 347.7:62
48(02)110211

теорию суверенитета, сыгравшей огромную роль не только в теории, но и в практике Западной Европы¹²⁶. Боден уже строит все свои суждения на презумпции наличия де-юре большого числа независимых государств, не подвластных ни императору, ни папе.

В специальной главе автор разбирает статус государств, находящихся под покровительством¹²⁷, резко отличая их от вассальных¹²⁸. Боден, исходя из своей концепции суверенитета, не признает такового за владетелем, держащим власть на прекарных началах. Он заявляет: «хотя и вассал, и протезе клянутся в верности, обещают помощь, защиту, уважение сюзерену и протектору (соответственно—Л. А.), но в случае фелонии или даже простого отказа от зависимости вассал теряет землю (fief), которая возвращается сюзерену в соответствии с *droit com mise* (право конфискации). Поскольку протезе (Боден употребляет термин *adherent*, реже — *client*) не получал от протектора никакого феода, то ему и нечего бояться потери земли (а, следовательно, и власти—Л. А.)¹²⁹. Именно в этом Боден видит залог суверенности протезе, сохраняющего право вернуть себе полную независимость в любую минуту, а также противодействовать попытке протектора приобрести больше прав, чем дает ему договор о покровительстве.

Вот почему Боден предостерегает не смешивать протезе и вассалов¹³⁰.

Различая государства абсолютно суверенные и относительно, вернее «нижестоящие с точки зрения «достоинства»¹³¹, Боден ближе всего к первой категории ставит государство — данника (откупающегося от притеснения или получающего таким образом покровительство) и клиента, берущего на себя обязательства, аналогичные вассальным лишь по форме («клятва верности, служба и обязанность вассала» по отношению к к сеньору)¹³². В обоих случаях слабая сторона остается суверенной в отношении сильной. Зато вассалов Боден ставит на самую низкую ступень, отрицая за ними право суверенитета. Характерно, что вассала, который волен покинуть своего сюзерена, оставив феода (*vassal simple*), Боден не считает и «подданным» (*su jet*), подразумевая под последним принадлежность сеньору «жизни, имущества, личности» индивидуума, должного безотказно следовать судьбе своего сюзерена и даже «умереть ради него, если это необходимо»¹³³.

¹²⁶ Jean Bodin, *Les six livres de la Republique*, 1608.

¹²⁷ Там же, глава VII, стр. 101 и сл.

¹²⁸ Характерно, что Боден подчеркивает особо, что термин «покровительство» отличен от «покровительства», применяемого в отношениях государя к подданным, сюзеренов к вассалам (см стр. 101).

¹²⁹ Там же, стр. 103.

¹³⁰ Там же.

¹³¹ Там же, стр. 162—165.

¹³² Там же, стр. 164.

¹³³ Там же, стр. 103. Здесь налицо традиционное различие «верности» и «подданства», характерное для политической жизни феодального общества.

Классики международного права, следуя традиции, различали абсолютно независимые (суверенные) государства и государства, связанные неравноправным союзным договором, по которому «одна сторона обязана оказывать поддержку власти и величию другой стороны», ибо в дружбе между неравными сторонами на долю «сильнейшего выпадает больше чести, на долю же слабейшего — больше обязанностей оказывать содействие первому»¹³⁴. Именно к таким относит Гроций государства, заключившие договор о покровительстве, защите, государства-клиенты. В отличие от Бодена, Гуго Гроций и его последователи не отрицают за вассалом статуса независимости верховной власти, если вассал обладает всеми прерогативами последней, которую может потерять лишь в случае фелонии или вымирания правящей фамилии¹³⁵. Положение это основано на конструкции вещного права и личного обязательства, «ибо одно дело вещное право, другое — способ владения вещью»¹³⁶.

И наконец, если обратиться к известному труду Ваттеля, то и здесь мы видим разграничение субъектов международного права, как-то: государства, находящиеся под покровительством, государства-данники и вассальные государства¹³⁷.

Ваттель особо оговаривает, что если покровительство не требует от протееже отказа от прерогатив верховной власти, ограничиваясь требованием уплаты дани, предоставления войск, даже разделения общей с протектором судьбы во всех войнах, то протееже остается независимым¹³⁸. Однако, если протееже видит недостаточность такой меры, он может «подчиниться на известных условиях» более сильному государству, заключив договор подчинения, обуславливающий границы этого подчинения — от простого ограничения внешней дееспособности до полной инкорпорации¹³⁹. Нарушение договора одной из сторон ведет к восстановлению статуса, существовавшего в момент заключения договора, — именно в этом особенность института покровительства, отличие от сюзеренитета.

«Подчиненное на некоторых условиях» государство может оставаться субъектом международного права, но зависимым, ограниченно суверенным, если внешняя дееспособность его не полностью ликвидируется. Так, обязательство не начинать войны с кем бы то ни было без согласия или разрешения союзника, который не дает коррелятивного обещания, ограничивает суверенитет, «потому что этим государства лишают себя одной из самых важных функций суверенной власти или подчиняют применение ее воле другого»¹⁴⁰.

Итак, международно-правовая практика Западной Европы, а также буржуазная наука международного права XV—XVIII вв. твердо различают прежде всего два вида зависимости государств — сюзеренитет

¹³⁴ Гуго Гроций, О праве войны и мира. М., 1957, книга 1, глава III, § XX, 2.

¹³⁵ Там же. § XXIII, 2.

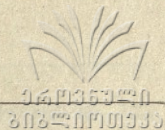
¹³⁶ Там же. § XXIII, 3.

¹³⁷ Эмер де Ваттель, Право народов. М., 1960, кн. 1, гл. I, §§ 5, 6, 7, 8.

¹³⁸ Там же, кн. I, гл. XVI, § 192.

¹³⁹ Там же. § 193.

¹⁴⁰ Там же, кн. 2, гл. XII, § 175.

и покровительство, исходя из правового основания власти зависимого, а именно — кому принадлежит право верховной собственности на землю. В условиях феодализма иначе и не могло быть, ибо именно обладание землей было неразрывно связано с обладанием политической властью¹⁴¹.

Формы сюзеренитета ограничивались вассалитетом — инвеститура, дань или служба «против всех и каждого», или оба обязательства вместе.

Формы покровительства более многообразны — данничество, вассалитет (но только по форме, т. е. инвеститура, служба против всех и каждого и т. д.), просто союзник в неравноправном договоре о покровительстве. И хотя в ряде случаев теория пыталась доказать «независимость» этих государств, практика все же свидетельствует, что в глазах протектора (так же как и сюзерена) они всегда были зависимыми, но суверенными, если самоуправлялись внутри и вовне. Вот почему «зависимость» часто отождествляется с «подданством», когда место имеет хотя бы частичное ограничение суверенитета в пользу протектора. Однако это подданство нельзя отождествлять с «полным подданством» — оно «частичное» и «условное». При «полном подданстве» место имеет инкорпорация, распространение на подданных присоединенной территории законов протектора, установление полновластия центра.

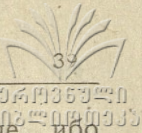
Обращает на себя внимание тот факт, что в эту эпоху (XV—XVIII вв.) термин «протекторат» в научной литературе не используется, употребляется лишь термин «покровительство»¹⁴². «Протекторат» — институт, родившийся позже, в XIX в., он основан на обязательном ограничении внешнеполитической дееспособности протеже, являясь орудием господства европейских великих держав. Протектораты лишены не только активной внешнеполитической дееспособности, но и самостоятельности внутри своих границ (и в этом характерная черта их), в то время как государства-клиенты в XV—XVIII вв., сохраняя полностью внутреннюю автономию, не только не отказывались от внешнеполитической дееспособности вообще, но часто брали на себя обязательства активных действий по защите интересов протектора.

Аналогична картина и в отношении вассальных государств. В XIX—XX вв. (Молдавия, Валахия, Египет и др.) это — некогда силой инкорпорированные государства, делающие первые шаги к возвращению независимости, атрибуты вассалитета в это время — инвеститура и дань, но зато налицо полное отсутствие самостоятельности вовне (например, войска и флот Египта были частью вооруженных сил Порты, все международные сношения должны были проходить через Константинополь, договоры Порты — обязательны для Египта и т. д.).

В XV—XVIII веках же вассал, как мы видели, мог быть «суверенным», обладая полной внешнеполитической и внутривассальной автономией.

¹⁴¹ См. К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., изд. I, т. XVI, ч. 1, стр. 399—405; т. IV, стр. 14—15.

¹⁴² В этом отношении перевод труда Ваттеля не точен — везде, где говорится о «протекторате», в оригинале — «покровительство» „Protection“. Ср. «Право народов», М., 1960, стр. 300, 330, 633 и т. д. и Le Droit des Gens, A Londres, 1758, t. 1 chap. XII § 155; chap. XIII. § 204; t. 3 chap. V § 52 ect.

Мусульманский Ближний Восток. Здесь дело обстояло иначе, ибо ислам не знал иных начал взаимоотношений между слабым и сильным кроме завоевания силой или угрозы силы, каждое сильное государство претендовало на гегемонию, глава его (халиф, султан, шах) объявлялся заместителем бога на земле и аналогично императорам Священной Римской империи притязал на сюзеренитет в отношении всего мира правоверных и «неверных»¹⁴³; последние могли сохранить существование, лишь покорившись господству агрессора и выплачивая ему дань¹⁴⁴. Если государство было правоверным (т. е. того же толка ислама, что и завоеватель), его правитель должен был добровольно признать сюзеренитет (халифа, шаха, султана), в противном случае его ждала кара. Обращение за покровительством, таким образом, расценивалось как добровольная покорность сюзерену, законному верховному «властителю мира». Неправоверных (ими считались и мусульмане иного толка) в лучшем случае ожидал сюзеренитет-вассалитет.

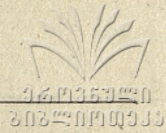
Завоеванные оружием народы подвергались разорению и инкорпорировались: земли и население переписывались, облагались тяжелыми налогами и включались в фонд государственных земель. Немусульмане — «зиммии» должны были платить вдобавок специальный подушный налог «джизья»¹⁴⁵.

Добровольно сдавшейся стране завоеватель мог сохранить государственность и даже суверенитет во внутренних и внешних делах. Такие народы считались «под покровительством». Но покровительство это заключалось в отказе шаха (султана) от инкорпорации земель и согласии ограничиться установлением вассальных отношений покорности — инвестиру, выплата ежегодной дани или «подношения» (или оба вместе), «служба против всех и каждого». Таким образом, «покровительство» означало, что народ и земли в данной стране не переписаны и не считаются прямой собственностью государства-завоевателя, а «пожалованы» верховной властью (шахом, султаном) на сюзеренно-вассальных условиях бывшему владельцу, получающим внутри и вовне полный иммунитет—суверенитет. Этот случай мусульманский мир так же интерпретировал «подданством», но отличал его от подданства, связанного с инкорпорацией. Так, даже в конце XVIII в., касаясь Георгиевского трактата 1783 года, турецкий историк Джевдет Паша писал: «Тифлисский

¹⁴³ См. К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., изд. 2, т. 10, стр. 6; Е. Машанов, Европейские христиане на мусульманском Востоке. Казань, 1884, стр. 12—13.

¹⁴⁴ «Воюйте, — гласит Коран, — с теми, кто не верует в бога и в последний день и не считает запрещением то, что запретил бог и его посланник (Мухамед—А. Д.) и с теми из получивших писание, которые не принимают истинного вероустава, дотоль покуда они не будут давать выкупа за свою жизнь бессильные и униженные» (Коран, сура IX, 27).

¹⁴⁵ См. Фильерсе, К вопросу о формах земельной собственности в государстве сефевидов. Сб. «Очерки по новой истории стран Среднего Востока», М., 1951 г.; И. Петрушевский, Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI—начале XIX вв., Л., 1949; Khadduri, The Law and Peace in Islam. London, 1940; ვ. ვაბაშვილი, ქართული ფეოდალური წყობილება მე-XVI—XVII სკ-უკუნეებში. თბ. 1958.

хан (Иракий II—Л. А.) вступил в подданство России... хотя в сущности не уступил России земель своих, только отдал себя под покровительство»¹⁴⁶.

Различные виды зависимости и подчинения вплоть до инкорпорации, насаждаемые Ираном и Турцией в XVI—XVIII вв., мы видели уже на примере «Грузий» на стр. 9—5 нашей работы.

Следовательно, единственный вид зависимости, который знал мусульманский мир в XVI—XVIII вв. (как впрочем и в предшествующую эпоху), это — сюзеренитет-вассалитет, где во главе угла ставится «служба против всех и каждого» и ежегодная дань, в лучшем случае «подношения». Любая зависимость, как бы легка она ни была, строилась на началах покорности, причем рабской покорности со стороны вассала. Институт «покровительства», известный на Западе, мусульманскому Востоку незнаком — сюзеренитет-вассалитет вот альфа и омега видов и форм зависимости государств в мусульманском мире. Даже обычный посланник шаха (султана) по отношению к зависимому владельцу стоял выше последнего и требовал к себе проявления знаков нижайшего почтения, вплоть до встречи своей персоны лично вассалом за пределами дворца и даже города¹⁴⁷.

Вид зависимости, насаждаемый «великими державами» Передней Азии в XVI—XVIII вв., был аналогичен тому, какой насаждался в эпоху господства Священной Римской империи в Европе, а также в период соперничества императоров и пап в IX—XIII вв. Это и понятно, ибо сменявшие одна другую «империи» арабов, турок-сельджуков, монголов, туркменов, кизилбашей, османов — задерживали поступательное развитие производственных отношений, а, следовательно, и их политической и правовой надстройки.

Московское государство. Международно-правовая практика Москвы выработала к концу XVI века ряд видов зависимости государств¹⁴⁸. В отношении Восточных государств существовал взгляд, что «поскольку татары Русь сильно изобижали»¹⁴⁹, то последняя имела полное право на их наказание. В результате Астраханское царство (ханство) было взято боем, царь «посажен из рук Москвы», население обложено данью (1554—1556 гг.)¹⁵⁰, Сибирский царь добровольно признал верховенство Москвы и подушную «дань стал давать» (1555—1571 гг.)¹⁵¹. С момента покорения Казани (1552 г.) любой вид и форма зависимости толкуется

¹⁴⁶ Описание событий в Грузии и Черкесии по отношению к Османской Империи от 1192 года по 1202 год (1775—1784), «Русский архив», т. I, СПб, 1888, стр. 390—395.

¹⁴⁷ См. ниже.

¹⁴⁸ Этот вопрос совершенно не изучен ни русской историографией, ни, тем более, международно-правовой наукой, механически сводящих все случаи зависимости к вассалитету-сюзеренитету. Подробно этот вопрос нами освещен в работе «Виды и формы зависимости государств в практике Московского государства», «Вопросы международного права», изд. ИМО, № 6. 1963.

¹⁴⁹ См. учение Ю. Крижанича (Московское государство в половине XVII в. Изд. П. Безсонов. М., 1860, т. II, раздел 51, § 8). Мнение летописца в ПСРЛ, т. XIII, ч. 1, стр. 235—236.

¹⁵⁰ ПСРЛ, т. XIII, ч. 1, стр. 244.

¹⁵¹ ПСРЛ, т. XIII, ч. 1, стр. 248. СГГ и Д., ч. II, стр. 63—65.

Москвой как «холопство, подданство» на манер восточной дипломатии, так хорошо знакомой Руси по татарскому игу.

С середины XVI века в дипломатических актах Московского государства появляется термин — «новоприбылые государства, которые служат». Речь идет о «бивших челом» в «холопство», «службу» князьях Большой Ногайской Орды (1554 г.)¹⁵², западных черкесах (1552 г.)¹⁵³, Кабарды (1557 г.)¹⁵⁴ и др. народах Северного Кавказа (аварцы)¹⁵⁵. Основная обязанность «служащих» — «служити государю до своего живота, куда их государь пошлет на службу, туды и ходити». Они не платят дани на манер Сибирского или Астраханского царств, ибо «битье челом в службу» по традиции исключало обязанность уплаты дани. Но зато князья должны были «садиться из рук» Москвы. Анализ актов убеждает, что в основном «битье челом в службу»¹⁵⁶ рассматривалось Москвой как признание верховенства русского царя на основе сюзеренитета, т. е. место имели акты коммендации на прекарных началах. Но была категория «служебных» князей, статус которых отличался от других «служебников».

Так, Кабарда находилась «в службе и обороне»¹⁵⁷, что означало покровительственный характер союза, хотя по форме он и был наделен атрибутами вассалитета. Отношения здесь защитно-покровительственные, т. е. исключают прекарные начала и базирующиеся на признании взаимных прав и обязанностей сторон. Кабарда «служит», но служит будущи «в обороне». Москва обязана ее оборонять, в противном случае — договор можно расторгнуть.

Обращает на себя внимание тот факт, что, после заключения договора с князьями, правду дают и «неименные», т. е. все население, как это делают прирожденные подданные Москвы. Именно совокупность указанных обязательств и дает право летописцам и дипломатам приравнивать черкесов к «холопам», вкладывая в него значение «во всей государевой воле», «служат где государь велит» и т. д.

Касаясь событий 1588 года, летописец отмечал: «Придоша и пришлаша к государю кабардинские князи бити челом государю, чгобы государь их пожаловал, велел им быти под своею государевою рукою и учинити вековечными холопи»¹⁵⁸.

Термин «холоп» часто используется и в грамотах самих кабардинских князей. Так, 3 июня 1589 г. в челобитной кабардинских князей сказано: «госу-ю царю и в-у князю Ф. И. всея Руси холопи твои государевы горские черкесские князи... челом бьют»¹⁵⁹.

¹⁵² ПСРЛ, т. XIII, ч. 1, стр. 235.

¹⁵³ Там же, стр. 228, 233—234, 259.

¹⁵⁴ ПСРЛ, т. XIII, ч. 1, стр. 284; см. Е. Кушева. Политика русского государства на Северном Кавказе в 1552—1572 г. (Исторические записки, № 34, 1950 г.).

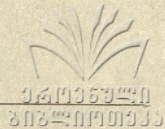
¹⁵⁵ Русско-дагестанские отношения в XVII—перв. четв. XVIII в. Документы и материалы. Махач-Кала, 1958, стр. 8.

¹⁵⁶ С XIV века «битье челом в службу» различных князей Руси рассматривалось как добровольная покорность, признание *dominium directum* Москвы на принадлежащие ей искони земли.

¹⁵⁷ См. Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв., М., 1957, ч. 1, стр. 52—56.

¹⁵⁸ Там же, стр. 57.

¹⁵⁹ ПСРЛ, т. XIV, стр. 46.

Поскольку считается, что «давние шерть» князья присягали от имени Кабарды целиком («И нам... со всею Кабардою Черкесскою... служити...») «И мы, великий государь... хотим вас держати всею Черкесскую Землю — в службе и обороне») и навечно, отныне все дела поручаются терскому воеводе — он посредник в кабардино-русских отношениях: он приводит к «шерти» еще не принявших подданства кабардинских князей (как новых, так и занявших вакантное место (по ряду) главного князя)¹⁶⁰, он первая инстанция всех споров между князьями за власть и т. д.¹⁶¹, через него идет связь с Москвой (он даже может сократить людей, идущих в Москву, а то и вовсе задержать их)¹⁶², через воеводу (терского, астраханского) требует царь войско для войны со Швецией, Ливонией и т. д.¹⁶³ (причем посылались грамоты кабардинцам иногда от имени воеводы)¹⁶⁴, характерно, что сама Москва специальных пислов не посылала в Кабарду, а возлагала основную тяжесть сношений на терского воеводу или же на идущих транзитом в Закавказье послов. Это дает основание усмотреть в русско-кабардинских договорах 1552—1557 и 1588 гг. акты подчинения, близкие по условиям к полному подданству — инкорпорации, что и дает право считать датой присоединения Кабарды к России 1552—1557 гг.

«Вступление в подданство» оформлялось международным договором, форма которого была специально выработана для разбираемого случая. Договор состоял из двух частей — «шертной» («клятвенной») записи и «жаловальной грамоты з золотою печатью». По сути дела это два «протививня» одного акта, но так как заключается договор с признанием свое бессилие государством, то «дает правду» только это последнее, царь же взамен дает «жаловальную грамоту», но не простую, а «з золотою печатью», что приравнивает ее к докончальной грамоте, ибо обычные жалованные грамоты запечатывались красной или «черной восковою» печатью¹⁶⁵. Так родился в русском праве новый вид договора — «договор об учинении в подданстве», призванный регулировать отношения между вступающими в зависимость от Москвы государствами, сохраняющими внутреннюю автономию и ограниченную внешнеполитическую дееспособность. Содержание же договоров было различно и выражалось в соответствующей терминологии, которой придавалось огромное значение.

* * *

Выяснив значение терминов «вассалитет», «покровительство» и «подданство», согласно международному праву XV—XVIII вв. вообще и международно-правовой практике Московского государства в особенности,

¹⁶⁰ Кабардино-русские отношения..., стр. 58, 63, 64.

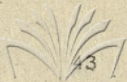
¹⁶¹ Там же.

¹⁶² Там же, стр. 55.

¹⁶³ Там же, стр. 60, 61, 62, 64.

¹⁶⁴ См. там же, док. № 33.

¹⁶⁵ См. Древняя Русская Вивлиофика. СПб, т. 15, стр. 9, 10, 11, 12, 13 и т. д. Впервые упоминание о «жаловальной грамоте з золотою печатью» содержится в ПСРЛ, т. XX, стр. 481, где говорится о статусе «Горной страны», которая к «великому князю приложися». Вторично указание на данный акт мы нашли при изучении русско-сибирских дипломатических связей (См. Сборник государевых грамот и договоров (СГГ и Д), 1819, СПб, т. II, стр. 63—65). В обоих случаях тексты их до нас не дошли.

мы можем приступить к выяснению юридической природы кахетско-московского союза 1587—1589 гг.

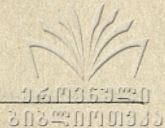
Прежде всего обращает на себя внимание форма договора. Здесь присутствуют та же «записи» (только названа она не «шертной», а «крестоцеловальной», ибо Александр христианин) и «жалованная грамота з золотою печатью». Как будто налицо договор, однотипный с договорами, заключенными Москвою с Сибирским царством и, особенно, с кабардинскими князьями. Однако изучение содержания договора убеждает, что сходство это чисто внешнее.

Начнем с преамбулы договора, в которой четко определяется характер заключаемого союза.

«Целую крест — говорится в «записи» — великому государю царю и великому князю Ф. И. в. Руси я, Александр начальник князь Иверские Земли и з детми своими... и своими сановными людьми... и за всю Иверскую землю на том, что посылал есми к великому государю царю и в. к. Ф. И. в. Р. бити челом людей своих... чтобы в. г. ц. и в. к. Ф. И. в. Р. меня пожаловал и мою всю Иверскую землю, держал под своей царскою рукою в своем царском имени и оборонят бы меня и мою землю ото всяких моих недругов велел. И в. г. ц. и в. к. Ф. И. в. Р. своим великим жалованьем пожаловал и меня и мою... землю под свою царскую руку взял и бити велел и своим воеводам от наших недругов оберегати меня и мою землю велел»¹⁶⁶.

«Преж сего — гласит «жалованная грамота» — присылал еси к нашему царскому величеству людей своих... с своею грамотою... и бити челом приказывал еси, чтобы нам тебя, Александра царя, и всю твою Иверскую землю пожаловати (то же что и в «записи» — Л. А.) ...и во обороне ото всех твоих недругов для христианские веры и на Терке б нам велети города поставить и людей своих в тех городах держати. И мы, грамоту твою и речи выслушав милостивно... и тебя Александра царя и детей твоих и всю землю Иверскую... под свою руку приняли и на Терке для тебя город поставити есмя велели и людей своих в нем учинили и тебя Александра царя... от всех твоих недругов своим Астраханским и Терским воеводам обороняти велели есмя; а для укрепления, как тебе и твоей земле в нашем царевом жалованье бити, послали есмя к тебе гонцов... И ты, Александр царь и дети твои... и твои чиновные люди за всю Иверскую землю нашему, царскому величеству перед нашими гонцами... правду учинили, на записи крест целовали и записи целовальную, ты, Александр царь, за печатью к нашему царскому величеству с нашими гонцы прислал; а с ними вместе прислал своих послов... чтоб нам тебя... неверным не подати и на Шевкала рат своя послати и дорога в наши государство из твоей земли очистить. И мы... нашим Астраханским и Терским воеводам велели есмя и на нашего непослушника, а на твоего недруга на Шевкала рат своя послать и дорогу в наше государство из твоей Иверской земли очистить велим. И послов твоих, пожаловав..., к тебе отпустили вместе с своими

¹⁶⁶ СРК, стр. 33. (Здесь и всюду разрядка наша — Л. А.).

послы...; и сее свою жаловалную царскую грамоту з золотою печатью послали есмя с послы нашими»¹⁶⁷.

Анализ преамбулы дает основание сделать следующие выводы:

а) Договор основан на добровольном обращении Кахети к Москве за помощью¹⁶⁸.

б) Москва принимает предложение Кахети «ради спасения христианской веры».

в) Кахети признает Московского царя своим покровителем, поддаваясь под его руку, т. е. добровольно ставит себя в положение зависимого государства.

Следовательно, договор 1587—1589 гг. недвусмысленно указывает на чисто покровительственный характер союза, в основе которого лежит идея «защиты христианства от неверных». Это первый случай в практике централизованного Московского государства, когда за помощью обращается нерусское христианское государство, охваченное кольцом мусульманских стран, и это не могло не импонировать «третьему Риму», поспешившему особо оговорить этот момент в договоре. Характерно, что и при переговорах о союзе, и в дальнейшем обе стороны подчеркивают покровительственно-религиозный характер союза.

В одной из грамот Бориса Годунова Александру II читаем: «А о том благодарю... Бога и пречистую его Матерь и тебя, Олександра царя, о том похваляю, что ты находящих на тебя от нечистивых насилие и скорби крепче и мужествене терпиши и во крестьянской вере непоколебим стоиши; аще гоним и насилуем и утесняем, но надежи мужествене не отпадаеш. И к в. г. н. благочестивому в. г. его царьскому величеству прибег еси и крепку надежу имееш и помощи себе и всей Иверской земле от в. г. н. ожидаеш и в пред надежу держиш»¹⁶⁹.

В свою очередь Александр неоднократно подчеркивает: «Преж сего в сех странах во многих государствах была крестьянская вера, а ныне за грех за наш Турской царь многие государства крестьянские поимал и те государства стали от теснот в басурманской вере, а одно мое государствишко осталось и ещо стоит по ся места в крестьянской вере; и яз, слыша про великого государя... православной и крестьянской вере свершителя, посылал бити челом людей своих, чтобы меня пожаловал, принял под свою царскую руку, а неверным в басурманскую веру не подал, чтоб в моем государствишке крестьянская вера не порушилась»¹⁷⁰.

Таким образом, религиозно-покровительственный характер союза очевиден. Но преамбула говорит и другое — Александр и вся его земля принимается «под руку» Московского царя, что, как мы уже знаем, означало признание верховенства русского царя. Однако, в отличие от предыдущих договоров, где говорится «о бытии под царскою рукою в службе» («в службе и обороне»), Кахетско-Московский договор говорит только о пребывании «под рукою в обороне», что подчеркивает юридическую особь данного договора.

¹⁶⁷ СРК, стр. 87—88.

¹⁶⁸ Мы не касаемся подлинной подоплеки, ведь на деле Москва сама предлагает покровительство Кахети (см. СРК, стр. 14—15).

¹⁶⁹ СРК, стр. 260.

¹⁷⁰ СРК, стр. 163.

Анализ условий, на которых Кахети была принята «под руку», подтверждает вышеизложенные нами соображения и еще раз убеждает в предельной точности терминологии русских дипломатических документов.

Прежде всего обратимся к военно-политическим обязательствам.

«И мне — гласила «запис» — Александру князю и моем детем и всей моей Иверской земле быти под государя ц. и в. князя Ф. И. в. Р. под его царскою рукою быти и от... (него—Л. А.) неотступну быти и лиха... ни которого не хотети, ни мыслити и от (царя—Л. А.) — к иным ни х которым государевым недругам не приставати, людей своих к ним на помоч... не посылати и государя (царя—Л. А.) другу другом быти, а недругу, недругом быти...

И с л у ж и т ы мне и моем детям... великому государю... и от него не отставати ни которыми обычен ни которую хитростью и быти неотступну со всею Иверскою землею и во всем государю мне прямити по сей записи и до своего живота, как в сей записи писано»¹⁷¹.

Жалованная грамота детализирует понятие «другу другом быти, а недругу недругом».

«А которые будет князи и мурзы... (нам—Л. А.) непослушны и к нашей отчине к Астарахани и к Терскому городу не пристанут...—Шевкал и Черкасские и горские князи хто из них,—и тебе, Александру царю... на тех на всех наших непослушников с нашими с Астараханскими и с Терскими воеводами самому на них ходити и рат свою посылати и в нашу волю их к нашей отчине... под нашу царскую руку приводити... и заклады у них имати для укрепления, что им с нашими воеводами и с тобою вместе стояты заодин на всех наших недругов. А который будет наш недруг пойдет к нашей отчине к Астарахани и к Терскому городу и людей своих пошлет,—и тебе, Александру царю... помогати и против наших недругов стояти с нашими воеводами и с ратными людьми заодин.

Также которой будет твой недруг пойдет на тебя... или людей пошлет,—и нашим воеводам Астараханским и Терским тебе Александру царю, спомогати и за тебя и за твою землю Иверскую против всех твоих недругов стояти с тобою заодин»¹⁷².

Этот договор по содержанию как будто ближе всего стоит к кабардино-русским договорам 1552—1557 гг. и 1588 г. Однако бросается в глаза особенность грузинской «записи» — отсутствие обязательства кахетского царя «служить где государь велит», а также «жить в Терском городе переминаясь» и «биться вместе с воеводами до смерти», являющегося стержнем кабардино-русского договора. Напротив, «жалованная грамота» точно определяет географический район действия договора — Северный Кавказ. Тут же определяется и обязанность Москвы — защищать Кахети от «всех ее недругов», в то время как в жалованной грамоте 1588 г. такое обязательство отсутствует¹⁷³.

Договор также требовал от Александра II строго наказывать своих подданных за их происки против интересов Москвы. Александр должен

¹⁷¹ СРК, стр. 33.

¹⁷² СРК, стр. 88—89.

¹⁷³ СРК, стр. 33, 89.

был «велети (тех людей—Л. А.) казнити и отписати¹⁷⁴ в государев род на Терку и в Астарахан ко государевым воеводам». Это обязательство ничуть не умоляло прерогатив верховной власти Александра, ибо, напротив, подтверждало полную самостоятельность Кахети — лишь царь Кахети может судить своих подданных!

Таким образом, договор 1587—1589 гг. с точки зрения военно-политических обязательств отличается от кабардино-русского договора наличием четко очерченных взаимных прав и обязанностей в пределах также четко определенного географического района. По сути дела Кахети обязана стоять на страже интересов юго-восточных границ Московского государства, помогая Терским и Астраханским воеводам в борьбе «с Шевкалом и непокорными черкескими князьями», и способствовать подчинению их русскому владычеству. Взамен Москва обеспечивала безопасность границ Кахети от любого «недруга». Следовательно, военные обязательства сторон взаимны и не выходят за пределы союзных обязательств, связывающих две суверенные стороны. Правда, на Кахети возлагаются более детальные и обширные обязанности, даже активные действия против «недрузгов государевых», но, согласно правосознанию средневекового мира, «в дружбе между неравными сторонами, на долю сильнейшего выпадает больше чести, на долю же слабейшего — больше обязанностей оказывать содействие первому»¹⁷⁵.

Вот почему с точки зрения военных обязательств Александр II «не превращается в вассала», т. е. в слугу, холопа. Это прекрасно понимает и русский двор, избегающий употреблять и в «записи» и в «жаловальной грамоте» термин «служить». И в том и другом документе лишь один раз встречается этот термин «И служити мне... и не отставати... и во всем мне прямити по сей записи и до жывота, как в сей записи написано»¹⁷⁶. «И нам служити и прямити о всем потому... как... правду дал и на записи крест целовал и как в сей нашей царской жаловальной грамоте писано»¹⁷⁷. Между тем, в кабардино-русском договоре термин «служить» встречается на каждом шагу. Несомненно, термин «служить» грузино-русского договора надо понимать как «услуга», а не как выражение вассальных отношений. Наше мнение подтверждает и тот факт, что дипломатические документы Москвы, а также летописи 1587—1604 гг. нигде не говорят о том, что кахетский царь «в службе», «служит» и т. д., ибо отсутствие обязательства «служить где государь велит» меняло содержание правоотношения. Поскольку «быть в службе» было равнозначно «холопству», дипломатические акты и летописи русские воздерживаются именовать Александра «холопом». Этот термин встречается в статейных списках русских послов, но в части, передающей слова Александра: «а я холоп его государев, и з детми своими и со всею Ивер-

¹⁷⁴ В «записи» стоит «отсылати», что, как заметил проф. Н. Бердзенишвили, должно быть ошибкой переписчика, ибо в «жаловальной грамоте» стоит «отписати», что отвечает и духу и содержанию договора (см. «Материалы по истории Грузии и Кавказа», 1944, вып. 1, стр. 159—160, прим. 1).

¹⁷⁵ Гуго Гроций, О праве войны и мира, 1958, кн. 1, гл. III, § XXI, ч. 2.

¹⁷⁶ СРК, стр. 34.

¹⁷⁷ СРК, стр. 89.

скою землею»¹⁷⁸ — сам московский двор к этому термину не прибегает, а подчеркивает пребывание Александра «в обороне». Аналогична позиция двора и в дипломатической переписке с Ираном и Турцией — основными претендентами на гегемонию в Кахети. Обратимся к выписке «из кизилбашских книг и ис столпов, как велено говорить шаху о Иверской земле и о Кумыках и о Кабардинских черкесах...».

В 96-м году (1588 г.) «и государь Грузинского Александра царя и всю его землю... во оборону под свою царскую руку принял»¹⁷⁹.

В 101-м году (1593 г.) «и государь... Александра царя и всю Иверскую землю оборонити велел»¹⁸⁰.

В наказе князю Звенигородскому, отправленному в Иран в 1594 году, сказано: «Иверский царь Олександр веры христианской греческого закону одно веры с нами; а присылал бити челом ко государю послов своих, что ему от Турского и Шевкала, и от горских людей тесноты чинятца великие, и великий бы государь наш его царское величество для христьянские веры взял его в оборон под свою.. руку, а он по смерть свою от государя будет неотступен и со всею своею Иверскою землею и дан государю нашему учнет дават. И государь для христьянские веры Олександра царя и всю Иверскую землю пожаловал, во оборон под свою царскую руку взял и свою царскую грамоту з золотою печатью ему дал, как ему и детем его со всей Иверской земле быти в его государеве жалованье под его царскою рукою и ото всех недругов воеводам своим Терским оберегати велел»¹⁸¹.

И послы Олександра царя Иверского живут по вся годы у государя, а государевы послы живут у Олександра»¹⁸².

В тех же выражениях составлен наказ послу А. Засекину в 1597 году¹⁸³.

Как видим, ни о «службе», ни о «холопстве» кахетского царя нигде ни слова, в то время как о кабардинских князьях и др. владетелях иначе не говорится, как о князьях, которые «били челом в службу», «служат» и «во всей государевой воле», «в холопстве».

Термин «служить» иногда встречается в грамотах, посылаемых Московским царем в Кахети, а также в наказе послам, идущим к Александру, однако каждый раз этот термин тесно связан с обязательствами по договору¹⁸⁴. Впрочем подобных примеров очень мало, в то время как от других «подданных» только и требуется «показать службу», «служить»,

¹⁷⁸ См. СРК, стр. 41 (список Биркина и Пивова). См. также стр. 163, 218—219 и др.

¹⁷⁹ Беседа Бориса Годунова «с товарищами» с послом Андибеком (СРК, стр. 563).

¹⁸⁰ Беседа с послом Ази-Хосровом (СРК, стр. 568).

¹⁸¹ Сравн. там же, «А Кабардинские черкесы били челом.. в службу и во всей воле его учинилися» (СРК, стр. 568—569).

¹⁸² СРК, стр. 568 (см. там же, стр. 562, 564, 570; см. также. Посольство в Персию Григория Борисовича Васильчикова 1588—1593 гг. «Памятники дипломатических и торговых сношений Моск. Руси с Персией», т. 1, СПб, стр. 29, 54).

¹⁸³ СРК, стр. 570.

¹⁸⁴ См. СРК, стр. 261.

причем требуют этого не только царь, но и терские и астраханские воеводы¹⁸⁵.

Вот почему летописец, оценивающий кабардино-русский договор 1588 г., как «вековечное холопство», касаясь грузино-русского союза, пишет: «Приидеша... из Грузинские земли послы... бити челом, чтобы государь их пожаловал велел им быти под своею высокую рукою, и... велел утвердiti у них православную христианскую веру греческого закона, что... пооскудела... (и выполнил просьбу государь — Л. А.) царь же Грузинской и вся земля Грузинская начала быти под государевою рукою»¹⁸⁶.

Но если Московский двор вплоть до 1605 года не именует Александра «холопом», то таковым именует себя сам Александр, а также его сын Георгий.

В одной из бесед с русскими послами в мае 1589 г. Александр говорит: «А то вы сами знаете: который только государь сам силен и людей у него много и конны и оружны и казны у него много, — и тому хто велит из своей воли в холопстве быти? Где то слыхано? А у меня то все есть — и люди и казна, хотя мое государство не велико, а не скудно ничем; и в сех странах не блюдус никого. Да по своей воле учинился есми под великого государя царьскою рукою и грамоту к нему государю пишу и посылаю с послы своими, как есть холоп пишет ко государю своему, что он великий государь крестьянский и как ко мне писал в своей царьской жаловальной грамоте, так бы и вершил»¹⁸⁷.

Однако, судя по всему, именуя себя «холопом», Александр вкладывает в этот термин не тот смысл, который обычен для этого термина в XVI—XVII вв. «Холоп» в статейных списках русских послов, побывавших в Кахети, — перевод грузинского термина «кма», выразившего отношения не только крепостные, невольнические, но и вообще все категории подданства¹⁸⁸.

Какой же смысл вкладывает Александр в термин «кма»? Вряд ли нужно доказывать, что союз Москвы и Кахети представляется ему как сюзеренно-вассальные отношения. Однако он понимает, что союз этот не укладывается в обычные нормы сюзеренитета, принятого на Востоке с его ярко выраженной формой «покорности и условности землевладения, выражающейся в обязательном требовании инвентитуры». Это ясно видно в словах Александра, отмечающего «который.. сам силен.. и тому кто велит из своей воли в холопство быти? Где то слыхано?». И тут же отмечает — «грамоты пишу.. как есть холоп пишет ко государю своему». Здесь нельзя не уловить условную форму — Александр «не холоп» в полном смысле слова, он им лишь пишется сам в признательность за согласие Москвы покровительствовать.

Наличие защитных отношений, основанных на полном добровольии сторон и не выходящих за пределы союза, рождает новую форму взаимо-

¹⁸⁵ См. Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв., 1957, стр. 58, 60, 61, 62, 65 и т. д.; СРК, стр. 101, 102, 103 и др.

¹⁸⁶ ПСРЛ, т. XIV, стр. 46.

¹⁸⁷ СРК, стр. 218—219.

¹⁸⁸ ი. ჯავახიშვილი, ქართველი სამართლის ისტორიის თბილისი, 1919, стр. 69.

отношений, принципиально отличную от сюзеренно-вассальных. Но термин «кма», как выражение зависимости, все еще применяется кахетской дипломатией, так же как и некоторые формы дипломатического церемониала, присущие вассальным отношениям¹⁸⁹.

Прекрасную характеристику «холопства» кахетских царей дал Котошихин: «а ис тех государств обычай писатися к царю себя низити, а его высити, и называтися холопами его, яко и в-ыных государствах обычай писати господина к господину, отдаючи себя слугою повольным, а то несть правда... А землей (Грузинской—Л. А.) царь не владеет»¹⁹⁰. Зато «Кабардинская Земля, Черкасские и Горские князья под его (царя—Л. А.) подданством»¹⁹¹.

Таким образом, термин «холоп» в устах кахетских политических деятелей лишен юридического смысла.

Итак, военно-политические обязательства Александра II, согласно грузино-русского договора 1587—1589 гг., носят взаимный оборонно-наступательный характер, однако на Александре лежит больше обязанностей в виде платы за «защиту и покровительство» Москвы. Договор сохраняет за кахетским царем всю полноту верховных прав, как в политической, так и в военной области,— он по-прежнему единственный суверен и внутри страны и вовне.

Но что это за «дан», на которую ссылается Московский царь в грамоте от 1594 г.¹⁹²

Действительно, помимо военных обязательств «запис» содержит обязательство Александра II: «И поминки мне... посылати по все лета против пятидесяти камок кизилбашских золотных да десяти з золотом и с серебром ковров тех которые узорчя в моей земле есть»¹⁹³. В «жаловальной грамоте» уже говорится о дани: «Да и дан тебе, Иверскому Александру царю... присылати ежегод, что ся у тебя лучит в твоей земле которое узорчье»¹⁹⁴.

Эта часть договора напоминает содержание русско-сибирского договора, в основе которого лежит уплата дани.

Здесь уместно вообще остановиться на выработке этого пункта грузино-русского союза.

В «наказе» Биркину и Пивову указывалось: «за такое государево жалованье (т. е. за обещание помощи и строительства на Тереке города—Л. А.) присылати б Александру ко государю поминков по десяти аргумаков добрых (иноходцев—Л. А.), по 10 конев добрых, которые бы государю пригодилис, по пяти иноходцев, по пятидесят камок золотых кизилбашских з золотом и с серебром лутчих, по десяти ковров з золотом и с серебром и с шелки»¹⁹⁵.

¹⁸⁹ См. ниже.

¹⁹⁰ Г. Котошихин, О России в царствование Алексея Михайловича, СПб, 1906, стр. 27.

¹⁹¹ Там же, стр. 40.

¹⁹² См. стр. 47 нашей работы.

¹⁹³ СРК, стр. 34.

¹⁹⁴ СРК, стр. 88.

¹⁹⁵ СРК, стр. 24.

В случае, если бы Александр воспротивился, рекомендовалось не настаивать, а предложить ему послать к царю своих послов и высказать свои соображения на этот счет¹⁹⁶. И действительно, Александр не согласился на такие «поминки»¹⁹⁷. Начались переговоры, закончившиеся ничем — Александр отказался точно определить размер «поминок»; было решено поручить урегулировать это дело грузинским послам¹⁹⁸.

Настал день составления «записи». Тут почему-то посланники стали настаивать, чтобы «поминки в записи писат». Александр отказался¹⁹⁹ — в принципе он не был против «поминок», но (кроме того, что не было определено еще их содержание), закрепление их в «записи» напоминало Александру о «дани». Однако в конце концов он согласился и в «записи» был внесен пункт о «поминках», но в редакции компромиссной речь идет лишь о 50 штука парчи и 10 коврах²⁰⁰. Однако Александр сумел настоять на своем и уже в «жаловальной грамоте» в пункте о «поминках» дана туманная формулировка: «присылати ежегод, что у тебя (Александра—Л. А.) лучит в твоей земле которое узорчье». Следовательно, вопрос о размере «поминок» был оставлен открытым²⁰¹. Зато ежегодные дары Кахети уже именуется «данью» и отныне в официальных документах говорится об «ежегодной дани». Обращает на себя внимание тот факт, что в дальнейшем русские послы неоднократно указывают Александру на то, что «государь наш... пожаловал Александра царя, под свою... руку взял не для дани, ни для чего, для своего царственного обычая; а у государя нашего в казне чего нет? Для того государь наш в жаловальной грамоте именно дан не написал... жалеючи Александра царя, что послы Александра царя говорили... в тамошних странах стали войны, узорчяя такова (парчи и ковров—Л. А.) мало в их земле... и государь бы наш... велел присылати, что ся у государя вашего лучит какие узорчяя в его земле»²⁰².

Сам термин «дан» здесь довольно условен, ибо известно, что дань собирали всегда «московские люди»²⁰³, кахетскую же «дан» всегда (когда она отправлялась, а с 90-х годов Александр почти не посылал ее и русское правительство перестало настаивать) привозили грузинские послы, причем подносились они опять же в виде «поминок»²⁰⁴.

Так в статейном списке Звенигородского и Антонова мы читаем: «отпустил нас... Александр царь... мая в 11 день. А с нами вместе отпустил и тебе... з данью послов своих Сулимана да Хуршита; а дани... послал... зеркало да двоинаручи булатны, в них врезывано

¹⁹⁶ СРК, стр. 24—25.

¹⁹⁷ Интересный факт: русские послы, говоря о поминках, не упоминают указанных в «наказе» ни «аргумаков», ни «конев», ни «иноходцев» (СРК, стр. 39).

¹⁹⁸ СРК, стр. 39—40.

¹⁹⁹ СРК, стр. 41.

²⁰⁰ Там же (судя по всему, внесение «поминок» в «записи» было инициативой самих посланников, т. к. проект «записи» и «наказ» этого совершенно не требовали).

²⁰¹ СРК, стр. 167.

²⁰² СРК, стр. 167, 247.

²⁰³ См. напр. положение Сибирского царства в 1555—1571 гг.

²⁰⁴ СРК, стр. 226, 320 и т. д.

золото с яхонты с червчаты и с лалы и з бирюзами... да 9 камок золотых и т. д.»²⁰⁵.

В описании же приема Сулеймана и Хуршита говорится: «По м и н к и... от грузинского Александра царя, наручи булатные, навожены золотом, с яхонты и з бирюзою...», далее перечисляется подробно вид всех девяти камок, и нигде ни слова о дани.

Кроме того, каждое посольство Москвы в Кахети также привозило «поминки» — кречетов, «панцырь» и т. д., которые иногда тоже именовались «дан»²⁰⁶. Дело в том, что под термином «дан» понималась в то время не только «дань» в смысле прямой подати, но и как «дар»²⁰⁷; в свою очередь «поминки» обозначали и «дар» и один из видов подати — «с тех варниц не надобе им никоторая моя дань и тамга ни поминок, ни плошки, иная никоторая пошлина» (Жалованная грамота великого князя Василия Васильевича Троицко-Сергиевскому монастырю, 1453 г.)²⁰⁸.

Таким образом, термин «поминки» в «записи» и термин «дан» в «жаловальной грамоте» — синонимы ежегодных «даров» как выражение зависимости Кахети от Москвы, но в отличие от военной контрибуции и прямой подати, этот вид «дани» — «поминок» — спутник наиболее легкой формы зависимости, при которой политическая самостоятельность «зависимого» государства максимально полная.

Родионов и Биркин прямо указывают Александру: «многие государства под государя нашего царского величества подданы учинились, правду давали и поминки в записи пишут»²⁰⁹. Оставляя это утверждение на совести послов, мы не можем не увидеть в этих словах суть института «поминок» — ежегодные поминки — это дары, равнозначные дани, но дани, носящей чисто номинальный характер. Это и понятно — в конце XVI века Московское государство не признает равноправия за слабыми государствами и заключает с ними только договоры о подданстве даннического или вассального характера. Поскольку военные обязательства Кахети не подпадали под «служебные», то необходимо было хотя бы как-то отразить «подчинение» в договоре.

Кахети — государство, платящее «дан — поминки», в корне отличную от дани в собственном смысле слова (военная контрибуция, прямая подать), наложение которой требовало переписи населения и превращало землю в вотчину царя, а самого владельца в «прямого холопа». «Дан — поминки», выплачиваемая Александром, это не только мзда за готовность оказать защиту, но и единственная форма, закрепляющая устанавливаемый порядок субординации. Именно эти несколько строк «записи» и «жаловальной грамоты» — суть устанавливаемого союза.

Москва понимает своеобразие статуса Кахети, вытекающее прежде всего из характера союза, носящего религиозно-покровительственный

²⁰⁵ СРК, стр. 122.

²⁰⁶ СРК, стр. 322.

²⁰⁷ См. И. Срезневский, Материалы для словаря древнерусского языка, т. I, стр. 627.

²⁰⁸ Там же, т. II, стр. 1161.

²⁰⁹ СРК, стр. 41.

характер, что и отразилось в договоре, не похожем на все заключаемые Москвой договоры (конца XVI—нач. XVII в.) «о подданстве».

Практика международно-правового общения этих государств ставит точку над *i*. Вот почему мы предлагаем несколько эпизодов из дипломатических связей Москвы и Кахети.

Прежде всего обратимся к посольскому обряду обеих сторон, ибо в эпоху позднего феодализма международное право все еще отражало и закрепляло градацию в достоинстве и рангах государств, учредив целую систему дипломатического церемониала, которому придавалось исключительно важное значение. Особенно щепетилен был Московский двор, добывающий признания за собой ранга первостепенной державы со стороны тогдашнего международно-правового общества ²¹⁰.

Известно, что русский дипломатический церемониал был скрупулезно выверен и соблюдался неуклонно и последовательно во всех деталях ²¹¹. Особенно придирчив русский двор в деле приема и отпуска иностранных послов, где буквально каждый шаг был вымерен. Встреча и отпуск послов зависели от ранга государства (и посланного), от его могущества и значения ²¹².

В XV—XVII вв. при Московском дворе существовало два посольских обряда — один применялся в отношении западных и ряда азиатских государств (Иран, Турция) и был основан на началах взаимного признания равенства ²¹³, другой — в отношении владетелей малых азиатских государств ²¹⁴.

В этой связи большой интерес представляет прием и отпуск грузинских послов при царском дворе в 1586—1604 гг. Анализ показывает, что в отношении грузинских послов в основном применяется более или менее стабильный протокол.

Попытаемся нарисовать общую картину пребывания кахетских послов в России.

²¹⁰ См. Ф. Кожевников, *Россия и международное право*. 1948. стр. 197—214.

²¹¹ См. *История дипломатии*, т. 1, 1919, стр. 303—315. М. Лешков, *О древней русской дипломатии*. 1847; В. Савва, *Московские цари и византийские Басилевсы*. Харьков, 1901 (гл. VI «Московский посольский обряд»), стр. 176—270; С. Белокуров, *О посольском приказе*, особенно стр. 76—96; Ф. Кожевников, *Из истории правовой организации внешних сношений Москвы как центра русского государства (до начала XVIII в.)*. «Вестник МГУ», № 8, 1947; В. Бочкарев, *Московское государство XV—XVII вв. по сказаниям современников—иностранцев*. стр. 56—71; Н. Веселовский, *Прием в России и отпуск среднеазиатских послов в XVII—XVIII вв.* СПб, 1884.

²¹² См. Г. Котошихин, *цит. соч.*, стр. 60 и след.; С. Белокуров, *О посольском приказе...*, стр. 76—96.

²¹³ В этой связи мы не можем согласиться с утверждением В. Саввы, что указанный посольский обряд применялся только в отношении христианских государств, но не мусульманских (см. *цит. соч.*, стр. 268).

²¹⁴ См. Н. Веселовский, *Прием в России и отпуск среднеазиатских послов в XVII—XVIII вв.* СПб, 1884; В. Ульяницкий, *Сношения России со Среднею Азиею и Индиею в XVI—XVII вв.* М., 1889.

Обычно кахетские послы выезжали с родины вместе с возвращающимися домой русскими послами²¹⁵.

1. Прибыв в Астрахань они задерживались там — астраханские воеводы «отписывали» царю о прибывшем посольстве. Затем в сопровождении приставов посольство двигалось к Москве. С дороги в Москву непрерывно сообщалось о движении посольства. Из Москвы сообщалось, когда надо быть у последнего перед столицей стана²¹⁶. На всем пути до Москвы грузинским послам устраивались «встречи».

По прибытии на последний стан послы грузинские дожидались дня въезда, о котором им заранее сообщалось. Обычно ждать долго не приходилось и по сигналу из Москвы посольство вступало в Москву.

Начиная с 1589 г. (с посольства Каплана) всем грузинским послам устраивается торжественная «встреча»²¹⁷.

Встречать посылались сановные лица, сопровождаемые «дворянами и детьми боярскими»²¹⁸.

2. Встреча происходила «У Москвы за Новым царевым каменным городом... за Яузским мостом»²¹⁹.

3. При встрече послам подавались кони (или сани с санником) с государевой конюшни и встречник «молил речь», приветствуя послов от имени царя.

4. Затем кортеж направлялся в Москву по заранее установленному маршруту²²⁰ в отведенное для послов помещение. Таковым вплоть до 1599 г. был «двор архиепископа Новгородского»²²¹, с 1599 г. упоминается «посольский двор в Китае городе»²²².

5. На всем пути посольства по обе стороны улиц «былолюдно и нарядно». Описание этой части протокола не сохранилось, но запись 1599 г., гласящая «а в те поры государь на встрече и в городе в дере-

²¹⁵ Так, Русин Данилов привез Иоакима и его «товарищей» (1587 г.), Биркин—Каплана и «товарищей», князь Звенигородский—князя Сулеймана (1591 г.) и т. д. Тут же отметим, что то же самое наблюдается в отношении русских послов — их ведут возвращающиеся кахетские послы.

²¹⁶ Напр., «Государю ц и в. к. Б. Ф. в. Ф. холоп Васька Щелкалов челом бьет.. послал встречу... к послам (грузинским—Л. А.); а велел им с послы ехать на рогожу от Москвы за 40 верст, а в неделю б придти на последний стан от Москвы верст за 7...» (СРК, стр. 317).

²¹⁷ Лишь в 1587 г. (Иоаким и «товарищи») и в 1604 г. (Кирилл и «товарищи») встречи обычной не было (см. СРК, стр. 10, 376—377). Объясняется это следующим: при первом посольстве Россия еще не знала с кем имеет дело, при последнем же — повлияла интрига Нащокина, оклеветавшего Александра перед Борисом Годуновым. Царь даже отказывался принять посольство вообще.

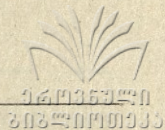
²¹⁸ Так, встречать Сулеймана и Хуршита был послан «Семен Романов сын Олферьев, а с ним дворяне из городов и детей боярских 100 человек» (СРК, стр. 223).

²¹⁹ СРК, стр. 54, 223, 317.

²²⁰ «В Устретенские ворота да Устретенскою улицею, а с Устретенские улицы полым местом в Бльинские ворота да на двор (архиепископа Новгородского—Л. А.)» (СРК, стр. 54); «Ехать в город царев на коневую площадку да в Бльинские ворота да на двор...» (СРК, стр. 223).

²²¹ СРК, стр. 54, 223.

²²² СРК, стр. 317.

вянном и в каменном, куды послы ехали, по твоему... указу было людно и устроено по прежнему обычаю» (разрядка наша — Л. А.)²²³, дает все основания считать, что этот элемент неизбежно сопутствует «встрече» грузинских послов.

6. Прибыв «на двор», послы начинали готовиться к аудиенции с царем²²⁴, все это время по указу царя послов «берегли», «чтоб к ним на двор иноземцы гречане и турчане и армяне и иные некоторые иноземцы не приходили и ни о чем с ними и с их людьми не разговаривали, да и людей их без именного приказы з двора не пускати»²²⁵.

Приставом (или приставами) являлось отныне лицо, посланное со встречей²²⁶.

7. Наступал день аудиенции. От царя России за посольством грузинским отправлялся пристав, в сопровождении которого послы направлялись в Кремль. Обычно грузинских послов принимали вслед за «Турскими» или «Персидскими» или «Литовскими» послами и прием их мало чем отличался от приема послов указанных держав.

Прибыв в Кремль, грузинские послы ждут в Посольской Палате «приказа» явиться. Получив таковой, они направляются в Золотую Подписную Палату, где ждал их царь.

Шли они «средней лестницею»²²⁷.

«А государь царь... сидел в те поры в золотой подписной палате на царском месте, в царском платье. А при государе в палате сидели бояре и дворян в золотном платье, а в сенях сидели дворяне и приказные люди в золотном же платье, а по крыльцу стояли дети боярские и подъячие в чистом платье. А стрельцы стояли по средней лестнице и от лестницы до фроловских ворот и до торгу с рушницами (ружьями, пищалями — Л. А.)»²²⁸.

Докладывал («являл» послов) думный дьяк Андрей Шелкалов²²⁹, впоследствии — Василий Шелкалов, а в 1604 г. — окольничий Салтыков²³⁰.

«Били челом» при «явлении» послы обычно «толмачем с татарского».

Царь спрашивал о здоровье Александра «сидя».

После ответа, грузинские послы подавали царю грамоту своего царя. Грамоту принимал Андрей Шелкалов²³¹ (а после него его брат Василий Шелкалов)²³², т. е. думный дьяк.

По вручении грамоты «изговаривалась речь» послами.

²²³ СРК, стр. 317.

²²⁴ Лишь в 1604 году послов сначала приняли в Посольском приказе, а затем уже была дана аудиенция у царя. Причина все та же, что и в примечании 217 на стр. 49 нашей работы.

²²⁵ См. СРК, стр. 54.

²²⁶ См., напр., стр. 54 (Темир Засецкий), стр. 223 (Семен Романов) и т. д.

²²⁷ Лишь послы Кирилл и Савва шли «благовещенскою папертью» (СРК, стр. 390).

²²⁸ СРК, стр. 10. Лишь в 1604 году все были в «смирном платье», стрельцы «без ружей» (СРК, стр. 391).

²²⁹ В 1591 г. явил послов казначей А. Черемисинов (СРК, стр. 223).

²³⁰ СРК, стр. 391.

²³¹ В 1604 г. грамоту принял Григорий Клобуков.

²³² См. СРК, стр. 319.

Затем «являлись поминки» от Александра и от послов. «Являл поминки» казначей (Траханиот—1589 г., Черемисинов—1591 г., Татищев—1599 г.; лишь в 1604 г. эту миссию исполнил окольный Салтыков). Приняв «поминки по росписи», царь велел «послам сести на скамье». Обычно «скамья была по тому же, как и литовским послам»²³³.

После «сидения» царь «велел сказати послам в стола место корм», т. е. послам сообщалось о милости царя, посылающего им на подворье специальных людей (или человека) «с кормом» с царского стола. В 1589 г. послы Кахети были удостоены чести обедать вместе с царем²³⁴.

Вернувшись на свой двор, послы обычно вместе с присланными из Кремля людьми пировали. Затем начинались переговоры. Переговоры с грузинскими послами вели обычно посольские дьяки и казначей²³⁵.

По заключении переговоров давался «отпуск». Протекал он также, как и «прием», но в более деловитой обстановке²³⁶ — на этот раз больше говорил посольский дьяк (принимавший грамоту, подводящий итог «делу» и сообщавший «царское жалование»).

В заключение царь угощал послов «меды и вина красные» в «золотых ковшах», а также посылал к ним «на двор ключников да подключников с кормом».

Вскоре после отпуска грузинские послы в сопровождении своего московского пристава «шли из Москвы». Обычно уходили они вместе с русскими послами или же встречались с ними в заранее согласованном пункте²³⁷. Охраной и едой послы обеспечивались вплоть до границ Кахети.

Сравнительный анализ указывает на наличие в «приеме и отпуске» грузинских послов ряда своеобразных черт, ставящих Кахети в некотором роде в особое положение среди остальных субъектов международного права. Место это, если можно так выразиться, «в середине», между «братьями» и др. державами христианского Запада плюс Персия и Турция, с одной стороны, и зависимыми и полунезависимыми и даже независимыми владетелями Азии, с другой.

Кахети единственная малая держава Азии, послы которой устаиваются:

- 1) «встречи» на всех этапах своего пребывания в России;
- 2) «чести» сидеть на скамье, «что и литовским послам»;
- 3) «быть у руки» царя;
- 4) «быть у стола» царя;
- 5) к ним не применяется обычай «наряжения в шубы и однорядки и проч.».

Таким образом, Кахети в глазах России, если судить по «приему и отпуску» — государство, полноправный субъект международного права, но меньшего ранга, чем западные страны; главное — Кахети не считается составной частью Московского государства.

²³³ См. СРК, стр. 320.

²³⁴ СРК, стр. 55.

²³⁵ См., напр., СРК, стр. 56—61.

²³⁶ СРК, стр. 62.

²³⁷ См. там же.

УДК 94(05)41

012 0000014

Обратимся теперь к «посылке русских послов в Кахети», к внешней стороне организации таких посольств. И здесь мы находим любопытные моменты, свидетельствующие о том, что вывод, сделанный на основе «приема и отпуска» в Москве, правилен.

Проанализировав статейные списки всех послов за 1586—1605 гг., нам удалось довольно детально изучить интересующую нас сторону дела, причем тут же, параллельно возникает дополнительный элемент, дающий возможность сопоставить статус двух «подданных» России — Кахети и Кабарды.

Обратимся к фактам.

Вопрос о посылке послов занимал одно из важнейших мест в дипломатической практике Москвы. Г. Котошихин посвящает специальную главу рангам послов: «О Московских послех, кто каков чином и честию посылается в окрестные государства в послех, в посланниках, в гонцах»²²⁸.

Вот «шкала», составленная нами на основе данных Г. Котошихина.

К императору Священной Римской империи — «посланники» — «думные дворяне или окольные, а с ними товарищ дьяк».

К королю Швеции и шаху Ирана — «великие послы» — окольные (которые роды в боярах не бывают), «а с ними товарищи думные дворяне или стольники средних родов, да дьяки».

К Польскому королю — «великие послы» — бояре больших родов первые статьи.. или окольные, которые бывают в боярах. С ними посылаются «товарищи» — окольные, думные дворяне, стольники и дьяки (с боярами) или думные дворяне, стольники и дьяки (с окольными).

В Англию — «стольники, первые статьи родов.. которые.. бывают в боярах, а с ними товарищи дворяне добрых родов, да дьяки».

К Датскому королю и Турецкому султану — «послы» — стольники «и дворяне тех родов, что бывают в думном дворянстве и в окольности», а с ними «дворяне ж и дьяки».

Аналогичные посольства посылались «к курфюрстам, и к князем, и к голландским статам».

К Крымскому хану, к калмыцким тайшам — «посланники» — «средних родов дворяне, а с ними товарищи подьячие»²²⁹.

Наказы, даваемые послам, строго предписывали «хранить честь государеву» и указывали нормы поведения в чужой стране²⁴⁰. Так же как и в «приеме и отпуске», здесь наблюдается два «обряда» — один применялся в отношении христианских держав Запада и великих держав Азии, другой — в отношении малых политических единиц Азии.

Обратимся к примерам.

Анализ показывает, что в Кахети посылались один раз «гонцы» (1586—1587 гг.), четыре раза «посланники» (1591—1592, 1593—1594, 1596—1599, 1601—1603 гг.) и два раза «послы» (1589—1590, 1604—1605 гг.).

Обращает на себя внимание тот факт, что «послы» отправлялись уже после того, как Александр дал запись.

²²⁸ См. Гр. Котошихин, О царствовании... стр. 41—59.

²²⁹ Гр. Котошихин, цит. соч., стр. 40—42.

²⁴⁰ См. С. Белокуров, О посольском приказе..., стр. 69—70, В. Савва, Московские царь..., стр. 228—250; История дипломатии..., 1959 г.

Обращает внимание и тот факт, что лица, отправленные в «посланниках» и «послах», относятся к известным родам. Например, князь Семен Звенигородский (в 1595 г. ездил послом в Колу²⁴¹, он же Копорский воевода) думный дворянин и ясельничий, наместник Можайский Михайло Татищев (сын известного дипломата Игнатия Татищева не раз ходил послом в Польшу)²⁴²; дворянин и наместник Козельский Василий Плещеев (один из представителей рода, достойного быть в окольных и боярах) и др.

Как указывалось, обычно русские послы «шли из Москвы» со своими грузинскими собратьями, если таковые бывали в то время в столице. Шли к Астрахани. Оттуда, после тщательной подготовки, начинался путь послов в Кахети.

Путь был следующий: Астрахань — Терский город — Сунженский острог — Дарьяльское ущелье — «Сонские земли», т. е. владения Арагвинского эристава — влево от Ананури к верховьям реки Алазани²⁴³.

Таким образом, путь послов шел из Астрахани по землям народов Северного Кавказа и главным образом Кабарды, находящейся «в подданстве» у России.

Все посольства были снабжены специальными грамотами от русского царя к подданным владетелям с требованием «показать службу» и обеспечить безопасность русским и грузинским послам на всем пути до вступления в пределы Грузии, порой такая служба считалась залогом верности²⁴⁴.

Статейный список князя Звенигородского и дьяка Антонова дает типичную картину «приема и отпуска» русских послов в Кахети, поэтому мы и кладем его в основу изложения, дополняя пробелы из других источников.

5 октября 1589 года русские послы вступили «на землю Александра».

7 октября явился к послам «окольный Уман (Омар), да дворян и азнауров Александра царя человек со 100 и болши»²⁴⁵. Уман заявил послам о том, что Александр послал его «и дворян своих» для встречи «и ехати» с послами «до себя»²⁴⁶ и корм и подводы велел давать доволен. Русские послы приняли Умана у себя в шатре, удостоив его двух встреч («велели встретить Умана в стану толмачам Ивану Николаеву и Иванису Драичеву, а перед шатром... сотнику стрелецкому Григорию Кучуринову да кречетнику Ивану Сычеву»).

В тот же день послы двинулись в путь.

10 октября послов встретил «чашечник Дмитрий да стряпчий винный Хуришитов²⁴⁷ сын Шeverdей с жалованием (царским—Л. А.) с аргмаки, на чом (послам—Л. А.) ехати к Александру... да овощи...».

²⁴¹ См. Н. Бантыш-Каменский, Обзор..., том 1, стр. 213.

²⁴² Там же, т. III, стр. 110, 112.

²⁴³ См. М. Полиевктов, Экономические и политические разведки Московского государства в XVII веке на Кавказе. Тифлис, 1932 г., стр. 29—30.

²⁴⁴ См. СРК, стр. 100, 101, 102, 103, 151 и т. д.

²⁴⁵ Встреча была «поздней», ибо Каплан поздно сообщил о приезде послов. Обычно послов уже поджидали на границе «встречники» (см. СРК, стр. 35).

²⁴⁶ СРК, стр. 154.

²⁴⁷ Хуришит неоднократно ездил послом в Москву.

საქართველოს
ეროვნული ბიბლიოთეკა

И их послы приняли у себя в шатре, удостоив двух встреч, однако менее торжественных²⁴⁸.

В тот же день, вернее ночь, послы «стали под монастырем» Алавердским. Уман сообщил, что послы должны «стояти зде на стану до царского указа».

13 октября «послы с того стану пошли к Крыму (Греми—Л. А.) и стали от Крыму за две версты... Октября в 14 день послы приехали в Крым. Вскоре их посетили Уман и Кирилл и сообщили, что «царь велел быть им в приставах и корм велел давать доволен...»²⁴⁹.

15 октября приставы Уман и Кирилл (Каплан) сообщили послам о назначении аудиенции на 16 октября.

Список не содержит элемента описания «встречи», предшествующей аудиенции, однако пробел этот можно восполнить по аналогии с «приемом» в 1595 г.

16 октября явились Уман и Кирилл «с аргумаками царевыми».

Посольство тронулось к резиденции царя в следующем порядке — впереди шли «стрельцы с пищальями», за ними несли «поминки» от «царя Всея Руси», затем ехали послы в сопровождении приставов.

У резиденции Александра, судя по всему, было 3 встречи у «ворот», «а вошед на двор» и «перед полатою». Встречали сановные лица царя — окольничие²⁵⁰.

Царь встретил послов в окружении своих приближенных.

При упоминании послами «титула и имени» царского Александр встал и поклонился «не снимая шапки»²⁵¹.

Послы «поклон правили, речь говорили, и грамоты государевы верующую и жаловальную отдали (и т. д.)... по государеву наказу и поминки государево жалованье явили по казенному списку».

Принимая грамоты, Александр «поднес их к лицу и поцеловал, положив те государевы грамоты подле своего места».

«А после посольства» царь «сел да послов звал к руке, а после руки велел послам сести от себя по правую сторону. И послы... посидев немного поехали к себе в стан... А, проводя послов, князь Каплан и Хуршит говорили: ести вам всем ныне у царя... и присылка по вас от Александра царя будет»²⁵².

В тот же день, после обеда у царя начались переговоры между русскими послами «да царевым духовником архимаритом Филиппом, Уманом и Кириллом» о совместных действиях против «Шевкала». Несколько раз Филипп и его товарищи ходили к царю²⁵³ докладывать — Александр требовал реальной помощи против Шевкала.

22 октября, наконец, царь принял послов (опять 3 встречи), снова настаивая на походе против Шевкала, он просит послов «отписать царю».

Затем вновь начались переговоры между послами и представителями кахетского царя.

²⁴⁸ Встречали: сначала только Миколаев, а затем только Кутеринов (СРК, стр. 156).

²⁴⁹ Эта часть восполняется нами по аналогии (см. СРК, стр. 35).

²⁵⁰ Сравни СРК, стр. 169, 300 и т. д.

²⁵¹ В других случаях Александр «вставал при входе же послов и снимал шапку» (см. СРК, стр. 296).

²⁵² СРК, стр. 161.

²⁵³ СРК, стр. 163, 164, 165, 166.

Наконец, переговоры были закончены. Александр решил послать в Москву своих послов. Здесь необходимо обратить внимание на его слова от 29 апреля 1589 г. «Великий государь присылал ко мне посланников своих Родивона Биркина и Петра Пивова и яз к великому государю посылал людей от таки же версты Каплана с товаращи. А понеже великий государь мене пожаловал прислал вас великих послов... — а яз ныне посылаю к великому государю против того своего ближнего человека от велика роду Сулимана князя»²⁵⁴.

10 мая состоялся отпуск. На отпуске Александр выслал «из палаты всех думных своих людей» кроме посылаемого в Россию «посла Сулеймана да окольного Умана» и вел с послами конфиденциальную беседу относительно судьбы других грузинских земель.

14 мая послы «пошли» из Кахети, в сопровождении «воеводы Михайло Гучно (?), а с ним азнауров и всяких служилых людей человек с четырехста и больши»²⁵⁵.

* * *

Какие же выводы можно сделать на основе вышеизложенного?

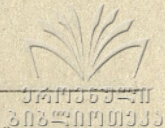
1. При оценке кахетско-русского союза на рубеже XVI—XVIII веков неправильно оперировать понятиями «протекторат», «вассалитет», «подданство» без учета их содержания в рассматриваемую эпоху. «Протекторат» и «вассалитет», согласно теории и практики международного права XIX—XX веков, — формы зависимости государств, свидетельствующие об отсутствии у последних полностью (реже частично) внешнеполитической дееспособности. Напротив, в XV—XVII вв. «покровительство» (термин «протекторат» родился гораздо позже) и «вассалитет» предполагали активную внешнеполитическую дееспособность зависимых государств.

2. В XV—XVII вв. теория и практика международного права в Западной Европе различает прежде всего виды зависимости: сюзеренитет и покровительство. В первом случае верховная власть принадлежит сюзерену, а вассал сидит на земле «по милости» первого, его власть производна. Но она может быть даже суверенной, если налицо внутривнутриполитическая и внешнеполитическая автономия. При «покровительстве» место имел союз, в котором слабая сторона (протее) в поисках защиты от врагов связывала себя с сильной (протектором), согласившейся защищать ее, беря на себя ряд обязательств — от данничества вплоть до вассальных по форме, мог он ограничиться и просто обязательством военной помощи или же, напротив, пойти на ограничение внешней дееспособности, этот случай именовали «подчинением». «Подданным» в собственном смысле протее становился лишь при инкорпорации, но даже и в этом случае подданство было договорным, «условным», нарушение его протектором возвращало протее статус независимости.

3. Мусульманский Восток знал лишь один вид зависимости — сюзеренитет, ибо глава (шах, султан) каждого крупного государства притязал на сюзеренитет в отношении всех земель; удел всех народов — подчинение стражу божьему (правоверные) или мечу божьему (невер-

²⁵⁴ СРК, стр. 204.

²⁵⁵ См. СРК, стр. 220.

ные), отдать ему «землю и воду». Даже уплата номинальной дани считалась подданством. Институт покровительства, в его западноевропейском понимании, здесь незнаком.

4. Московское государство, наряду с сюзеренитетом, данничеством как вид зависимости государств использует и покровительство. Будучи основано на добровольном согласии сторон, оно облекалось в форму традиционного вассалитета (атрибутами которого были заложники, инвеститура и служба, где государь велит), но без уплаты дани. Термином, призванным оттенить покровительствуемые народы от «взятых силой» или «бьющих челом» на началах прекарных и, следовательно, сидящих на «государевой земле», являлось выражение «быть в службе и обороне».

5. Первым договором, сохраняющим за покровительствуемым государством статус «свободного», явился кахетско-русский договор 1587—1589 гг. Московское государство и Кахети — два самостоятельных государства, связанные договором о покровительстве, которым на Кахети налагается целый ряд обязательств чисто военного характера, но остаются нетронутыми прерогативы верховной власти как внутри, так и вовне. Кахети правда именуется, хотя и редко, «подданной», «в холопстве», но объясняется это новизной отношений, для которых еще не был выработан соответствующий термин. Вот почему везде, где говорится «о подданстве», «холопстве», тут же добавляется термин «в обороне», что в сочетании с первым должно указывать на особь кахетско-русских отношений. На рубеже XVI—XVII веков впервые в истории Московского государства и Кахетского царства заключается договор о покровительстве, основанный на подлинно свободном волеизъявлении сторон и сохраняющий за протеже всю внутривнутриполитическую и внешнеполитическую дееспособность. Верховенство Московского царя здесь номинально, именно это явление Боден именовал *superiorite prerogative d'honneur*. Вопреки распространенному на Западе мнению, русско-грузинские отношения на рубеже XVI—XVII вв. убеждают, что институт *clientela* был известен и России, но родился он не в результате рецепции римского права, а был рожден практикой русских княжеств, и особенно связью Московского государства с Грузией (Кахети).

6. К статусу Кахети на рубеже XVI—XVII вв., созданному договором с Московским государством, неприменим термин «вассал», а при употреблении терминов «протекторат» и «подданство» необходимо вскрывать их содержание применительно к эпохе. Вот почему мы предлагаем при трактовке кахетско-русского договора 1587—1589 гг. применять термин «договор о покровительстве», а касаясь статуса Кахети — термин «зависимость», но не «подданство», «протеже», но не «вассал».

* * *

В дальнейшем статус Кахети был распространен и на другие «Грузии»²⁵⁶.

²⁵⁶ В 1605 г. царь Картли обещал вступить «под руку.. в оборону» русского царя, но события помешали этому акту, хотя в титулатуру русского царя все же был внесен «карталинский» компонент. В 1639—1642 гг. царь Картл-Кахети Теймураз I вступил «под руку.. в оборону» Алексея Михайловича, но вскоре потерял царство и вынужден был эмигрировать в Россию. Имерети вступила «в оборону» в 1651 г., но после смерти царя Александра III (1660 г.) союз не возобновлялся вплоть до конца XVIII в.

Язык грузино-русских договоров в середине XVII в. слегка изменяется²⁵⁷, из текста исчезает упоминание о дани-поминках и термин «служить», но Москва по-прежнему именует царя Картл-Кахети «подданной в обороне», что в сочетании с терминами «быть в дружбе и ссылке» означало сохранение за Кахети статуса зависимого суверенного государства. Однако в начале XVIII в. в терминологии русских дипломатических актов, относящихся к Грузии, наблюдается новшество — ни одно из царств «Грузий» не именуется больше «подданным», как, впрочем, и «зависимым»²⁵⁸. Это не только вина отсутствия новых договоров с Грузией (конец XVII — начало XVIII века). Договоры не возобновлялись и раньше десятилетиями (например, с 1605 по 1639—1641 гг.), однако Москва именovala Теймураза и др. царей «подданными». Дело в том, что при Петре I дипломатия России начинает перестраиваться на европейский лад²⁵⁹, вводятся западноевропейские терминология и понятия²⁶⁰, все большим влиянием пользуются работы классиков международного права. Большим авторитетом во второй половине XVIII века стали пользоваться работы Вольфа, особенно Ваттеля, «Право народов» которого стала настольной книгой всех дипломатов Европы и являлась энциклопедией международного права, в которой был подведен итог международно-правовой практики и теории, начиная с эпохи Римской империи и вплоть до середины XVIII века.

Объясняется это и тем, что с середины XVII в. вплоть до 60-х годов XVIII века между Россией и Грузией дипломатические связи были весьма инертными. Правда, подготовка похода Петра I в Прикаспие (1719—1722) и сам поход (1722—1723) оживили сношения Грузии (Картли) с Россией, и был даже заключен военный союз, призванный послужить залогом прочного покровительства России, однако, в связи с изменением планов Петра, поход не был доведен до конца, что сильно ухудшило положение Картли, царь которой Вахтанг VI вынужден был эмигрировать со своими приближенными в Россию (1724 г.) (см. Г. Пайчадзе — ზუსეთ-საქართველოს ურთიერთობის ისტორიისათვის. К истории русско-грузинских отношений. Тб., 1960. Груз. текст, стр. 1—166, русский — 167—183).

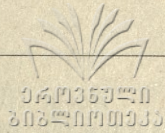
Лишь в 60-х годах XVIII века возобновляются активные грузино-русские отношения, завершившиеся заключением Георгиевского трактата, к анализу которого мы и переходим.

²⁵⁷ См. «Крестоцеловальную запись» царя Картл-Кахети Теймураза I от 25 апреля 1639 г. и «жалованную грамоту з золотою печатью» Алексея Михайловича от 1641 г. (М. Полиевктов. Материалы по истории грузино-русских взаимоотношений 1615—1640 гг., Тб., 1937, стр. 174; его же. Посольство князя Мышецкого и дьяка Ключарева в Кахетию, 1640—1643 гг., стр. 19—25).

²⁵⁸ См. Переписка на иностранных языках грузинских царей с российскими от 1659 по 1770 г. (сост. М. Броссе). СПб, 1861, стр. 120—155.

²⁵⁹ История дипломатии, М., 1959 г., стр. 344.

²⁶⁰ Е. Шмурло дает интересный словарь иностранных терминов, извлеченный из архива русского дипломата князя Куракина (см. Журнал Министерства Народного Просвещения, 1891 г., январь, стр. 220—225).

ГЛАВА IV

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ГЕОРГИЕВСКОГО
ТРАКТАТА 1783 ГОДА

В грузинской, русской и зарубежной литературе широко освещен аспект чисто исторического значения акта 1783 года, ознаменовавшим переломный момент в русско-грузинских отношениях и приблизившим объективно час полного слияния Грузии с Россией. Что же касается международно-правового аспекта Георгиевского трактата, то ни в грузинской, ни в русской литературе нет монографического исследования данного акта, вызвавшего в свое время даже «зависть Европы»²⁶¹. Как ни странно, но в иностранной литературе²⁶² существует ряд работ, где правовому анализу 1783 г. уделяется довольно большое внимание, но по вполне понятным причинам анализ дан однобокий, тенденциозный и поверхностный, без должного сравнительного изучения²⁶³. Данный раздел преследует цель восполнить этот пробел.

* * *

После ряда неудачных попыток царя Картл-Кахети Ираклия II (в 1752, 1771—1773 гг.) заключить договор, который юридически закрепил бы покровительство России²⁶⁴, обеспечил бы должную поддержку последней в борьбе с Ираном и Турцией, в 80-х годах сама Россия решает вплотную заняться «Грузинским вопросом».

Дело в том, что в этот момент во внешнеполитической ориентации России происходят определенные изменения²⁶⁵. В мае 1781 года в бессрочный отпуск уходит Н. Панин и внешняя политика России все сильнее испытывает влияние Г. Потемкина и А. Безбородко. Первый, как известно, был сторонником активной политики в отношении Турции,

²⁶¹ См. собственноручное письмо имп. Екатерины II кн. Г. А. Потемкину... от 18.VIII.1783 г. (Сборник Императорского Русского Исторического Общества, СПб, 1881), т. 27, стр. 276.

²⁶² Объясняется это активностью грузинского меньшевистского правительства, а затем эмигрантских кругов.

²⁶³ См. ниже.

²⁶⁴ Большим событием было появление в Грузии русских войск в 1769 году в связи с русско-турецкой войной 1768—1774 гг. и соглашением, достигнутым между Екатериной II, с одной стороны, и царями Картл-Кахети (Ираклий II) и Имерети (Соломон I), с другой: это способствовало еще большему распространению и утверждению прорусской ориентации в грузинских правящих кругах и народе. Борьба бок о бок двух единоверных народов против «исконных врагов христиан», несмотря на происки Тотлебена, не поколебала, а, напротив, упрочила веру грузин в то, что, лишь опираясь на Россию, можно окончательно положить конец господству Турции, а затем и Ирана. Нерадивое поведение Тотлебена, упрямство Сухотина, немало повредивших еще большому успеху русско-грузинского оружия, вызывали протест среди самих русских офицеров, что не могло не быть известным грузинам, даже укрывавших активно противящихся самоупорству Тотлебена офицеров. Грамоты и другие исторические документы XVII столетия, относящиеся к Грузии, изд. А. Цагарели (далее «Грамоты...»). СПб, 1891, т. I, стр. 155.

²⁶⁵ См. Очерки истории СССР, период феодализма (вторая половина XVIII в.), М., 1956, стр. 368.

которая продолжала свои происки в Крыму и на Кавказе, готовясь к новым схваткам с Россией. Рождается т. н. «греческий план», имеющий целью окончательное ослабление Турции путем создания на Балканах зависимых от России государств и некоторых территориальных уступок Австрии и Франции за счет Турции²⁶⁶. Русский двор все решительнее протестует против бесчинств, чинимых турецкими феодалами и самим правительством в отношении христианских подданных Турции, против происков Порты, направленных на захват Крыма и Прикубанья. Назревает новый русско-турецкий конфликт. В то же время смерть в 1779 году шаха Ирана Керим-хана и новая волна междоусобицы натолкнула Россию на мысль осуществить в конце концов идею Петра I и окончательно утвердиться в Юго-Западном Прикаспии. Кроме чисто экономических задач русское господство в Закавказье, укрепляя позицию России на Каспийском море и в Иране, в то же время создало бы новый удобный плацдарм против Турции и прикрыло бы русский тыл²⁶⁷. В 1780 г. началась подготовка к персидскому походу, но в 1781 году была предпринята лишь вылазка небольшой эскадры под командованием Войновича, закончившаяся безрезультатно²⁶⁸. Однако подготовка к походу все же не прекращалась.

Таким образом, «греческий» и «персидский» планы предусматривали активизацию русской политики в отношении Турции и Ирана, используя слабость последних и удачную конъюнктуру в Европе. И нет ничего удивительного, что на этот раз Закавказью придается большое значение, ибо «здесь — царизм мог принять позу освободителя»²⁶⁹ и облегчить выполнение своей задачи. В этой связи Грузия и Армения становятся объектом пристального внимания и втягиваются в тесные дипломатические связи, цель которых была привести к созданию в Закавказье зависимых от России христианских государств²⁷⁰.

В 1782 году князь Потемкин приступает к налаживанию контактов с Ираклием с целью «подвигнуть Ираклия искать формального покровительства Самодержицы Российской»²⁷¹. Эта миссия была поручена осенью 1782 года доктору Я. Рейнгесу, подвизавшемуся при грузинском дворе, а также в Армении²⁷². Стоит ли доказывать, что Рейнгесу не пришлось прилагать особых усилий, и уже в декабре Ираклий устанавливает с Потемкиным личный контакт, послав ему «челобитные»: о принятии в покровительство и новые просительные пункты в дополнение к

²⁶⁶ См. Сб. РИО, т. 26, стр. 385; История дипломатии, М., 1959, стр. 366—367.

²⁶⁷ См. Н. Смирнов. Политика России на Кавказе в XVI—XIX вв., М., стр. 120—121.

²⁶⁸ П. Бутков, Материалы для новой истории Кавказа (1722—1803 гг.), СПб, 1869 г., ч. 2, стр. 84—92.

²⁶⁹ К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., изд. 1, т. XVI, ч. 2, стр. 9.

²⁷⁰ Об Армении см. А. Иоанисян, Россия и армянское освободительное движение в 80-х годах XVIII столетия. Ереван, 1947 г., стр. 13.

²⁷¹ П. Бутков, Материалы..., ч. 2, стр. 118.

²⁷² О личности Я. Рейнгеса, см. у А. Иоанисяна. Россия..., стр. 50—57.

пунктам 1771 года, которые должны были лечь в основу «формального союза»²⁷³.

«Старые» просительные пункты или «Представление от царя Ираклия императрице Екатерине об условиях, на которых он желал бы вступить под покровительство России» датированы 30 декабря 1771 года.

Документ этот²⁷⁴ достоин особого внимания.

В преамбуле «Представления» Ираклий благодарит Екатерину за «взятие под покровительство» и присылку войск «для подкрепления». Он просит, чтобы в Грузии постоянно находилось 4000-ное войско, командующий которого «принимал бы советы» (Ираклия II — Л. А.), «поелику (он — Л. А.) имеет довольное сведение о состоянии и обстоятельствах здешних дел»²⁷⁵.

Ираклий так же требует гарантии, что «царское достоинство» его и его потомков «оставалось бы без перемен», «как из древних времен предки (его) были царями»²⁷⁶.

Взамен предлагается «послушание и оказание... таких услуг, какие ниже сего описаны».

Всего в «условиях» 14 пунктов. Мы группируем их, не придерживаясь последовательности, данной в оригинале.

1. Основное место в «услугах» занимают финансовые вопросы. Понимая, что в мирное время Россию в Грузии должна интересовать и экономическая сторона, Ираклий предлагает:

а) Половину дохода от эксплуатации, имеющихся в Картл-Кахети и «сколько и впредь оных отыщется» «разных руд металлов».

б) По 70 копеек с каждого двора крестьян и мешан.

в) По 14 «наилучших... лошадей» и 20 тысяч ведер вина ежегодно.

г) Что касается земель, завоеванных с помощью русского корпуса и возвращенных в лоно грузинского царства, то предлагается взимать половину того, «сколько в Российской империи с дворянских крестьян собирается податей». Лишь земли Кахети будут платить 70 копеек со двора и 200, а то и больше «пуд шелку... всякий год»²⁷⁷.

²⁷³ Грамоты..., т. II, вып. 2, стр. 24, 26, 27, 28.

²⁷⁴ Грамоты..., т. I, стр. 329—333; в 1 выпуске II тома (СПб, 1898) дан также грузинский текст «условий, на каких Ираклий желал поступить под покровительство России», представленный грузинскими послами графу Панину 27 апреля 1773 г. (стр. 90—92). В основном это те же «условия», лишь иногда более ясно сформулированные.

²⁷⁵ Грамоты..., т. I, стр. 329.

²⁷⁶ Совершенно очевиден намек на происки Тотлебена, пытавшегося в бытность в Картли в 1770—1772 гг. лишить Ираклия престола. Мы видим в этом пункте один из основных мотивов, толкнувших Ираклия на оформление союза, который гарантировал бы статус Картл-Кахети. Соображение это сильно отлично от утвердившегося в нашей историографии положения, считающего, что 1771—1772 гг. Ираклий выбрал именно потому, что счел момент наиболее подходящим, т. к. поражение Турции было уже не за горами. См.: ი. ციხეძაძე, 1783 წლის მფარველობითი ტრაქტატი, თბილისი, 1960, стр. 56.

²⁷⁷ Грамоты..., т. I, стр. 331; т. II, вып. 1, стр. 92.

д) Давалось обещание возместить издержки на содержание в Грузии корпуса.

е) Грузии должно было быть предоставлено право в случае необходимости обращаться к России за займом.

2. Касаясь территориальных проблем, Ираклий не подвергает сомнению тот факт, что исконно грузинские земли должны принадлежать ему. Лишь об Ахалцихе²⁷⁸ просит он особо — приступить к завоеванию этой области уже весной и в случае мира с султаном «не оставлять оную под турецким владением, ибо она область... лежит на грузинской земле и народ имеет там грузинский язык и много находится там христиан, да множество и таких, кои с недавних времен превратились в магометанство»²⁷⁹.

Области же, которые будут завоеваны «сверх отнятых (боем—Л. А.) собственных наших земель», то «поступлено» будет с ними по указу из Петербурга.

3. Касаясь военных обязательств, Ираклий предлагал в мирное время давать солдат «с толикого дворов, с коликого числа душ в Российской империи набирается»²⁸⁰.

4. Заботясь о росте и без того сильно поредевшего населения Грузии, Ираклий просит вернуть на родину освободившихся из крымского плена грузин.

5. Обуславливалась автокефалия грузинской церкви — «Католикос имеет... оставаться в своем сане без перемен»²⁸¹.

6. В подкрепление нерушимости союза предлагалось принять «одного из сыновей (Ираклия—Л. А.)...», так же по возможности несколько князей и дворян»²⁸².

Таким образом, очевидно, что для Ираклия обещание, данное Россией в 1768—1770 гг. взять Картл-Кахети под покровительство, считается делом совершенным, недаром же он ссылается на «указы императрицы», а послы его прямо заявляют: «да свершится указ о принятии царя Грузии под покровительство...», о котором грамотой было сообщено царю нашему»²⁸³.

Видно в этих условиях и другое, кроме задач чисто внутривнутриполитических (борьба с феодалами за централизацию), задача возвращения в лоно Грузии потерянных ею некогда земель, по-прежнему, лежит во главе угла внешней политики грузинских царей, как и много лет назад. Создание мощного, объединяющего все отторгнутые некогда земли Картли и Кахети, государства под ограниченным господством России — вот задача Ираклия II. Ради этой цели он согласен даже на серьезное огра-

²⁷⁸ Ахалцихский пашалык Турецкой империи являлся исконной грузинской землей — Самцхе-Саатабаго, — захваченной турками в XVI веке и отуреченной. См. С. Джикия. Пространный реестр вилайета Гюрджистан (автореферат докторской диссертации), Тбилиси, 1956.

²⁷⁹ Грамоты..., 1, стр. 331.

²⁸⁰ Там же.

²⁸¹ Грамоты..., стр. 329.

²⁸² Там же, стр. 330.

²⁸³ Грамоты..., т. II, вып. 1, стр. 90.

ничение своей власти, считая, видимо, что на первых порах главное политическое объединение страны в рамках Российской империи.

Но очевидно и то, что с юридической точки зрения «Условия» носят весьма расплывчатый характер, неся на себе печать идеологии феодальной раздробленности и международно-правовой практики Ближнего Востока, эклектической, сочетаемой с потребностями русского централизованного государства (напр., разрядка рекрутов, эксплуатация руд). Предлагалось подчинение за счет ограничения суверенных прав в финансовой и военной областях с сохранением, однако, автономии во всех остальных областях внутривнутриполитической жизни (суд, государственное управление, законодательство и т. д.). Ограничивалась и внешнеполитическая дееспособность, ибо предполагалось, что внешняя политика Картл-Кахети должна была быть перестроена в соответствии с интересами России.

Практически разговор шел о подчинении, близком к инкорпорации. Однако Ираклий добровольно идет на ограничение своих фискальных прав, на признание такого верховенства русского монарха, которое оставляет за Картл-Кахети только некоторую внутривнутриполитическую автономию, лишая ее качества суверенного государства и перевода в разряд привилегированной провинции. Но, видимо, династические и политические задачи, стоящие перед Ираклием, стоили, с точки зрения последнего, такой жертвы.

Вот почему, оценивая предлагаемый союз с международно-правовой точки зрения, его нельзя охарактеризовать иначе, как проект договора подчинения, лишаящий Картл-Кахети статуса суверенного государства. Сам Ираклий II просит одобрения «условий», чтобы всем, и неприятелям и доброжелателям «нашим видно было, что... нахожусь точным подданным Российского государства и мое царство присовокуплено к Российской же империи на таком основании, как... мною всенижайше представлено»²⁸⁴.

Каковы же «новые просительные пункты»?

1) В мирное время ни Турция, ни Иран не должны посягать на Грузию (Картл-Кахети), находящуюся в союзе с Россией. В случае же войны грузины готовы на «любые услуги» для победы над врагом.

2) Снова настойчиво просит Ираклий сохранить за ним и его потомками престол, «который издревле принадлежал (его—Л. А.) предкам»²⁸⁵.

3) Если в 1771 г. особо оговаривалось право на Ахалцихскую область, то теперь выдвигались притязания и на Карскую, а также на завоеванные Ираном и лезгинами земли грузинские.

4) Наконец, в отличие от просьбы «о четырех полках», сделанной в военное время (1771 г.), Ираклий просит держать «в мирное время»

²⁸⁴ Грамоты..., т. I, стр. 332—333 (разрядка наша—Л. А.).

²⁸⁵ Ираклий тут же объясняет мотив этой настойчивости — попытка внука Вахтанга VI Александра Бакаровича захватить престол и вернуть его Картлийским Багратионам сначала с помощью Имерети, а затем дагестанского владетеля Фет-Али-хана (подробно см. ი. ციხცაძე, 1783 წლის მფარველობითი ტრაქტატი, თბილისი, სტრ. 93—96.)

в Грузии (Картл-Кахети) «два полка регулярных с их денежным жалованием, а провиантом имеем мы снабдевать их»²⁸⁶.

«Новые просительные пункты» сейчас же были пересланы Потемкиным Екатерине и уже в начале 1783 года (феврале—марте) рукой А. Безбородко составлены «Высочайше указанные основания для заключения Русско-Грузинского договора»²⁸⁷. Документ этот дает довольно ясное представление о позиции России, о ее взгляде на статус, в которой должен был быть облачен намечающийся грузино-русский союз. Поскольку документ этот сравнительно краток, мы позволим себе привести его целиком, ибо, кроме «Грамот», полный текст не дает ни акад. И. Джавахишвили (первым пустивший его в научный оборот)²⁸⁸, ни проф. Я. Цинцадзе (подробно разобравший его по пунктам)²⁸⁹, а между тем дальнейшее наше суждение в большой степени будет зависеть от «оснований».

Итак, обратимся к тексту этого весьма интересного документа.

«Мнение Ея Величества было, чтоб 1-е, через вашу светлость заключить с грузинскими царями «союзный трактат», не именуя их поданными, но союзниками, от Империи всероссийской покровительствуемыми.

2. **Поборов денежных не принять** никаких, ниже половины с металлов и минералов, а оставить все то в пользу Царей Грузинских — а принять только ежегодную присылку шелку, вин и лошадей.

3. По благорассуждению вашему назначить им субсидии денежные, по числу войск во время войны, а на первое время сумму некоторую, буде изволите найти надобным.

4. **Отменить всякое знакомство с Императором (Римским) и с другими христианскими державами**, сказав, что оне имеют условие не мешаться в дела, до Азиатских наших соседей касающиеся; да и писем к Императору (Римскому) не посылать²⁹⁰.

5. О войсках и о всем прочем Государыня изволит ожидать от вашей светлости примечаний, оставляя вам и по сим пунктам снисгиться.

6. Ея Величество изволила примечать — не нужно ли под вашим руководством мир между царями Ираклием и Саломоном постановить

²⁸⁶ Грамоты..., т. II, ч. 2, стр. 25—26.

²⁸⁷ Грамоты..., т. II, ч. 2, стр. 30—31. А. Цагарели датирует «Основания» «декабрем 1782 г.». Мы согласны с проф. Я. Цинцадзе, что, видимо, документ не был датирован и А. Цагарели датировал его сам, исходя из содержания акта. Между тем, факт упоминания в нем грамот Ираклия от 21 декабря (об обращении к Иосифу II) свидетельствует о том, что документ этот, мог быть составлен в целом лишь через месяц—другой после написания и отправления грамоты от 21 декабря (Я. Цинцадзе, цит. соч., стр. 99). Со своей стороны мы можем еще добавить, что упоминание в «основаниях» «двух баталионов пехоты с четырьмя пушками», видимо, находится в прямой связи с «новыми просительными пунктами», написанными также 21 декабря и отправленными 31 декабря 1782 — в начале января 1783 гг.

²⁸⁸ ი. ჯავახიშვილი. დამოკიდებულება რუსეთსა და საქართველოს შორის მე-XVIII საუკუნეში. 1919, თბილისი, стр. 30.

²⁸⁹ Я. Цинцадзе, цит. соч., стр. 100—117.

²⁹⁰ Намек на попытку Ираклия II найти финансовую помощь в Европе в 1782 г. См. Грамоты..., т. I, стр. 26—27.

ясный и точный, учиня себя как ручателем оногo, так и арбитром в случае взаимных жалоб.

При постановлении такового союза не худо бы:

1. Вместить право монархам нашим..., Царям Грузинским — инвестиру, и чтобы более сей народ привязать к России, то бы весьма полезно Иерархию их привязать к нашему Синоду, а знатнейшим фамилиям дать право Российского дворянства; архиепископа же Католикоса, то ему, соборнаго, поставить степени в Российской церкви между первыми²⁹¹.

2. Еще более безкорыстие доказано будет, если тому и вино приказано будет брать за известную цену, тем паче, что сие касается простого народа.

3. Можно инородовать не всегда два баталиона пехоты с четырьмя пушками; сие тем паче будет полезно, что горские дикие народы с обеих сторон гор приперты будут и коммуникация с Грузиями обеспечится. Помянутые баталионы сменять погодно. Что ж касается до военного времени, тогда отряд войску числом своим будут зависеть от обстоятельств.

4. Когда по духовенству они привязаны будут к Синоду, то по сему примеру и Римское духовенство (в Грузии) от России же получать будут, а сим кончится сношение с императором (Римским), которому причиною миссионарии.

5. Как выше упомянуто, что сие зависит от обстоятельств военных, о чем я пространно пишу в генеральном предположении действий военных.

6. Сие весьма нужно, ибо их (царей) согласие усилит нашу оборону в той части²⁹².

Таким образом, должен был быть заключен «союзный трактат» с «грузинскими царями». Очевидно, что речь идет прежде всего об Ираклии II, затем уже о Соломоне I, ибо содержание «Оснований» отгалкивается от «Условий 1771—1773 гг.» и «просительных пунктов 1782 года», посланных царем Картл-Кахети. Обращает на себя внимание тот факт, что в заключаемом договоре грузинские царства должны были сохранить качество субъектов международного права, пребывая в качестве «союзников», а не «подданных»²⁹³.

Как будто последующие пункты подтверждают решимость России заключить именно «союзный трактат». Отказ от денежных поборов уже говорит сам за себя. Мы не согласны с проф. Я. Цинцадзе, считающим, что отказ от денежных поборов объяснялся нецелесообразностью брать с находящейся и без того в затруднении «Грузий» «русский налог», который, кроме всего, составил бы весьма мизерную сумму, не представляющую для русской казны интереса²⁹⁴.

²⁹¹ «Пункт этот отрывочен и темноват в рукописи гр. А. А. Безбородко. Этот документ... переписывал чиновник Госуд. и СПб. Арх. МИД с. с. В. А. Альфонский, превосходно разбирающий старинные почерки». Прим. А. Цагарели, Грамоты..., т. II, стр. 31.

²⁹² Грамоты..., т. II, ч. 2, стр. 30—31 (подчеркнуто нами — Л. А.).

²⁹³ Ниже мы более подробно затронем эту терминологическую сторону заключенного договора.

²⁹⁴ Я. Цинцадзе, цит. соч., стр. 102—103.

Как мы уже указывали, обложение «обывательских дворов» налогом означало бы почти инкорпорацию Картл-Кахети, на что Россия не считала возможным идти, ибо это наложило бы на последнюю довольно обременительные обязательства, вплоть до активных действий в Закавказье, а к этому русский двор не был пока готов. То же можно сказать и об отказе от «рекрутского набора». Совершенно очевидно намерение России иметь в Закавказье достаточно сильную опору из христианских государств, не беря на себя тем временем особенно много обязательств, могущих дать возможность Турции или Ирану втянуть Россию в ближневосточный конфликт помимо ее воли. Статус «союзника» поэтому больше всего устраивал российский двор.

Решение послать в Грузию... «два батальона... с четырьмя пушками» лишний раз свидетельствует о правильности наших предположений — при растянутости коммуникационных линий вряд ли эти два батальона могли бы быть усилены в короткий срок, если бы вспыхнул конфликт на границах Картл-Кахети или Имерети. Они скорее должны были носить символический характер покровительства и способствовать обеспечению безопасности дороги в Закавказье через Дарьяльское ущелье.

Однако в «Основаниях» сквозит и другое — попытка русского двора создать условия, которые обеспечили бы прочность прорусской ориентации в Грузии.

Наибольшую опасность вызывала возможность прихода к власти после Ираклия царевича «нерусской ориентации», могущего порвать «союз». Именно с целью предотвратить такую возможность намечается ввести «право инвеституры».

В то же время принимаются меры к «привязыванию» грузинского духовенства и дворянства — правящих кругов «Грузий». Здесь явно наличие условия, несовместимое с «союзом», но, видимо, забота о дальнейшем упрочении русского влияния в Грузии диктовала необходимость отступления от буквы «союза». Немалую роль в этом деле играла опасность (угроза) «прозападной ориентации», что, как мы видим из «Оснований», Россия твердо вознамерилась не допустить.

Из вышеизложенного можно сделать вывод: решившись на активизацию внешнеполитической акции в Закавказье, русский двор решает связаться формальными узами с грузинскими царствами, беря на себя роль покровителя, но на большее Россия еще не готова. Поэтому предложение, исходящее от Ираклия II, было отвергнуто и было решено заключить «формальный договор», закрепляющий лишь «зависимость» «Грузий» от России и оставляющий за ними статус субъекта международного права.

Проект договора²⁹⁵, также составленный канцлером Безбородко, свидетельствует о правильности вывода. Поскольку вступивший в силу договор почти не отличается от «проекта», то мы считаем лишним оста-

²⁹⁵ Текст не датирован. А. Цагарели датирует его по смыслу — «1783 г.». Если учесть, что «Основания» были написаны в январе—феврале, а 3 апреля «проект» уже был прислан князем Потемкиным Ираклию II (см. П. Бутков. Материалы..., т. II, стр. 121), можно предположить, что «Основания» и «Проект» были составлены одновременно.

 0419357241
 проект 133

навливаться сейчас на этом акте²⁹⁶. Примечательно лишь то, что проект договора был послан в апреле 1783 года на ознакомление Ираклию II, который не мешкая его одобрил. Оставалась процедура подписания. Поскольку князь Потемкин получил высочайшее повеление заключить с царем Ираклием трактат, «через кого он заблагорассудит, то к совершению сего дела и избрал он генерал-порутчика Павла Сергеевича Потемкина, командующего войсками кавказскими, с приданием к нему для производства того дела подполковника Тамары; а царь Ираклий прислал в Гиоргиевск, к Потемкину, с полномочием своего генерала от левой руки князя Ивана Константиновича Багратиона и своего генерал-адъютанта князя Чавчавадзе»²⁹⁷.

24 июля 1783 года в Георгиевской крепости Кавказской линии уполномоченные подписали «дружественный договор», который в силу статьи 13 формально вступил в силу по обмену ратификационными грамотами в январе 1784 года²⁹⁸. Однако уже 20 августа во всей Грузии (Картл-Кахети) торжественно было отпраздновано заключение договора. Обе стороны приступили к его осуществлению, не дожидаясь окончания формальностей с ратификацией. Получив «два батальона пехоты» с артиллерией и инвеститурные знаки, Ираклий принес присягу, требуемую договором в январе 1784 г.

Прежде чем перейти к юридической характеристике данного акта, ознакомимся с его оценкой, содержащейся в трудах грузинских, русских и зарубежных ученых.

Следует отметить, что ни в грузинской, ни в русской литературе нет монографического исследования договора 1783 года с юридической точки зрения, что представляется нам весьма существенным пробелом, ибо акт этот в истории грузино-русских отношений занимает выдающееся место и выяснить его подлинную юридическую природу было необходимо.

Советская грузинская историография и не пыталась дать ответ на поставленный вопрос, ибо считает незыблемым тезис, сформулированный акад. И. Джавахишвили в 1919 году: «Договор 1783 года самими договаривающимися сторонами представлялся трактатом «покровительственного союза» (მფარველობითი მოკავშირეობა), и у нас нет никаких прав игнорировать их явно выраженное волеизъявление и считать договор 1783 года актом иного свойства только потому, что между современной наукой и правовыми взглядами того времени существует некоторое расхождение»³⁰⁰. Автор утверждал, что место имели ни вассалитет, ни протекторат, а «покровительство и союз»³⁰¹. Таким образом, согласно грузинской советской историографии, Грузия по договору 1783 года осталась суверенным государством, «находящимся в покровительстве,

²⁹⁶ См. текст в «Грамотах...», т. II, ч. 2, стр. 32—41.

²⁹⁷ П. Бутков. Материалы..., т. II, стр. 121.

²⁹⁸ 3 ноября 1783 г. Ираклий получил ратификационную грамоту Екатерины II. 24 января 1784 г. он вручил «ратификацию» министру-резиденту Бурнашеву.

²⁹⁹ П. Бутков. Материалы..., т. II, стр. 129—130.

³⁰⁰ И. Джавахишвили, цит. соч., стр. 78—79.

³⁰¹ Там же.

союзником России», а сам договор был актом «о покровительстве и союзе»³⁰².

Иначе смотрит на вещи русская советская историография. Так, О. Маркова считает договор 1783 года «Трактатом о протекторате... В силу трактата... грузинский царь становился вассалом русского царя»³⁰³. Впрочем, автор явно не вдается в юридическую суть союза.

Пытались дать правильную юридическую характеристику договору 1783 года и ученые царской России. Заслуживают внимание в этом вопросе прежде всего работы, принадлежащие перу известных в свое время государствоведов З. Авалову и М. Хелтушлишвили³⁰⁴. Авторы эти более подробно, чем остальные их современники, коснулись интересующего нас вопроса, хотя, к сожалению, и весьма поверхностно, без должного сравнительного анализа и глубины. З. Авалов, оперируя терминами международного права XIX—XX веков, сталкивается с рядом трудностей в оценке этого акта. З. Авалов пишет: «Спрашивается теперь, к какому типу общения государств относится «дружественный союз»?.. Была ли Грузия (от 1783—1801 гг.) в вассальной зависимости от России, или находилась под ее протекторатом? Ни то, ни другое или, лучше, одновременно и то, и другое»³⁰⁵.

Указав на тот факт, что о вассальности сейчас можно говорить только в том случае, когда «зависимая политическая единица является креатурой сюзерена (с юридической точки зрения)», т. е. является «созданием государства—сюзерена, сообщающего односторонней волей своей свойства несuverенного государства провинции или завоеванной стране», а раньше, в прошлом, рождалось на основе пожалования ленного владения кому-нибудь «под условием вассальной службы»³⁰⁶, автор делает вывод: «Очевидно, что в этом смысле Грузия не была вассалом России»³⁰⁷, хотя Грузия и брала на себя ряд вассальных обязательств, становясь несuverенным государством, зависимым, но делала это она добровольно. Как будто налицо протекторат?! Нет, З. Авалов категорически утверждает: «Но в договорном отношении, созданном трактатом, нельзя видеть и протектората в современном смысле слова, так как «служба» сюзерену, играющая видную роль в грузино-русском договоре, для протектората никакого значения не имеет. Общего же у Грузии с государствами, находящимися под протекторатом, то, что все они были государствами до и независимо от установления позднейшей зависимости.

Итак, разбираемый случай не подходит ни под понятие вассальности, ни под понятие протектората — в строгом смысле, и подходит одинаково и под одно, и под другое, если разуместь их более обще, но для удобства... можно его назвать протекторатом»³⁰⁸.

³⁰² ი. ციხცაძე, 1783 წლის მფარველობითი ტრაქტატი, სტრ. 129.

³⁰³ О. Маркова, Присоединение Грузии к России в 1801 году, «Историко-марксист», 1940, № 3, стр. 68.

³⁰⁴ Работы их послужили для многих русских государствоведов отправной точкой при изложении и оценке статуса Грузии в составе Русской империи (напр., Н. Коркунов, Б. Нольде).

³⁰⁵ З. Авалов, Присоединение Грузии к России. СПб, 1906, стр. 141.

³⁰⁶ Там же, стр. 142.

³⁰⁷ Там же.

³⁰⁸ Там же, стр. 142—143, 145.

Противоположной точки зрения придерживается другой юрист М. Хелтуплишвили. Последний считает, что «зависимость Грузии по трактату 1783 года представляла чистый вид протектората»³⁰⁹, отличный от сюзеренитета-вассалитета. Однако, как и З. Авалов, автор придерживается мнения, что с 1783 года Грузия (Картл-Кахети) «вошла в состав Российской империи», сохраняя внутреннюю автономию³¹⁰.

Ту же точку зрения защищает Г. Вешапели³¹¹, ссылаясь на Б. Нольде, который утверждал: «Практикой издавна установлена возможность соединения с Россией других государств постоянными узами, в частности в форме зависимости этих государств, но с сохранением их государственной личности... Грузия была поставлена под протекторат России, также не утратив своего государственного характера»³¹². Аналогична позиция Н. Коркунова³¹³, видящего в акте 1783 года «подчинение одного государства другому, под условием сохранения и защиты в нем самостоятельной государственной власти... Принимая на себя обязанность покровительства и защиты, покровительствующее государство, естественно, выговаривает себе право контроля, по крайней мере, над международными отношениями покровительствуемого. Таким образом, протекторат неизбежно предполагает подчинение, и поэтому покровительствующее государство становится вместе с тем и господствующим, а покровительствуемое зависимым»³¹⁴. Однако оба автора считают, что от этого «единство и нераздельность Российской империи» не нарушились, ибо Грузия стала частью империи на правах автономии, самоуправления во внутренних делах³¹⁵. Таким образом, в дореволюционной грузинской и русской юридической литературе считался бесспорным тот факт, что договор 1783 года — договор о протекторате, сделавший Грузию «несуверенным», «зависимым» государством — частью Российской империи.

В иностранной литературе имеет место иное понимание статуса Грузии, рожденного договором 1783 года. Как Аллен³¹⁶ и Д. Ленг³¹⁷ (касающиеся юридической природы этого акта в своих исторических исследованиях лишь вскользь), так и известные западноевропейские международники, как-то: Ф. Лист³¹⁸, О. Ниппольд³¹⁹, Ле Фюр³²⁰ (по-

³⁰⁹ М. Хелтуплишвили, Вступление Грузии в состав Российской империи. Кутаиси, 1901, стр. 88—89.

³¹⁰ М. Хелтуплишвили, Цит. соч., стр. 17.

³¹¹ Г. Вешапели, Единство Грузии и русский протекторат. М., 1917, стр. 12—13.

³¹² Б. Нольде, Очерки русского государственного права. СПб, 1911, стр. 281.

³¹³ Н. Коркунов, Русское государственное право, т. I, СПб, 1909, стр. 206—207.

³¹⁴ Там же.

³¹⁵ Б. Нольде, цит. соч., стр. 281—282; Н. Коркунов, цит. соч., стр. 207—208.

³¹⁶ W. E. D. Allen, A history of the Georgian people. London, 1932, стр. 210—211

³¹⁷ D. M. Lang, The last years of the Georgian Monarchy 1658—1832. N. Y., 1957, стр. 184—186.

³¹⁸ E. Liszt, Die völkerrechtliche Stellung der Republik Georgien, Wien, 1918, стр. 1—2.

³¹⁹ O. Nippold, La Georgie du point de vue du Droit International. Bern, 1920, стр. 18—19.

³²⁰ Le Fur, La Georgie et le Droit des Gens, "Revue generale de Droit International Public" Juillet—Aüt, 1932, Paris: стр. 438.

святившие данному вопросу специальные работы) характеризуют русско-грузинский договор 1783 года как акт, устанавливающий режим протектората. Более того, согласно Ниппольду, договор 1783 г.— «классический тип договора о протекторате»³²¹. Однако, если Лист считает, что договор 1783 года установил «верховенство (Oberherrlichkeit)» и «суверенитет России» над Грузией, превратив последнюю в вассальное государство³²². О. Ниппольд, признавая факт сообщения Грузии статуса вассального государства, утверждает, что подобный акт не лишил Грузию качества «суверенного государства, а также субъекта международного права»³²³. Еще дальше идет Ле Фюр, считающий, что место имел не только договор о протекторате, но также договор о дружбе и союзе³²⁴.

Недавно за рубежом вышло несколько работ, в которых затрагивается договор 1783 года. Если две из них, принадлежащие перу А. Манвелишвили³²⁵, изобилуют ошибками и не представляют собой ценности для науки, ибо шовинистический угар застилает глаза автору³²⁶, то профессор международного права Страсбургского университета М. Мухели (Мухелишвили) дает сравнительно объективный анализ акта. В оценке последнего договор 1783 года «можно было бы попытаться квалифицировать как договор о союзе, если бы между сторонами не существовало столь огромной диспропорции в правах и сам договор не говорил бы о покровительстве, принятом Грузией». Автор вынужден констатировать, что протекторат привел Грузию к отказу «на более или менее длительный срок статуса независимого государства»³²⁷.

Итак, а) договор 1783 года — «покровительственный союз», «договор о союзе и покровительстве» (И. Джавахишвили, Н. Бердзенишвили, Я. Цинцалдзе, В. Дондуа), «протекторат» (М. Хелтуплишвили, Н. Коркунов, Б. Нольде), «протекторат-сузеренитет» (Ф. Лист), «протекторат и вассалитет» (З. Авалов) и «протекторат в форме вассалитета» (О. Ниппольд; О. Маркова);

б) государство Картл-Кахети по договору 1783 года «остается «суверенным, но зависимым» (И. Джавахишвили, Н. Бердзенишвили, Я. Цинцалдзе, Ниппольд, Ле Фюр), «становится несuverенным», «зависимым» (М. Хелтуплишвили, З. Авалов, Н. Коркунов, Б. Нольде, М. Мухели).

³²¹ O. Nippold, op cit. стр. 27.

³²² F. Liszt, op. cit. стр. 2.

³²³ O. Nippold, op cit. стр. 21—23 („Sous le regime de 1783 la Georgie demeure un Etat souverain, un personalité juridique internationale... mais aux yeux de la Russie la Georgie etait descendue au range de vassale“).

³²⁴ Le Fur, op. cit. стр. 441.

³²⁵ ა. მანველიშვილი, რუსეთი და საქართველო. Париж, 1951, Histoire de Georgie. Paris. 1951.

³²⁶ Даже английский ученый Ленг обвиняет автора в необъективности и тенденциозном (националистическом) подходе к разрешению ряда проблем. (См. Bulletin of School of Oriental and African Studies. London, 1953, vol XV part, стр. 399—401).

³²⁷ M. Muskhely, A propos d'un traité célèbre dans l'histoire de la Georgie („Bedi Karthlisa“—„La destin de la Georgie“—Paris. Janvier, 1957, № 23, стр. 23).

Как видим, налицо сильная разноречивость в юридической характеристике и терминологии, что запутывает точное уяснение юридической природы акта 1783 года.

Все несчастье в том, что некоторые авторы оперируют терминами и понятиями, утвердившимися в XIX—XX веках, т. е. повторяют ту же ошибку, что и при рассмотрении грузино-русского союза на рубеже XVI—XVIII веков. Между тем, как мы показали на стр. 31—40, понятия терминов и институтов XIX—XX вв. разнятся от им подобных в XV—XVIII веках и повторяются здесь считаем излишним.

Приступая к выяснению юридической природы Георгиевского трактата 1783 года, мы будем пользоваться русским и грузинским текстами, ибо оба они аутентичны³²⁸.

Трактат состоит из основного текста и трех приложений³²⁹.

Основной текст трактата состоит из преамбулы и тринадцати статей, составленных по всем правилам дипломатического протокола.

Приложения содержат три акта:

а) Четыре дополнительных статьи («секретные артикулы»), которые имели ту же силу, «как бы оные в самый трактат от слова в слово внесены были, чего ради и ратификации на них в тот же срок в месте разменены быть должны». ³³⁰

В достоверие чего ниже подписавшиеся полномочные, по силе их полных мочей, подписали сии артикулы и приложили к ним свои печати в Егорьевской крепости, июля 24-го дня 1783-го года.

Содержание статей и тот факт, что они не были официально опубликованы, а в научной литературе появились лишь в конце XIX века³³⁰, свидетельствуют о том, что налицо «дополнительные секретные артикулы», которые составляют неотъемлемую часть трактата.

б) Вторым актом приложений надо считать «Высочайше утвержденный 30 сентября 1783 года дополнительный артикул к договору с царем Ираклием II о венчании и помазании на царство царей карталинских и кахетинских». Подписан этот акт был, а также скреплен подписями «уполномоченными к подписанию» в январе 1784 г.³³¹ (т. е. после под-

³²⁸ Русский текст см. Полный Свод Законов Российской Империи, том XXI, с 1781 по 1783 гг., док. № 15835; грузинский — «Грамоты...», том II, ч. 1, стр. 99—110; оба текста даны также в приложении к труду Я. Цинцадзе. цит. соч., стр. 208—233; трактат можно найти и на французском, итальянском, немецком языках — см. G. Martens. Recueil des... traités, 2 Ed, vol. III; La storia dell'anno 1783. стр. 165. Подр. у О. Nippold op. cit. стр. 5.

³²⁹ Проф. Я. Цинцадзе неверно считает, что трактат состоял «из двух основных частей. Первая часть содержит 13 статей, вторая состоит из четырех особых статей...» (цит. соч., стр. 117).

³³⁰ Русский текст «секретных артикулов» сохранился в «Проекте» канцлера А. Безбородко (Грамоты..., т. II, ч. 2, стр. 34—40), а грузинский в ратификационной грамоте Ираклия II от 24 января 1784 г. (Грамоты..., т. II, ч. 1, стр. 108—110). В русском подлиннике они отсутствуют.

³³¹ Точно дата неизвестна, но, судя по тому, что С. Д. Бурнашеву 10 января 1784 года было предписано: «Надлежит ему (князю Багратиону — Л. А.) и князю Гарсевану (Чавчавадзе — Л. А.) подписать дополнительный пункт об титуле. коронации

писания Георгиевского трактата), но «сей артикул имеет почитаем быть принадлежащим к числу других, трактат составляющих».

в) И, наконец, образец «клятвенного обещания» для царей Картл-Кахети, заверенный сторонами, которые «тот образец подписали и приложили к нему свои печати в Георгиевской крепости июля 24 дня 1783 года». Образец этот, как видим, не носит характера дополнительной статьи и относится к актам, носящим характер чисто протокольный.

Обратимся теперь к самому содержанию трактата. Важным элементом акта 1783 года является преамбула трактата, содержащая ряд принципиальных положений³³².

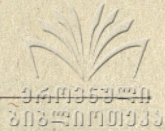
1. «От давняго времени всероссийская империя по единоверию³³³ с грузинскими народами служила защитою, помощью и убежищем тем народам... Покровительство Всероссийскими самодержцами царям грузинским, роду и подданным их даруемое, произвело ту зависимость последних от первых, которая наипаче оказывается из самого российско-императорского титула»³³⁴. Тут же напоминает роль Екатерины II в освобождении Имерети от «поносной дани отроками и отроковицами», как свидетельство «монаршего призрения» к народу и царям Грузии. Продолжением дружбы двух народов оценивается обращение Ираклия II «о принятии его со всеми его наследниками и преемниками, со всеми его царствами и областями в монаршее покровительство ея величества и ея высоких наследников и преемников, с признанием верховной власти всероссийских императоров над царями карталинскими и кахетинскими». «Снизходя на прошения... (императрица — Л. А.) всемилостивейше восхотела постановить и заключить с помянутым... царем дружественный договор, посредством коего, с одной стороны его светлость... признавая верховную власть и покровительство ея имп-го величества ознаменил бы торжественным и точным образом обязательства свои... а с другой ея императорское величество такожде могла бы ознаменить торжественно каковыя преимуще-

и монете (С. Н. Бурнашев. Новые материалы для жизнеописания и деятельности С. Д. Бурнашева. СПб, 1901, стр. 17), а 24 января Ираклий подписал ратификационную грамоту, то можно предположить, что подписание состоялось в середине января 1784 года.

³³² Мы не согласны с проф. О. Нипольдом, что преамбула — лишь декларация, не имеющая юридической ценности и не накладывающая никаких обязательств ни на ту, ни на другую сторону (op. cit. стр. 8). В отрыве от других статей договора, конечно, преамбула сама по себе ничего не значит, но в сочетании с остальными статьями она, безусловно, имеет большое значение, тем более, что в XVII—XVIII веках преамбуле уделялось большое внимание именно с точки зрения декларации основных принципов, кладущихся в основу договора.

³³³ Разрядка всюду наша — Л. А.

³³⁴ «Государь Иверския, Карталинския... земли...» (См. Лакиер. История титула государей российских. Журн. Мин. Народного Просвещения, 1847, часть LVI, стр. 153—154).

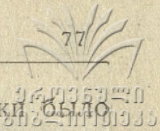
ства и выгоды от щедрой и сильной ее десницы даруются помянутым народам и светлейшим их владетелям»³³⁵.

Тон преамбулы не двусмыслен — заключается договор, закрепляющий неравноправный союз. Он — логическое следствие исконной дружбы России и Грузии, еще один этап в цепи русско-грузинских отношений, не выходящих ранее за пределы чисто покровительственных отношений. Здесь очевидна переоценка ценностей русским двором. «Подданство» в XVIII в. не то, что в XVI—XVII вв., когда любой вид зависимости Россия считала «подданством». Русский двор понимает, что существовавшие между Грузией (Картли, Кахети и Имерети) и Россией (Московским государством) отношения нельзя трактовать «подданством», тождественным в XVIII в. полной инкорпорации, подчинению центральной власти всех обитателей страны и их общественной жизни. Таким образом, преамбула признает, что Грузия никогда не была «подданной» России, а лишь «зависимой», и титул государей Российских не претендует на нечто большее. Зато устанавливаемые отношения трактуются как «покровительство и верховная власть» императрицы в отношении царя Картл-Кахети. Не означает ли это более тесного союза, чем существовал до сих пор? Совершенно очевидно, что да. Но рамки этого союза должны быть точно обозначены, такова воля обеих сторон. И тот факт, что тон преамбулы, как, впрочем, и всего договора, снисходителен³³⁶, он не может заслонить факта признания трактатом добровольного волеизъявления царя Картл-Кахети, направленного на получение покровительства и защиты со стороны России в обмен на ограничение своего суверенитета в пользу русского монарха. Суверенность же царя Картл-Кахети не вызывала у русского двора сомнений, хотя юридическая зависимость Картл-Кахети от Ирана считается фактом. Именно положить конец данному явлению и должен, по мысли сторон, «артикул первый», в котором царь Картл-Кахети «торжественно навсегда отрицается от всякого вассальства, или под каким бы то титулом ни было от всякой зависимости от Персии или инной державы; и сим объявляет перед лицом всего света, что он не признает над собою и преемниками инного самодержавия, кроме верховной власти и покровительства ее императорского величества...». В этой связи вызывает недоумение позиция Эзова, считавшего, что Ираклий II не имел права передавать России «верховой власти, ибо сам таковой не имел, т. к. последняя принадлежала Персии»³³⁷. Автор явно недопонимает сути грузино-иранских отношений, построенных на принуждении, на вековой борьбе за освобождение: грузины признавали власть Ирана только в силу необходимости и лишь ждали момента, чтобы сбросить ненавистное иго. Кроме того, господство Ирана

³³⁵ Заканчивается преамбула стереотипной частью — перечисляются уполномоченные стороны, которые, «приступив с помощью божью к делу и разменяв взаимно полномочия, по силе их постановили, заключили и подписали следующие артикулы».

³³⁶ Тон этот обычен для данной эпохи, когда союз сильного со слабым был немислим без признания за первым «источника милостей и благодеяний» по отношению к слабому, нуждающемуся в попечительстве.

³³⁷ «Сношения Петра Великого с армянским народом», СПб, 1898. Под ред. Г. А. Эзова. стр. XXII.

в 80-ых годах XVIII в. стало весьма иллюзорным и практически было сведено на нет (до поры до времени), оставалась лишь полинявшая юридическая оболочка, сбросить которую не стоило никакого труда. То, что не понял Эзов, хорошо понимал русский двор, который был весьма щепетилен в таких вопросах³³⁸.

Но допускает ошибку и проф. А. Цагарели, когда, критикуя позицию Г. Эзова, утверждает, что при Ираклии Картл-Кахетское царство «стало вполне свободным и ни от кого независимым»³³⁹. Автор путает факт с правом, что недопустимо — к моменту заключения Георгиевского трактата Картл-Кахетское царство юридически — государство, «зависимое» от Ирана, хотя и номинально, но все же царь Картл-Кахети — «вали» шаха Ирана. Известно, что Ираклий до последнего момента не отрицал этого качества, ибо умело использовал его в интересах Грузии.

Очевидно, царь Картл-Кахети (официально) менял принудительную зависимость от Ирана на добровольную от России. Поэтому непонятно, почему некоторые ученые трактуют ст. 1 трактата как отказ от «вассальной зависимости» вообще, как превращение Картл-Кахетского царства «из подданного» «в союзника» России, титул которого, мол, несовместим с вассалитетом. Отстаивая эту позицию, проф. Я. Цинцадзе не только ссылается, как и И. Джавахишвили, на «Основания», но и прибегает к историческим параллелям, сравнивая Георгиевский трактат 1783 года с... грузино-русскими договорами, заключенными на рубеже XVI—XVII и в середине XVII вв.³⁴⁰ Подобная позиция не кажется обоснованной, вряд ли можно сравнивать несравнимое — политические и правовые институты эпохи Московского государства претерпели неизбежные изменения в эпоху империи. Разве может правосознание господствующего класса эпохи создания и укрепления централизованного государства быть тождественным правосознанию господствующего класса эпохи абсолютизма?! Совершенно очевидно, что нет. И пример, приводимый Я. Цинцадзе для оправдания своей позиции, оборачивается против него самого. Автор, найдя в актах XVI—XVII веков термины «подданство» (Теймуразу царю... быти под нашею... высокою рукою в подданстве на веки неотступным» из грамоты Алексея Михайловича от 1641 г.), а также ссылаясь на форму договора («крестоцеловальная запись» со стороны грузинских царей и «жаловальная грамота» от имени царя Московского, «не дающего правды», а только скрепляющего грамоту) утверждает, что с конца XVI до XVIII века «Грузии» — Картли, Кахети, Имерети являлись «холопами», «подданными» русского царя, его вассалами³⁴¹. Все дело в том, как мы видели, что «холопство» действительно приравнивалось в XVIII веке к «подданству», но само «подданство» носило весьма эфемерный характер, охватывая не только полную инкорпорацию, статут данника, вассалитета-сюзеренитета, но и чисто покровительственные отношения, не лишавшие протекже статута суверенного государства. Именно таким государством являлось Кахетское царство на рубеже

³³⁸ Вспомним хотя бы осторожную политику России в грузино-турецких отношениях.

³³⁹ Грамоты..., т. II, ч. 2, стр. X.

³⁴⁰ См. Я. Цинцадзе, цит. соч., стр. 126—130.

³⁴¹ Я. Цинцадзе, цит. соч., стр. 128—129.

XVI—XVII вв., связанное с Москвой неравноправным, сохраняющим за ним статус зависимого, но суверенного субъекта международного права.

Таким образом, тот факт, что русский двор избегает использовать термин «подданный» в XVIII веке, свидетельствует лишний раз о том, что русская дипломатия прекрасно осведомлена о связях России с Грузией, правильно оценивает сложившуюся международную правовую практику сношений с последней. Объясняется это внедрением в русскую дипломатическую речь европейских терминов и перестройкой службы внешних отношений на европейский лад. Процесс этот, как известно, начался еще при Петре I³⁴². В соответствии с этим процессом приводятся и международно-правовые связи России. Именно в этом аспекте и надо рассматривать терминологию Георгиевского трактата «современника» трудов Ваттеля, пользующегося в России, как и Гроций и другие классики международного права, особенно учитель Ваттеля Вольф, большим влиянием.

Итак, согласно ст. 1 Георгиевского трактата, царь Картл-Кахети отказывался от любой формы зависимости, навязываемой принудительно Ираном и Турцией, и становился в зависимость от России, признавая верховную власть монархов последней.

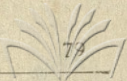
Тут же, в первой статье, сформулировано основное обязательство Ираклия — быть «тому престолу» верным и готовым «пособствовать пользе государства во всяком случае, где от него то требовано будет» (разрядка наша—Л. А.). Нетрудно увидеть, что основное обязательство царя Картл-Кахети — синоним стереотипной фразы «служить государевы службы где государь велит», столь хорошо известный, например, из русско-кабардинских отношений³⁴³.

Таким образом, «артикул первый» Георгиевского трактата сразу же ставит точку над *i* — царь Картл-Кахети приемлется под покровительство России на началах службы, аналогичной вассальной. Подобный союз Грузия впервые заключала с Россией. Вот почему «артикул третий» и «дополнительный артикул» от 30 сентября 1783 г. устанавливает за императрицей право инвеституры, «состоящею в грамоте, знамени с гербом всероссийской империи, имеющим внутри себя герб помянутых царств, в сабле, в повелительном жезле и в мантии или епанче горностаевой» (ст. 1), а также «царскую корону», которую, начиная с Ираклия, должны «венчаны быть» все всходящие на престол преемники его (дополнительная статья). В присутствии российского министра цари Картл-Кахети должны были приносить присягу «на верность и усердие Российской империи... по форме, прилагаемой при... трактате». Поскольку в Георгиевске уполномоченные Грузии выдвинули предложение (просьбу)³⁴⁴ сохранить за царями Картл-Кахети право венчаться на царство по старинному своему обычаю, позже было получено «всемилодивейшее дозволение» на употребление «сего священного обряда», однако «не прежде... как по учинении положенной трактатом присяги... и по получении утвердительной императорской грамоты с инвеститурой» (допол-

³⁴² См. выше, стр. 61.

³⁴³ См. выше, стр. 41—42.

³⁴⁴ См. выше, стр. 41 — 42.

нительная статья от сентября 1783 г.). Итак, сначала Каргл-Кахетский престол занимается преемником бывшего царя, причем занимается согласно грузинским законам, затем должен состояться акт принесения присяги, лишь после этого ему вручаются инвеститурные знаки, после чего он может провести обряд венчания и помазания. Мы согласны с З. Аваловым, считавшим, что инвеститура русских императоров была чистой формальностью, обуславливающей «не власть царя в Грузии, а лишь право «на преимущество и выгоды», даруемые царям Каргалинии и Кахетии... трактатом»³⁴⁵. Правильно, нельзя отождествлять инвеституру императоров с инвеститурой шахов и султанов, вассалы которых вступали на престол (египетские хедивы, князя болгарские, валии гурджи-станские) «милостью счастливого шаха», вольного лишить престола любого неугодного претендента. Инвеститура русских императоров носила действительно больше внешний характер, ибо всходили на престол грузинские цари «божьей милостью», но имела и глубокий подтекст — каждый новый претендент на престол Каргл-Кахети должен был быть «надежен». А что если Россия не согласна с кандидатурой нового царя? Могла она потребовать его замены? Видимо, да, но лишь под угрозой расторжения договора и предоставления Каргл-Кахети самой себе. Если же новый царь успел бы короноваться и совершить помазание, то дело бы затруднилось. Таким образом, устанавливаемый порядок инвеституры носил, кроме формальной стороны, также сугубо профилактический характер — договор мог быть возобновлен только после того, как новый царь Грузии был бы признан «персоной грата» при русском дворе.

Что касается «клятвенного обещания на верность... и на признание покровительства и верховной власти...», то она носит характер, схожий с крестоцеловальными записями XVI—XVII вв., даваемыми кахетскими и картлийскими царями, но накладывает на царя Каргл-Кахети куда больше обязанностей. Так, царь Каргл-Кахети «обещал и клялся всемогущим богом» в том, что:

а) будет «верным, усердным и доброжелательным» императрице и ее законным преемникам;

б) признает от своего имени и имени «наследников и преемников... и всех царств... и областей на вечные времена высочайшее покровительство и верховную власть» монарха России;

в) отвергает всякое, «под каким бы то титулом или предлогом ни было, господствование или власть других государств и держав и отрицается от покровительства их»;

г) обязывается «неприятелей Российского государства почитать за своих собственных неприятелей»;

д) «быть послушным и готовым во всяком случае, где на службу ея императорского величества и государства всероссийского потребен» будет;

е) не щадить живота своего до последние капли крови;

ж) «с военными и гражданскими ея величества начальниками и служителями обращаться в искреннем согласии»;

з) «и ежели какое-либо предосудительное пользе и славе ея величества и ее империи дело или намерение» узнают, «тотчас давать знать»;

³⁴⁵ З. Авалов, Присоединение Грузии к России. СПб, 1906, стр. 138.

и) «одним словом, так поступать, как по единоверию... с российскими народами, и по обязанности моей в рассуждении покровительства и верховной власти ея императорского величества прилично и должно»³⁴⁶.

Клятва грузинского царя, как и инвеституры носит характер акта, подтверждающего намерение стороны придерживаться положений трактата и союза с Россией. Она не выходит за рамки трактата, лишь раскрывая понятие «верности и службы».

Таким образом, постановления трактата и его приложений уделяют большое внимание формальной стороне закрепления зависимости Картл-Кахети от России, облакая царя Грузии в атрибуты вассала. Положения эти, не совсем обычные с точки зрения сегодняшнего дня, были вполне допустимы в XVIII веке и тем более в отношении с Востоком, где корни феодальной раздробленности еще очень сильны. Объясняется это и подозрительностью русского двора к политическому положению в Закавказье, где в любую минуту можно было ожидать смены политического курса даже дружественного правителя. Клятва, в каждом отдельном случае, лично привязывала бы нового царя к России, и нарушение таковой давало возможность более эффективно требовать восстановления status quo. Но так или иначе, в глазах России царь Картли приравнялся к вассалу, хотя верховная власть России и обуславливалась точно и определенно трактатом, основанным на обоюдном добровольном волеизъявлении сторон, и не могла считаться сюзеренитетом.

В чем же проявилась верховная власть России над Картл-Кахети по существу?

Кроме основной обязанности «быть всегда готовым на службу ея величества с войсками своими» (арт. 7), «где от него требуется будет» (арт. 1), царь обещался:

а) держать связь с «начальниками российскими» в вопросах, «до службы..., касающихся», удовлетворяя их требования;

б) охранять «подданных ея величества» от «обид и притеснений»;

в) тех своих подданных, которые заслужили доверие империи, выдвигать и награждать чинами в первую очередь (арт. 7);

г) помимо этих «активных» обязанностей, царь Картл-Кахети брал на себя обязательства, ограничивающие его внешнеполитическую дееспособность — согласно «артикула четвертого», «без предварительного соглашения с главным пограничным начальником и министром ея императорского величества, при нем аккредитуемым, не иметь сношения с окрестными владетелями, а когда от них придут посланцы или присланы будут письма, оныя принимая советовать (с теми же лицами—Л. А.)... о возвращении таковых посланцев и о надлежащей их владетелям отповеди».

Подобного обязательства не знал ни один грузинский царь, ибо грузино-русские договоры XVI—XVII вв. оставляли за «Грузиями» полную свободу действий, требуя лишь «оглядываться» на Московское го-

³⁴⁶ Договоры XVI—XVII вв. (крестоцеловальная запись плюс «жаловальная грамота») не знали обязательств, содержащихся в пунктах в, д, е, ж, что делали статус Кахети отличным от покровительства, основанного на вассальной службе. Почему-то проф. Я. Цинцадзе забывает сравнивать «образец» с «записями» 1587, 1601 и 1639 гг. Тогда ему не пришлось бы делать довольно сомнительного вывода.

сударство»³⁴⁷. Теперь же Картл-Кахети лишалась права самостоятельной внешнеполитической деятельности, каждый шаг которой надо было согласовывать с русскими представителями. В этом отношении, безусловно, царь Картл-Кахети ограничивал суверенитет с точки зрения тогдашнего международного права и превращался в главу «подчиненного государства», свободного лишь во внутреннем управлении. Трактат специально постановлял, что «власть, со внутренним управлением сопряженную, суд и расправу, и сбор податей предоставить его светлости царю в полную его волю и пользу, запрещая своему военному и гражданскому начальству вступаться в какие-либо распоряжения» (арт. 6). Таким образом, вовне Картл-Кахети отныне — «зависимое, ограниченно суверенное государство».

д) Однако вызывает сомнение и полное «внутреннее самоуправление». Так, «артикул осьмой» содержал весьма важное положение об ограничении автокефалии грузинской церкви. «Католикос или начальствующий архиепископ» должен был «состоять местом в числе Российских Архиереев в осьмой степени, именно после Тобольского», получал титул «святейшего синода члена...», «о управлении же грузинския церкви и отношении, каковое долженствует быть к синоду российскому, о том составитя особый артикул». По сравнению с «Проектом»³⁴⁸ сделан шаг назад в деле независимости грузинской церкви: грузинский Католикос из первого класса переведен в архиереи второго класса и поставлен за Тобольским³⁴⁹. Кроме того предусматривалась серьезная церковная реформа, которая безусловно закрепила бы зависимость грузинской церкви от русской. Учитывая, что в России со времен Петра I (1721 г.) было введено Синодальное управление³⁵⁰, ознаменовавшее окончательное подчинение церкви государству, можно утверждать, что уже первая часть статьи восьмой, в том числе и почетный пожизненный титул члена Синода³⁵¹, присваиваемый грузинскому Католикосу, состоит в подчинении России духовной жизни Грузии, имеющей не меньшее значение, чем жизнь чисто политическая (вспомним «Основания»). Даже если бы

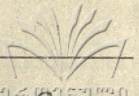
³⁴⁷ Вспомним пример 1589—1590 гг., когда русские послы сообщили царю Картли Александру II, что послов он может посылать куда и как угодно (С. Белокуров. Сношения России с Кавказом, М., 1889 г., стр. 205—206).

³⁴⁸ По «Проекту» Католикос должен был пользоваться «местом и степенью в первом классе Российских архиереев, уступая только Киевскому, Новгородскому, Московскому и С.-Петербургскому, и первенствуя перед всеми архиепископами второго класса» («Грамоты...», т. II, ч. 2, стр. 37).

³⁴⁹ В 1767 году архиерейские кафедры и епархии были разделены на три класса «по благопристойности и достоинству санов». К первому классу были отнесены епархии Киевская, Новгородская, Московская и Петербургская; ко второму — восемь: Казанская, Астраханская, Тобольская, Ростовская, Псковская, Крутицкая, Рязанская и Тверская. К третьему классу — пятнадцать епархий (см. проф. И. Покровский. Русские епархии в XVI—XIX вв., их открытие, состав и пределы; Казань, 1913, т. II, стр. 435, 871).

³⁵⁰ История русской церкви. Период пятый. Синодальное управление (1721—1826 гг.). М., 1848 г., стр. 1—13.

³⁵¹ Во второй половине XVIII в. «членов Синода» было шесть.

не была проведена церковная реформа³⁵², все равно подчинение Синоду само собой ставило грузинскую церковь в зависимость от решений Синода, если бы последний решился придерживаться своих прав до конца. Таким образом, русский двор получает право влиять на духовную жизнь Картл-Кахети (и всей Грузии), что не могло не повлиять на всю политическую и правовую надстройку. И это обязательство было совершенно новым в грузино-русских отношениях и знаменовало усиление русского влияния в Грузии, свидетельствуя о серьезном намерении России вплотную заняться «грузинским вопросом».

е) Именно поэтому одну из основных задач России составляла попытка примирить враждующих царей и владетелей во всей Грузии и в первую очередь наладить осложнившиеся отношения между Ираклием и Соломоном. Мы видим, что уже «Основания» требуют этого. Трактат закрепил это требование, обязав Ираклия способствовать «попечению (ея императорского величества—Л. А.) о соблюдении дружбы между народами единого происхождения и Закона» и признать русскую императрицу арбитром «в делах их взаимных с... царем Соломоном ныне и впредь..., подвергая распри и недоразумения между двумя владетелями, паче всякого чаяния происходящая, ея верховному решению» (артикул сепаратный первый). Совершенно прав проф. Я. Цинцадзе, указывающий на тот факт, что «начиная с XV века до конца XVIII не было ни одного случая, чтобы Турция или Иран думали об объединении сил Грузии. Напротив, они мечтали и делали все, чтобы натравить друг на друга, противопоставить друг другу отдельные части, развернуть междоусобицу, и тем самым облегчить установление своего господства»³⁵³. Россия же, стараясь встать обеими ногами в Закавказье, шла на это, что объективно играло весьма прогрессивную роль.

Что же получала Грузия (Картл-Кахети) взамен на ограничение своего суверенитета?

Прежде всего императрица от своего имени и имени своих преемников обещала:

а) «Народы тех царств почитать пребывающими в тесном союзе и совершенном согласии с империею..., чего ради мир с Портою Оттоманскою, или Персиею, или иною державою и областью заключенный, должен распространяться и на сии покровительствуемые ее величеством народы»;

б) «Сохранять безпременно на царстве Карталинском и Кахетинском царя Ираклия и его потомков»;

в) Гарантировать внутреннюю автономию (арт. 6);

³⁵² Мы согласны с проф. Я. Цинцадзе в том, что эти реформы должны были, по замыслу Ираклия, подчинить грузинскую церковь государству на манер реформы Петра I (см. Я. Цинцадзе, цит. соч., стр. 124—125). Впоследствии Ираклию пришлось отказаться от этого замысла, ибо грузинская церковь была одной из древнейших (337 г., по Р. Х.), пользующаяся с 542 г. (утверждено VI Вселенским собором) автокефалией, и представляла значительную силу в общественной жизни страны.

³⁵³ Я. Цинцадзе, цит. соч., стр. 105—111. Автор приводит ряд фактов, подтверждающих решимость России положить конец междоусобице в Грузии и создать сильный союз государств по ту сторону Кавказа.

г) «Для охраны владений (Картл-Кахетских)... от всякого прикосновения со стороны соседей и для подкрепления войск... царя на оборону ея (императорское величество—Л. А.)—обещает содержать в областях два полные баталиона пехоты с четырьмя пушками» (арт. сепаратный второй);

д) Обещалось «в случае войны употребить всевозможное старание пособием оружия, а в случае мира, настоянием о возвращении земель и мест, издавна к царству Карталинскому и Кахетинскому принадлежащих, как так и останутся во владении царей тамошних, на основании трактата о покровительстве и верховной власти... императоров над ними заключенного» (арт. сепаратный четвертый);

е) Царь Ираклий заверялся «в ручательстве на сохранение целости настоящих владений (царя Картл-Кахети—Л. А.)... Предполагая распространить таковое ручательство и на такие владения, кои в течение времени по обстоятельствам приобретены и прочным образом за ним утверждены будут» (арт. 3);

ж) Князья и дворяне грузинские «во Всероссийской империи» получали все те «преимущества и выгоды, кои российским благородным присвоены» (арт. 9)³⁵⁴;

з) «Все уроженцы карталинские и кахетинские» могли «в России селиться, выезжать, паки возвращаться безвозбранно» (арт. 10).

Как видим, основное требование Ираклия — гарантировать царский престол за Багратиони, способствовать возвращению «исконных грузинских земель», в отношениях с Турцией и Ираном представлять интересы Картл-Кахети, заботясь о гарантии её безопасности — были приняты русским двором. Вообще обязательства, принятые на себя русским монархом, довольно обширны и при условии их выполнения могли играть для Грузии огромное значение. Ради этого стоило пойти и на уступки, которые сделал Ираклий в отношении России, и царь был совершенно прав, когда, не задумываясь, принял за основу присланный ему проект трактата.

Содержал трактат и обязательства, обоюдно равные для обеих сторон.

а) Обе стороны обязывались считать неприятелей одной стороны «за своих неприятелей» (арт. 6);

б) Пленные — подданные сторон «оружием или переговорами, у турок, и персиян, или других народов освобожденные, да отпустятся восвояси по их желаниям, возвращая только издержки на их выкупе и вывоз» (арт. 10);

в) Купечество Картл-Кахети получило право пользоваться национальным режимом в России, ибо приравнивалось «в правах и преимуществах» к «прирожденным российским подданным», режим же русских купцов должен был быть регламентирован отдельно, путем соглашения с пограничным начальником или министром «о всемерном облегчении купечества российского в торге в областях его, или в проезде их для торгу в другие места». Вступление в силу положений, касающихся грузинских купцов, было поставлено в зависимость от урегулирования ре-

³⁵⁴ Еще 18 июня 1783 г. Ираклий послал в Петербург списки князей и дворян. См. у П. Буткова. Материалы..., т. II, стр. 125—127.

жима русских купцов. Вряд ли предполагалось установить режим капитуляций в Картл-Кахети, просто предполагалось уточнить и конкретизировать права купцов в Грузии и максимально облегчить русским купцам торг в Закавказье, где все еще сильны всевозможные ограничительные рамки и чересполосица в пошлинной политике.

г) И, наконец, согласно «артикулу пятому», стороны пришли к необходимости обмениваться министрами-резидентами, аккредитуемыми при дворах, причем грузинский министр «при дворе (ея императорского величества—Л. А.)... принимаем будет наряду с прочими владетельных князей министрами равного ему характера».

Именно это положение трактата поднимается на щит некоторыми сторонниками тезиса о том, что «Картл-Кахети сохраняет за собой право активного и пассивного посольства в отношении России и, следовательно, остается суверенным субъектом международного права». Между тем подобный вывод — плод поверхностного отношения к делу, результат догматического анализа статьи пятой. Прежде всего трактат 1783 г., совершенно очевидно, не ликвидирует, а лишь ограничивает право посольства протее в отношении других стран, требуя согласовывать каждый шаг в этой области (см. ст. 4). Именно в этом суть ограничения суверенитета Картл-Кахети. Что же касается взаимоотношений протектора и протее, то тут необходимо более детально ознакомиться с положением дел.

В конце XVIII века в Европейском международном праве сложился обычай наделять посылаемых с постоянной миссией дипломатов рангами. Таковыми были Посол, Посланник, Резидент³⁵⁵. «Резидент—по Ваттелю—представляет государя не в отношении его достоинства, а лишь по делам, о которых должны вестись переговоры», он «представитель третьего ранга, которому... присвоены общепризнанным обычаем почести меньшей степени».

Резидент стоял на самой низкой ступени официальных дипломатических представителей, «не обладающих особо представительным характером».

Под министром (публичным) в то время понималась «собственно всякая особа, отправляемая Государем в чужие края по политическим делам... и которые, имея верующую грамоту, или полномочие, пользуются преимуществами, присвоенными публичному характеру правом народным»³⁵⁶.

Как правило, «некоторые правительства никогда не соглашались признавать своего подданного в звании публичного министра», их именovali просто «депутатами», «представителями»³⁵⁷. Но были и исключения. Так, по Кучук-Кайнарджийскому договору (ст. 16) Россия добилась для Молдавии и Валахии права иметь в Константинополе «под охраной международного права своих поверенных»³⁵⁸. Но в то же время

³⁵⁵ Эмер де Ваттель, Право народов... Кн. IV, глава VI, § 73.

³⁵⁶ См. Барон К. Мартенс, Дипломатия или руководство к познанию внешних государственных сношений (перевод С. Доброклонского). Москва, 1828 г., стр. 17—18.

³⁵⁷ Там же, стр. 21.

³⁵⁸ Е. Дружинина: Кучук-Кайнарджийский мир, М., 1955 г., Приложение 3.

международное право XVIII в. признавало активное и пассивное право посольства в отношении других стран за зависимыми, подчиненными государствами, если договор оставлял за ними эту прерогативу³⁵⁹.

В то время, как послы имели право на публичные и частные аудиенции, представители второго и третьего класса в основном допускались лишь к частным аудиенциям, причем церемониал их приема не был строго нормирован и изменялся «не только в каждом Государстве, но и при каждом отношении двора»³⁶⁰.

Следует отметить, что в конце XVIII в. при европейских дворах окончательно утвердилась более скромная встреча иностранных послов, которые, как частные лица, тихо, скромно проезжают города и очень редко имеют торжественный въезд в столицу³⁶¹. От пышных встреч на всем пути следования не остается и следа, дипломатический протокол принимает деловую форму, избегая излишней помпезности.

Министры-резиденты, которыми решили обменяться стороны по Георгиевскому трактату, обладали весьма своеобразным статусом. С одной стороны, Россия строго следит за поведением своего резидента³⁶², предписывая ему, чтобы он «не воспринимал на себя долга быть наставником царским, и не писать бы предложить, когда должно ему доложить; долг звания его не простирается далее услуг царю и весьма почтительных представлений»³⁶³. Однако само положение резидента было весьма любопытным — он являлся командиром тех двух батальонов, ввод которых был предусмотрен секретными статьями трактата. Совершенно очевидно, что говорить о чисто дипломатическом представительном характере российского министра-резидента не приходится, это скорее именно «комиссионер», т. е. «доверенное лицо» русского двора, несущее военно-дипломатические функции. Между суверенами дипломатическая миссия такого характера нести не могла.

Характерен статус грузинского резидента в Петербурге. Так, «высочайше опробованный» 18.IX.1784 г. «обряд, по которому допущен быть долженствует над аудиенцию к Ея Императорскому Величеству и к их Императорским Высочествам, прибывший Карталинского Царя министр

³⁵⁹ Э. де Ваттель, цит. соч., кн. IV, гл. V, § 58.

³⁶⁰ К. Мартенс, цит. соч., стр. 89.

³⁶¹ См. у Мартенса, цит. соч., стр. 104—105.

³⁶² Первым министром-резидентом России был назначен полковник С. Д. Бурнашев. Характерно, что назначен он был еще в мае 1783 г. (когда вопрос о взятии Карта-Кахети под покровительство был уже решен) в звании «комиссионера» при царях Ираклии и Соломоне, в задачу которого входило кроме сбора военно-стратегической информации (составление карт Грузии, реестра нужных оборонительных сооружений, сбор сведений о политическом состоянии царств), но и с чисто дипломатической (установить контакт с обоими царями, служить доверительным лицом Русского правительства при дворах Ираклии и Соломона). См. Ордера князя Г. А. Потемкина от 3 апреля и 16 июня 1783 г. С. Н. Бурнашев. Новые материалы для жизнеописания и деятельности С. Д. Бурнашева, бывшего в Грузии с 1783 г. по 1787 г. СПб, 1901 г., стр. 1—3.

³⁶³ П. Бутков, Материалы..., т. II, стр. 122.

его... князь Чавчавадзе»³⁶⁴; предусматривал церемониал, аналогичный другим министрам, но содержал ряд исключений.

а) Министр «от коленопреклонения увольняется, так как то делается и с прочими депутатами провинций, скиптру Российскому подвластных» (разрядка наша—Л. А.)³⁶⁵.

б) На аудиенции у Императорских Высочеств министр в отличие от своих коллег должен был «по примеру прочих Российских (разрядка наша—Л. А.) целовать руку Его Высочества».

в) При выходах Ея Величества он должен подходить к руке «не вместе с другими министрами, но в кавалергардской комнате, у дверей, где обыкновенно Российских представляют; но, впрочем, в случае приглашения министров ко Двору и он той же почести удостоен быть долженствует».

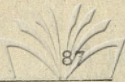
Таким образом, в дипломатическом протоколе чувствуется своеобразие статуса грузинского резидента — с одной стороны, он представитель суверена, ибо министров могли присылать ко двору лишь суверены, но, с другой стороны, он — и «Российский», зависим, подчинен. Для дипломатической практики России подобное явление было новым, и она по своему интерпретировала его, облакая в весьма своеобразную форму. Так или иначе, здесь, как в зеркале, виден взгляд России на статус Картл-Кахети по трактату 1783 г.—это государство, подчиненное русскому скиптру по собственной воле, но сохраняет качество субъекта международного права, с ограниченным правом активного и пассивного посольства. Налицо типичный для своего времени договор о неравноправном союзе, носящий покровительственный характер и зиждящийся лишь на некотором ограничении суверенитета протееже. Иначе, говоря словами Ваттеля, место имел договор подчинения. Насколько русский двор скрупулезно придерживался понятий и терминов «европейского международного права», видно хотя бы из указа Екатерины II князю Г. А. Потемкину при принятии под российское покровительство Шущинского хана Ибрагима: «Кажется, можно взять за руководство то, что сделано с царем Ираклием... заключить с ним договор о подчинении (разрядка наша—Л. А.) его российскому императорскому престолу...»³⁶⁶.

Таким образом, очевидно, что Грузия (Картл-Кахети) по договору 1783 года вступает в число стран, подвластных Российской империи, но власть эта строго обусловлена договором, который, хотя и заключен «на вечные времена, но ежели что либо усмотрено будет нужным переменить или прибавить для взаимной пользы, оное да возимет место по обо-стороннему согласению» («артикул второй на десять»). Условность верховенства России и ограниченность его, как видим, совершенно точно определены договором. Но очевидно и другое. Грузия (Картл-Кахети) по договору 1783 года перестает быть полностью суверенным государством и превращается в подчиненное, ограниченно суверенное, ибо в области внешней политики осуществление прерогатив вер-

³⁶⁴ Грамоты..., т. II, вып. 2, стр. 47—51.

³⁶⁵ Это исключение было сделано по указанию самой императрицы.

³⁶⁶ Сборник Русского Императорского Исторического Общества, т. 27, стр. 256.

ховной власти поставлено в зависимость от воли протектора.

Авторы, пытающиеся при характеристике Георгиевского трактата оперировать понятиями и терминами эпохи капитализма и империализма, не могут не впасть в ошибку, ибо имеют дело с явлением эпохи абсолютизма (т. е. переходного периода от феодализма к капитализму). Вот почему то, что З. Авалов кажется несовместимым (протекторат и вассалитет), в грузино-русском трактате выглядит вполне естественным, ибо стороны прекрасно понимали характер содержания и формы устанавливаемого правоотношения. «Легче» пришлось бы и Н. Коркунову, считавшему, что активная военная помощь протее несовместима с протекторатом, а типична лишь для вассалитета, хотя он тут же оценивает трактат 1783 г., как... протекторат³⁶⁷. Термины «покровительственный союз», «союз и покровительство» (И. Джавахишвили, Н. Бердзенишвили, Я. Цинцадзе) не противоречат действительности, но и не отражают юридической особи договора и отдают духом догматического подхода к делу. Да, это «союз»! Да, это «дружественный договор»! Это и «покровительственный трактат»! Но с точки зрения эпохи все эти термины абсолютно совместимы с подчинением одного государства другому.

Малоудачно и определение «протекторат в форме вассалитета» (О. Ниппольд); оно противоречиво, ибо содержит два понятия, каждое из которых требует уяснения их смысла применительно к конкретной исторической обстановке.

Главное, что роднит все существующие ныне определения Георгиевского трактата 1783 года, это отказ от дачи такой оценки, которая бы сразу же осветила юридическую особь договора, характер устанавливаемого правоотношения между Грузией и Россией. С этой же целью необходимо было определить: а) тип договора, с точки зрения той эпохи, когда он заключался, б) дать краткую характеристику статуса, им устанавливаемого, с позиций сегодняшнего дня. Без этих двух требований любая характеристика юридической природы явлений, возникающих на почве другой эпохи, будет стилизацией, недопустимой в науке.

Георгиевский трактат от 24 июля 1783 года относится к типу договоров подчинения, по которому Грузия (Картл-Кахети) в поисках покровительства условно отказывается в пользу России от некоторых прерогатив верховной власти в области внешнеполитической, что не исключало, однако, а предполагало в то же время активные военные услуги со стороны протее. И, несмотря на то, что по форме статус Грузии был облачен в атрибуты вассалитета, он представлял собой типичное для XVIII века «покровительство» — неравноправный союз, устанавливающий отношения зависимости (субординации, подчинения), лишь ограничивая (но не ликвидируя) правосубъектность протее.

За все время существования грузино-русских международно-правовых связей в 1783 году обеими сторонами впервые был сделан шаг к более тесному сближению, основанному на ограничении суверенных прав

³⁶⁷ З. Авалов, Присоединение Грузии к России, СПб, 1906, стр. 145.

протеже. Если же с 1587 года по 1783 год Грузия (Картли, Кахети) заключала с Россией договоры о покровительстве, сохраняющие за первой суверенитет как вовне, так и внутри, то Георгиевский трактат знаменовал начало новой эры — «подчинение» Грузии России.

Таким образом, вопреки бытующему в нашей науке мнению о том, что в отличие от предыдущих договоров, превращавших Грузию (Картли, Кахети) «в подданное», «вассальное» государство, трактат 1783 года ограничивается «союзническими обязательствами»³⁶⁸, мы утверждаем, что именно акт 1783 года превращал Грузию (Картл-Кахети) в вассальное³⁶⁹ по форме статуса государство, налагая на нее обязательства, которых ранее не содержал ни один русско-грузинский договор о покровительстве. Это был совершенно закономерный процесс: с одной стороны, рост могущества русского государства, неуклонно приближающегося к Кавказу, с другой — ослабление, дальнейший упадок общественного и политического строя в Грузии не могли не изменить формы международно-правовых связей России и Грузии; если раньше в ответ на желание Грузии получить покровительство России путем тесного союза, вплоть до вассальных по форме, Россия (Московское государство) не считала возможным пойти на это, учитывая дальность Закавказья, отношения с Ираном и Турцией, а главное, будучи связанной на западе и юге (Черное море), то, удивившись на Северном Кавказе (логическое следствие успехов на западе и юге), Россия идет навстречу желанию Грузии и даже сама ищет форм, укрепляющих связи с Грузией, которой предназначено быть оплотом русского проникновения в Закавказье и дальше на Средний Восток, играющими большую роль в торговой политике России. В соответствии с этим процессом находится и юридическая терминология международных актов. Если в XVI—XVIII вв. статус Грузии (Кахети в 1587—1605 гг., Картл-Кахети в 1639—1652 гг.) квалифицируется как пребывание «во обороне», то в 1783 году он заменяется «верховой властью и покровительством». Поскольку в XVI—XVIII вв. русская дипломатия не выработала еще четкого терминологического различия между «чисто покровительственными отношениями» и «подчинением», все сводя к «подданству», а со времен Петра I довольно скрупулезно соблюдается это различие, то механическое сравнение терминов разных эпох являет собой грубую ошибку и ни в коей мере не может поколебать нашего вывода.

³⁶⁸ См. Я. Цинцадзе, цит. соч., стр. 128—129 (ср. ი. ჯავახიშვილი, ქართველი ერის ისტორია, 1948, ტ. IV, стр. 314; его же, რუსეთ-საქართველოს ურთიგობობა მე-XVIII საუკუნეში, 1919, ფბ., стр. 76—79); Очерки истории СССР. Период феодализма, М., 1954 г.; конец XV — нач. XVII вв., стр. 844; М., 1956, вторая половина XVIII в., стр. 731.

³⁶⁹ К сведению авторов, отрицающих факт превращения Грузии в вассала России и ссылающихся на «Основания...»; сама Екатерина II не скрывала, что статус царя Ираклия идентичен вассалитету и требовала от командующего Кавказской линии «подкрепить Ираклия, яко вассала российского...» (см. П. Бутков, Материалы..., т. II, стр. 344).

Итак, повторяем, Георгиевский трактат 1783 года является основным для своего времени «покровительством», основанным на подчинении Грузии России, что являлось новым шагом в грузино-русских отношениях, направленным на установление большей зависимости протее от протектора.

Одновременно этот акт является прообразом «протекторатов», вошедших в практику европейских держав в XIX—XX вв. и основанных лишь на подчинении, ограничении и даже ликвидации внешнеполитической дееспособности протее. Но если протектораты эпохи нового времени — или объекты договоров великих держав (Краков, Ионические острова — 1815 г.) или же стороны навязанного силой договора о «международном попечительстве» (Тунис — 1881, Марокко — 1912 г.; мы не говорим уже о «колониальных протекторатах» — Оман, Занзибар и др.), то Георгиевский трактат 1783 года — пример протектората, основанного на свободном волеизъявлении протее и исходящего из принципов, сформулированных самим протеежируемым государством.

Акт этот был взаимовыгодным, ибо соответствовал осуществлению задач, поставленных правящими кругами сторон, преследовавшими свои, классовые цели: для Российской империи договор 1783 года был крупнейшей дипломатической победой, ибо давал возможность «ступить за Кавказ» и, опираясь на Каргл-Кахети, утвердить в Закавказье прочное влияние империи. Именно так оценили Европа и Ближневосточные страны, особенно Турция, этот акт, вызвавший с их стороны активное противодействие.

Касаясь откликов Запада на акт 1783 года, Екатерина II писала князю Потемкину: «На зависть Европы я весьма спокойно смотрю — пусть балагурят, а мы дело делаем»³⁷⁰.

В этой связи не вызывает удивления тот факт, что Георгиевскому трактату 1783 года и связанным с ним событиям труды по истории дипломатии³⁷¹ совершенно не уделяют внимания. Между тем Георгиевский трактат представляет огромный интерес именно для истории русской дипломатии.

О задачах, стоящих перед Ираклием II, мы говорили выше. Здесь нам хотелось бы заострить внимание лишь на одном весьма важном обстоятельстве, выпадающем из поля зрения нашей историографии, не говоря уже о дореволюционной и зарубежной. Дело в том, что Ираклий II, как и все его предшественники, ища покровительства России, исходил из своих классовых интересов. Как уже указывалось, задачи централизации, защиты страны (и прежде всего основ классового гос-

³⁷⁰ Собственноручное письмо Имп. Екатерины кн. Г. Потемкину, Августа 18 ч. 1783 г. из Царского села, Сб. РИО, т. 27, СПб, 1880, стр. 276.

Насколько «дела» эти были успешны впоследствии и как Россия выполняла взятые на себя обязательства — вопрос, тесно связанный с присоединением Каргл-Кахети к России, что выходит за рамки данной части нашего труда.

³⁷¹ См. напр. Историю дипломатии, изд. 2, М., 1959, стр. 335—372.

подства) от иноземных захватчиков обуславливают «прогрессивность» грузинских царей, многие века тщетно пытавшихся стать «порядком в беспорядке». В России они видят прежде всего единоверную державу, следовательно, экономической основе господства правящих кругов Картл-Кахети как будто ничего не угрожало³⁷². Что же касается народа, его тяготы мало трогали правящие круги Грузии, готовых, как мы видели, ради осуществления своих целей, обложить свой народ тяжелым «русским налогом»: как денежным, так и рекрутским. Георгиевский трактат, таким образом, был сделкой двух господствующих классов, каждый из которых ставил перед собой четко очерченные классовые цели. Являлся он лишь *modus vivendi*: рано или поздно, при соответствующей конъюнктуре, Россия попыталась бы усилить свое господство, а Картл-Кахети — обрести полную независимость, выйдя из-под покровительства России сильной и окрепшей.

Не вина грузинских политиков, что они не видели другой стороны — усиление могущества России было закономерным процессом ее внутреннего развития, а именно успеха процесса централизации, доведенного в конце XVIII в. до одной из высших точек, что в свою очередь рано или поздно должно было положить конец любой, даже эфемерной зависимости малых государств, в том числе и Грузии. Требовать же от русских политиков особой щепетильности в отношении Грузии смешно, ибо в эпоху феодализма абсолютизм и альтруизм в политике несовместимы.

Да, грузино-русское сближение в рассматриваемой конкретно-исторической обстановке объективно знаменовало приближение часа окончательного поглощения протектором протеза, ибо в эпоху абсолютизма лишь те малые народы могли рассчитывать на возвращение независимости, которые были объектом борьбы, противоречий великих держав. России же в конце XVIII века уже никто не мог помешать утвердиться в Закавказье, русско-иранские и русско-турецкие противоречия уже все слабее влияли на интересы России в Закавказье, готовящейся к окончательному утверждению в этом районе. Наличие единоверной Грузии во многом облегчало осуществление внешнеполитической задачи России. Но поскольку речь зашла о подчинении (причем сами грузины согласны были на еще более тесные узы, чем были зафиксированы в трактате 1783 года), то несомненно, что участь Грузии в рамках сферы господства России была предрешена.

И действительно, начало XIX века ознаменовалось нарушением Георгиевского трактата со стороны России, вставшей на путь произволь-

³⁷² Вот почему на этом этапе в прорусской ориентации, как, впрочем, и во многих вопросах, трудящиеся массы, торговцы, мелкие дворяне поддерживали царей Грузии, ибо своевластные феодалов, опиравшихся на Иран и Турцию, междоусобицы, вечные «кровопускания» агрессоров диктовали необходимость срочно найти выход из создавшегося положения. Единоверная Россия, никогда не поднимавшая оружия против Грузии, представлялась грузинскому народу естественным покровителем и даже властителем, ибо именно они — крестьяне, ремесленники, торговцы — основные жертвы самоуправления феодалов и иноземного гнета, мечтавшие о силе, способной установить стабильную, мирную жизнь в Грузии.

ной инкорпорации Картл-Кахети. Но вопрос этот требует особой разра-
 ботки в свете международного права, и поэтому ему будет посвящено
 специальное исследование.

Таким образом, несмотря на то, что Картл-Кахети, обретшая после
 многих лет иноземного господства фактическую независимость, вновь, но
 на этот раз уже исходя из своих собственных интересов, теряет таковую
 по Георгиевскому трактату, акт этот объективно был прогрессивным
 явлением, ибо он тесно связывал Восточную Грузию со страной, эконо-
 мический и политический строй которой были на более высоком уровне,
 чем в Иране и Турции, и был призван положить конец физическому уни-
 чтожению грузин.

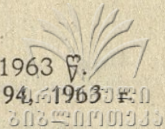
«В создавшейся обстановке это был лучший вы-
 ход, ибо только он мог повести страну по пути про-
 гресса к новой жизни»³⁷³.

Кафедра государственного права

(Поступило в редакцию 20.II.1963 г.)

_____

³⁷³ ნ ბერძენი შვილი, საქართველოს რუსეთთან შეერთების ისტორიული მნი-
 შვნელობისათვის, „მნათობი“, თბ., 1954, № 6, სტრ. 138-139.

СУМБАДЗЕ Н.

ОБ ОБРАЗОВАНИИ СОВЕТСКОГО СУДА В ГРУЗИИ

Вопросу суда, его роли и значению в обществе уделялось большое внимание на всем протяжении существования классового общества.

Доклассовому обществу неизвестны были государство, право, суд. Ф. Энгельс в труде «Происхождение семьи, частной собственности и государства» говорит «...Какая чудесная организация этот родовой строй... без солдат, жандармов и полицейских... судей, без тюрем»¹.

С появлением классового общества, ввиду непримиримости классовых противоречий, вместе с государством появляется право и суд. Известно, что суд использовался господствующими классами для упрочения устоев своей власти и борьбы с враждебными, подчиненными им эксплуатируемыми классами. В. И. Ленин назвал суд слепым и тонким орудием беспощадного подавления эксплуатируемых, отстаивающим интересы денежного мешка².

Классовая природа суда особенно раскрывается при изучении его места и значения в системе органов государственной власти. В этой системе орудий государственной власти, в условиях эксплуататорских государств, суду, карательным органам, как известно, принадлежит основное место, что дает возможность осуществлять внутреннюю функцию государства — держать в узде, подавлять эксплуатируемое большинство. Понятно поэтому, что суд является могучим средством укрепления в той или иной стране общественного и государственного строя, общественных и политических отношений, отражающих интересы господствующего в данном обществе класса.

Суд всегда являлся частью государственного аппарата. Сменялись эпохи, сходили с исторической сцены одни господствующие классы, на смену им приходили другие, изменялись общественные и государственные системы, но суд в каждом типе государства защищал интересы нового господствующего класса, приспособлялся к новому общественному строю.

В. И. Ленин отмечал, что «...суд есть государственное учреждение, деятельность суда есть одна из частей государственной деятельности»³. Поэтому вопросам организации, работы суда в каждом государстве уделяется исключительное внимание.

¹ Ф. Энгельс, «Происхождение семьи, частной собственности и государства», Изд. 1949 г., стр. 99.

² В. И. Ленин, Соч., т. 26, стр. 421.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 2, стр. 563.

В эпоху империализма суд, особенно в колониях, становится более реакционным, на это указывает В. И. Ленин в ряде своих работ, в частности в статье «Культурные европейцы и дикие азиаты» приводит пример циничного издевательства, при помощи суда, английских колонизаторов над индусским населением.

В царской России судьи, осуществлявшие колонизаторскую политику, проводили беспощадную борьбу с революционно-освободительным движением. Роль суда в царских колониях определялась тем, что сама царская Россия была очагом всякого рода гнета — и капиталистического, и колониального, и военного, — взятого в его наиболее бесчеловечной и варварской форме. В России всесилие капитала сливалось с деспотизмом царизма, агрессивностью русского национализма в отношении нерусских народов. Это полностью относилось и к Грузии.

* * *

Великая Октябрьская социалистическая революция, уничтожившая эксплуатацию человека человеком и на развалинах капиталистического строя создавшая социалистическую систему хозяйства и социалистическую собственность на орудия и средства производства, освободила от угнетения и грузинский трудящийся народ.

Благодаря Октябрьской социалистической революции увенчалась победой длительная борьба грузинского народа против царского самодержавия. Многочисленными крестьянскими восстаниями в Горийском, Ахалкалакском, Борчалинском, Лечхумском уездах, стачечным движением рабочих, открытыми вооруженными выступлениями в Мегрелии, Абхазии, Юго-Осетии грузинский народ стремился свергнуть иго временщиков — меньшевистских «правителей», временно захвативших власть в Грузии и, вкуче с иностранными интервентами, пытавшихся превратить ее в типичную колонию западноевропейских капиталистов.

По указанию В. И. Ленина, удовлетворившего просьбу Коммунистической партии и трудящихся Грузии, на помощь грузинскому народу в его борьбе с меньшевиками пришла XI Красная Армия под руководством С. Орджоникидзе и С. М. Кирова. В результате совместных усилий 25 февраля 1921 года в Грузии победила социалистическая революция.

Борьбу за победу социалистической революции в Грузии возглавлял Революционный Комитет Грузии (Ревком), созданный по почину трудящихся масс под руководством Коммунистической партии Грузии с учетом опыта организации и деятельности ревкомов РСФСР и других братских республик.

В ходе революции Революционный Комитет Грузии, действуя как орган революционного восстания, после победы социалистической революции, взял на себя всю полноту государственной власти в республике и вплоть до созыва Съезда Советов осуществлял переустройство страны на новый социалистический лад¹.

В огромной созидательной работе, которая проведена Советской властью в Грузии, и в частности Ревкомом, наряду со строительством

¹ Н. Сумбадзе, К вопросу о Ревкомах Грузии, Труды ТГУ, 1959 г., т. 79, стр. 67—84 (на груз. языке).

и развитием экономики и культуры, не последнее место занимает создание советского суда.

В стране вытравлялись остатки контрреволюционных элементов, пытавшихся воспрепятствовать победоносному шествию новой социалистической культуры и социалистических отношений. Воспитывалось новое отношение к труду, к семье, социалистической собственности. В этом деле не малая роль принадлежит советскому суду в Грузии.

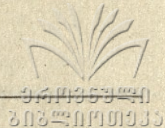
Этим определяется интерес, который представляет собой вопрос о создании советского суда в Грузии. Этот вопрос заслуживает внимания особенно потому, что процесс социалистического переустройства областей бывшей царской России был бы немыслим без широкой организации местной школы, администрации, органов власти, суда и др. с составом людей, знающих быт и язык населения.

Дореволюционный царский чиновничий суд в Грузии сознательно противопоставлял себя местному населению. Ведение судопроизводства осуществлялось исключительно на русском языке, комплектование состава судей проводилось преимущественно из числа лиц, не принадлежащих к местным национальностям, отказ от введения суда присяжных в Закавказье и целый ряд других мероприятий подобного рода не только не учитывал национальных особенностей грузинского населения, а наоборот — всячески стремился изживать эти особенности, путем широко проводимой политики обрусения.

Откровенно указывала на эту цель объяснительная записка к Закавказским учреждениям судебных установлений: «В записке товарища председателя Тифлисского окружного суда Савицкого» сообщалось: — «указано на необходимость предоставить каждому туземцу, не знакомому с государственным языком, право обращаться к ближайшему штатному переводчику и требовать бесплатно изустного перевода всех полученных туземцем из судебных установлений бумаг, как-то: копий обвинительных актов и т. п., но узаконять такой порядок и делать его обязательным едва ли целесообразно, ибо эта мера могла бы только способствовать отдалению времени распространения знания государственного языка туземным населением в Кавказском крае, что было бы не согласно с задачами государственной власти на наших окраинах»¹.

Более того, для царского правительства оказалось неприемлемым даже выдвинутое статс-секретарем бароном Николаи, членом Государственного совета в октябре 1882 г. предложение о преобразовании центрального управления на Кавказе. Он указывал, что для исполнения обязанностей мировых судей в Закавказском крае требуется, независимо от общих условий, которым должны удовлетворять мировые судьи, знакомство с языком, обычаями и предрассудками местных жителей. Вследствие этого он считал желательным не отстранять главноначальствующего на Кавказе от участия в указании лиц, способных к занятию должностей мировых судей, путем предоставления ему весьма скромного права предлагать министру юстиции кандидатов на указанные должности или же путем истребования министром юстиции заключения главно-

¹ Объясн. зап. учр. суд. уст., т. V, ст. 132; Цит. Евангулов; Проект судебной реформы на Кавказе, Сообщение, доложенное 23 декабря 1900 г. в засед. Закавказского юридического общ-ва, Тифлис, 1901 г.

начальствующего при назначении на эти должности. Проект судебной реформы на Кавказе отказался от этого порядка, мотивируя тем, что «с 1883 г. Министерство юстиции постепенно ознакомилось с составом должностных лиц судебного ведомства новых судебных установлений на Кавказе, и министр юстиции, неся на себе ответственность за предоставление к назначению и за назначение должностных лиц Высочайше вверенного ему ведомства, не встречает затруднений в избрании по Кавказскому краю кандидатов для занятия должностей участковых мировых судей и их помощников»¹.

Сложная задача встала перед Революционным Комитетом Грузии, которому предстояло на новых началах выработать основы создания советского суда в Грузии.

Большое значение имел при этом богатый опыт советского судебного строительства в братских советских республиках, прежде всего в РСФСР. Можно сказать, что развитие законодательства в РСФСР в области судостроительства представляло собою ту кузницу, где в огне революционной борьбы выковывались и приобретали законченный вид важнейшие положения советской судебной системы.

Декреты о суде РСФСР №№ 1, 2, 3 имели и имеют всемирно историческое значение. В полном соответствии с учением классиков марксизма-ленинизма о необходимости слома буржуазной государственной машины, эти декреты не только претворили в жизнь упразднение дореволюционной русской судебной системы, но и заложили основы единого советского народного суда.

Не менее важны для создания советского суда последующие законодательные акты РСФСР — положения о народном суде, утвержденные 30 ноября 1918 г. и 21 октября 1920 г., а также положение о революционных трибуналах от 18 марта 1920 г. В них впервые были отражены основные принципы советского процессуального права — активная роль суда при рассмотрении не только уголовных дел, но и гражданско-правовых споров, ведение судебного разбирательства на местных языках, гласность судопроизводства, обеспечение широких прав участникам процесса, проявление подлинного социалистического демократизма.

Ревком Грузии, действуя как орган высшей власти, при издании своих первых декретов о суде, при создании революционного трибунала и народного суда руководствовался названными выше актами процессуального законодательства РСФСР. Вместе с тем, он творчески перерабатывал их с учетом исторических, бытовых и культурных особенностей строительства Советской власти в Грузии.

При этом Ревком Грузии руководствовался указанием В. И. Ленина коммунистам Кавказа: «Не копировать нашей тактики, а самостоятельно продумывать причины ее своеобразия, условия и итоги ее, применять у себя не букву, а дух, смысл, уроки опыта 1917—1921 гг.»².

¹ Цит. Евангулов, Проект судебной реформы на Кавказе. Сообщение, доложенное 23 декабря 1900 г. в заседании Кавказского юридического общества, Тифлис, 1901 г., стр. 6.

² В. И. Ленин. Соч., т. 32, стр. 296.

На следующий же день после установления Советской власти 26 февраля 1921 года Ревком Грузии издал приказ, в котором наряду с другими задачами была поставлена задача соблюдения революционного порядка и революционной законности. Приказ гласил, что «...Революционный комитет Социалистической Советской Республики Грузии, вступив в столицу, берет в свои руки всю полноту государственной власти и приказывает:

1. Борьба против низложенного, но не сдающегося правительства Грузии должна продолжаться с неслабевающей энергией.

2. Всем государственным учреждениям, городским и земским самоуправлениям, городской и земской милиции и вообще всем должностным лицам оставаться на своих местах и продолжать текущую работу.

3. Революционный порядок должен быть поддержан со всей строгостью, саботажники, ослушники и нарушители порядка будут караться по всей строгости законов революционного времени»¹.

Таким образом, с первого же дня установления Советской власти в Грузии была поставлена задача строгого соблюдения революционного порядка и революционной законности.

В соответствии с приказом Ревкома аналогичное распоряжение было издано и по Народному комиссариату юстиции: служащим всех учреждений бывшего министерства юстиции было приказано оставаться на своих местах и продолжать нормальную работу до нового распоряжения. Одновременно был опубликован приказ по Народному комиссариату юстиции, которым с 1 марта 1921 г. создана Комиссия для организации суда на советских началах. Первоначально в состав комиссии входило 9 человек, впоследствии число их было уменьшено до 5. Среди них были Мария Чхеидзе, Мгвдlishvili, Роинишвили² и др. Но до завершения работы комиссии и создания новой судебной системы, задача строгого укрепления революционного порядка и революционной законности требовала немедленного введения в действие чрезвычайных судов, призванных к рассмотрению наиболее важных уголовных дел. Этими судами были сперва Революционный Военный Трибунал XI-й армии, а затем — Революционный Трибунал Грузии.

XI-я армия вступила в Грузию как друг трудового грузинского народа, освободившая его от господства меньшевиков, и с самого начала установила тесный контакт с Революционным Комитетом Грузии, оказывая ему всемерную поддержку.

Основу сотрудничества армии и Ревкома Грузии заложила телеграмма В. И. Ленина, адресованная Революционному Совету XI армии, Реввоенсовету Закавказского фронта.

В телеграмме говорилось: «Ввиду того, что части войск одиннадцатой армии находятся на территории Грузии, Вам предлагается установить полный контакт с Ревкомом Грузии и строго сообразоваться с Директивами Ревкома, не предпринимать никаких мер, могущих затронуть интересы местного населения, без согласования с Грузинским Ревкомом, относиться с особым уважением к суверенным органам Грузии, особое внимание и осторожность проявлять в отношении грузинского населения.

¹ ЦГАОР, стр. 281, д. 11, л. 6. (Списки авторам даны по фондам, описям и делам архивов периода 1947—1949 гг. — Н. С.)

² Газ. «Комунисти» от 6 марта № 5 и № 79 от 8 июня 1921 г.

Дайте немедленно соответствующую директиву всем учреждениям армии... Ленин»¹.

Революционный Военный Трибунал XI армии осуществлял в зоне своих действий борьбу с бандитизмом и прочими наиболее важными нарушениями безопасности и порядка. Так, например, уже 15 марта 1921 года на открытом заседании Трибуналом было рассмотрено дело о вооруженном ограблении; приняв во внимание, что лица из состава шайки были рецидивистами, Трибунал приговорил всех к высшей мере наказания — расстрелу².

Необходимо было установить точные пределы компетенции Революционного Военного Трибунала армии и ограничения ее от подсудности местным судебным учреждениям. С этой целью Революционный Комитет Грузии 25 марта 1921 г. опубликовал декрет «О временном отнесении дел граждан Социалистической Советской Республики Грузии к подсудности Революционного Военного Трибунала XI армии и его дивизионных отделов»³.

Согласно названному декрету к подсудности трибунала были отнесены деяния, представлявшие собою опасность для обороны республики или угрожавшие дезорганизацией и снижением боеспособности армии в районах ее расположения, контрреволюционные деяния военнопленных, совершенные после объявления Ревкомом Грузии амнистии и прочие преступления, выражавшиеся в шпионаже, заговорах и службе в контрразведке, грабеже и бандитизме, а равно и преступления всех служащих железных дорог и милиции.

Одновременно 26 февраля 1921 года приказом Ревкома Грузии была создана Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, шпионажем, спекуляцией, должностными преступлениями и грабежом. Расследованные ею дела передавались на рассмотрение Ревтрибунала.

Основную роль в системе советских судов Грузии рассматриваемого периода играли революционные трибуналы.

Положение об организации революционных трибуналов ССР Грузии было утверждено 3 апреля 1921 года Ревкомом Грузии⁴.

По постановлению Ревкома Грузии Верховный революционный трибунал Социалистической Советской Республики Грузии 3 апреля 1921 г. опубликовал объявление о том, что с указанного числа он приступил к исполнению своих обязанностей. Ревком Грузии при разработке положения руководствовался одноименным положением, изданным Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом 18 марта 1920 г.⁵ и предусматривавшим процессуальный порядок деятельности трибунала. Наряду с этим было, по-видимому, частично использовано Положение о революционных трибуналах РСФСР, изданное 12 апреля 1919 г., и именно последнее легло в основу ст. ст. 1—4 Положения об организации революционных трибуналов ССР Грузии, устанавливавших цели деятельности, порядок организации и состав трибунала. Однако Положение об

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 35, стр. 408, газ. «Правда Грузии», № 13, 17 марта 1921 г.

² Газ. «Коммунисти» от 20 марта 1921 г., № 15.

³ Газ. «Коммунисти» от 25 марта 1921 г., № 19.

⁴ «Моамбе», Народн. Ком. Внутр. Дел ССР Грузии, 1921 г., № 16, стр. 13.

⁵ Сборн. Узак. РСФСР, 1920 г., № 22—23, стр. 115.

организации революционных трибуналов ССР Грузии не воспроизводило слепо источники, которые легли в основу. Сопоставление упоминаемых законодательных актов и их анализ свидетельствует о том, что грузинский законодатель творчески переработал использованные им источники и внес в них ряд изменений, которые в ряде случаев имеют существенное значение.

Обращает на себя внимание ст. 7 Положения об организации революционных трибуналов ССР Грузии, устанавливающая их подсудность.

Если соответствующая ст. 2 Положения о революционных трибуналах РСФСР, утвержденного 18 марта 1920 г., содержала лишь перечень основных категорий дел, подлежащих рассмотрению трибунала, то утвержденное Ревкомом Грузии Положение конкретизировало этот перечень, точно указывая виды подсудных трибуналам преступных деяний, входивших в состав вышеупомянутых категорий дел.

Так, в статье 2 Положения о революционных трибуналах РСФСР были предусмотрены: 1) дела о контрреволюционных деяниях; 2) дела о крупной спекуляции товарами и предметами, взятыми на учет; 3) дела по крупным должностным преступлениям лиц, обвиняемых в хищениях, подлогах, неправильной выдаче нарядов и участии в спекуляции в той или иной форме, равно как и об иных должностных преступлениях, в том числе и взяточничестве; 4) дела о явном дискредитировании власти советскими работниками; 5) дела о дезертирах признанных злостными, и укрывателях дезертиров, поскольку таковые дела Комиссиями по борьбе с дезертирством будут признаны превышающими их компетенцию, а также о пособниках и подстрекателях к дезертирству.

В отличие от этого, ст. 7 Положения об организации революционных трибуналов ССР Грузии относила к компетенции трибуналов следующие дела: а) контрреволюционные деяния: заговор, восстание, террористический акт, погром, шпионаж, государственная измена и все такие деяния, которые угрожают советскому строю Грузии; б) совершение тяжких служебных преступлений: саботаж, взяточничество, вымогательство, служебное мошенничество (подлог), присвоение и растрата народного имущества, превышение и бездействие власти, повлекшие за собой тяжелые последствия; в) спекуляция товарами и предметами, взятыми на учет; г) дезертирство, пособничество ему, подстрекательство и укрывательство, поскольку эти дела не подсудны военному суду.

Очевидно, что формулировка ст. 7 Положения об организации революционных трибуналов ССР Грузии, с точки зрения законодательной техники, является более совершенной. Кроме того, точный перечень категорий и видов подсудных трибуналам преступных деяний исключает возможность расширенного толкования правил о подсудности трибуналов, что соответствует их характеру, как судов исключительных.

Что касается порядка производства дел в ревтрибунале, то утвержденное Ревкомом Грузии Положение, в соответствии с принципами, которые были положены в основу деятельности революционных трибуналов в РСФСР, рассматривало трибуналы, как чрезвычайные суды. В целях ускорения рассмотрения дел в трибуналах и усиления репрессии допускалось в ряде случаев ограничение процессуальных прав сторон.

Так, в Грузинской ССР, так же как и в РСФСР, трибунал, при принятии дела к производству, решал в распорядительном заседании

04.10.50.41

вопрос о том, следовало ли вызвать в судебное заседание свидетелей, допрошенных в стадии предварительного следствия. При разрешении этого вопроса трибунал принимал во внимание только степень ясности дела и необходимость вызова свидетелей для проверки данных ими на предварительном следствии показаний и устранения имеющихся в них неясностей либо противоречивости (ст. 22 Положения о революционных трибуналах ССР Грузии; ст. 14 Положения о революционных трибуналах РСФСР).

Оба положения подчеркивали, что допущение к участию в деле обвинения и защиты не обязательно (соответственно ст. ст. 24 и 17 названного Положения).

Трибунал имел право прекратить допрос свидетелей, если признавал дело и обстоятельства, для проверки которых свидетели вызывались, достаточно выясненными (там же, ст. ст. 27 и 19). При постановлении приговора трибунал руководствовался исключительно оценкой обстоятельств дела и интересами пролетарской революции (ст. ст. 32 и 24).

Утвержденное Ревкомом ССР Грузии Положение о революционных трибуналах отличалось от действовавшего в РСФСР Положения по целому ряду вопросов.

Предусматривая право трибунала прекратить допрос свидетелей при признании дела достаточно выясненным, утвержденное Ревкомом Грузии Положение добавляло к формулировке соответствующей статьи Положения о революционных трибуналах РСФСР следующую оговорку: «если только стороны не требуют отобрания показаний от недопрошенных свидетелей». Стремление к защите прав сторон находит отражение также и в ряде других правил, предусматривавшихся рассматриваемым нами Положением.

Утвержденное Ревкомом ССР Грузии Положение о революционных трибуналах не воспроизводило правил ст. 20 российского Положения, согласно которой трибунал был вправе постановить о недопущении прений сторон после заключения судебного следствия, если признавал дело в достаточной степени выясненным судебным следствием. Из этого можно заключить, что утвержденное Ревкомом ССР Грузии Положение не считало правомерным недопущение прений сторон. Более того, если ст. 23 Положения о революционных трибуналах РСФСР прямо подчеркивала, что «содержание прений сторон в протокол не заносится», то соответствующая статья 35 грузинского Положения, наоборот, — подчеркивала, что в протокол должны заноситься заявления обвинителя, обвиняемого и защитника по их ходатайству об этом.

Необходимо отметить также, что, определяя права трибунала при выборе и назначении меры наказания, Положение, утвержденное Ревкомом ССР Грузии, подчеркивало, что трибунал «ничем не ограничен», но добавляло «в пределах существующих декретов».

Таким образом, Положение о революционных трибуналах ССР Грузии укрепляло процессуальные права сторон и, в частности, обвиняемого. Оно обеспечивало право обвиняемого на защиту, гарантированное в настоящее время Конституцией СССР 1936 г. Вся деятельность трибунала носила подзаконный характер, поскольку его право выбора и назначения наказания осуществлялось «в пределах существующих декретов».

* * *

Параллельно с деятельностью революционных трибуналов шла работа по упразднению действовавших при меньшевистском правительстве Грузии, сохранившихся со времен царского режима, общих судебных органов. Ликвидация старых судебных органов в ССР Грузии была проведена постепенно.

Первый декрет о суде был издан Ревкомом ССР Грузии 22 марта 1921 г. за № 6. Этим декретом были упразднены сенат, судебные палаты, военный суд и следственная комиссия при судебной палате¹. В декрете было указано, что Революционный Комитет Социалистической Советской Республики Грузии, приступив к делу упорядочения судебной части на советских принципах и принимая во внимание, что существовавшие при бывшем правительстве судебные учреждения, как построенные на классовых принципах, не соответствуют требованиям широких трудящихся масс и не обеспечивают быстрого осуществления правосудия, счел необходимым упразднить упомянутые выше судебные учреждения. Установление порядка ликвидации всех вышеперечисленных упраздненных учреждений было возложено на ликвидационную комиссию при Народном комиссариате юстиции².

Менее чем через месяц, а именно 15 апреля 1921 г. Ревком Грузии издал декрет № 20, которым был упразднен институт присяжных поверенных, как не удовлетворяющий своему прямому назначению³.

В ряду основных декретов Ревкома Грузии о суде следует указать декрет № 58 от 26 июля 1921 г. об упразднении окружных судов и их учреждений и мировые судебные установления⁴. Однако этим декретом еще не полностью были упразднены остатки старой судебной системы: декрет оговаривал, что впредь до реорганизации института нотариата действие его не распространяется на младших нотариусов. Декрет о народных нотариусах и старших нотариусах был издан только 27 февраля 1922 г.⁵

Декрет № 58 содержал детальные указания о порядке передачи незаконченных производством судебных дел упраздненных учреждений для дальнейшего производства и решения их в новом порядке судопроизводства.

Так, кассационные жалобы и протесты передавались в Совет народных судей, апелляционные жалобы в народный суд, частные жалобы на определение областного суда и съезда мировых судей — в Совет народных судей, тогда как такие же жалобы на определения и распоряжения других судебных учреждений — в народный суд. Все дела, находившиеся в производстве судов первой инстанции — как уголовные, так и гражданские — подлежали передаче в народный суд. Декрет предусматривал даже порядок исполнения решений, постановленных упраздненными судебными учреждениями: исполнительное производство должно было передаваться народным судьям для дачи направления делу.

¹ ЦГАОРСС, фонд 281, дело № 18, л. 6.

² «Моамбе», Народн. Комис. Внутр. Дел ССР Грузии за 1921 г., № 1, стр. 3.

³ ЦГАРСС, фонд 281, д. 18, л. 21.

⁴ ЦГАОР ГССР, ф. 281, д. 15, л. 6, копия типографская.

⁵ ЦГАОР ГССР, ф. 281, д. 17, л. 3, копия типографская.

Таким образом, по смыслу декрета, судебные дела и споры, рассматривавшиеся в старых судебных учреждениях, не прекращались производством, а подлежали дальнейшему рассмотрению в органах вновь созданной судебной системы по новым правилам судопроизводства.

В соответствии с этим, ст. 5 декрета № 58 от 26 июля 1921 г. предусматривала приостановление с 25 февраля 1921 г. течения сроков по незаконченным делам упраздненных судебных учреждений.

Совершенно очевидно после этого, что общий характер судебной реформы, проведенной Ревкомом ССР Грузии в 1921 году, существенно отличался от того слома старого судебного аппарата, который был осуществлен в РСФСР в ходе Великой Октябрьской социалистической революции в 1917 году.

В РСФСР вся старая судебная система была полностью упразднена первым же декретом о суде от 24 ноября 1917 г. Последующие декреты №№ 2 и 3 предусматривали создание новых судебных органов взамен упраздненных.

В ССР Грузии упразднение старой судебной системы было произведено постепенно, путем последовательного издания трех декретов, из которых каждый касался лишь отдельных звеньев старой судебной системы, а промежуток времени, в течение которого были изданы упомянутые декреты, охватывал период с 22 марта по 26 июля 1921 года, то есть более чем четыре месяца.

Декрет о суде № 1 от 24 ноября 1917 г. не устанавливал по РСФСР порядка передачи незаконченных дел в новые советские судебные органы, упоминал лишь в ст. 1, что о порядке дальнейшего направления и движения незаконченных дел будет издан особый декрет. В отличие от этого декрет о суде № 58 от 26 июля 1921 г., изданный Ревкомом ССР Грузии, детально регламентировал порядок передачи и направления незаконченных дел из старых судебных органов.

Более того, декрет № 78, изданный 9 ноября 1921 г., вносит дополнения и изменения в декреты № 6 от 22 марта 1921 г. и № 58 от 26 мая 1921 года.

В декрете указывалось, что все гражданские дела, а также уголовные, возбужденные в порядке частного обвинения и могущие окончиться примирением, находившиеся в производстве упраздненных судебных учреждений, оставляются без движения впредь до подачи участвующим в деле или их правопреемниками просьб о возобновлении этих дел (ст. 1). Просьбы эти подаются: по делам, находившимся в производстве бывших Тифлисского Окружного суда, Судебной Палаты, Съездов Мировых Судей г. Тифлиса и Тифлисского уезда и Сената — в Отдел судостроительства Народного Комиссариата Юстиции, а по делам, находившимся в производстве бывших Мировых Судей и Съездов Мировых Судей и Окружных Судов остальных местностей республики — в местные Отделы Юстиции. Получив указанную в ст. 1 просьбу, Отдел Судостроительства Народного Комиссариата Юстиции и местные отделы Юстиции направляют такую, вместе с подлинным делом, в Народный Суд или Совет Народных Судей по принадлежности, согласно новым действующим правилам о местной подсудности. Означенные просьбы могут быть приносимы в течение годичного срока с момента опубликования настоящего декрета. Отдел Судостроительства и местные Отделы Юстиции вправе в уважитель-

ных случаях принимать просьбы о разрешении дел и по истечении указанного срока.

Пропуск означенного в ст. 1 этого декрета срока влечет за собою прекращение данного гражданского дела и дела по частному обвинению помимо особого об этом постановлении суда¹.

Таким образом, если, говоря словами Д. И. Курского, «декрет от 24 ноября 1917 г. о суде, упразднивший старые буржуазные суды одним революционным актом, фактически упразднил их, за крайне редкими исключениями, без остатка», то изданные Грузинским Ревкомом декреты предусматривали постепенное построение новой судебной системы.

Декрет о суде № 58, изданный 26 июля 1921 г., вносил коренной перелом в области судоустройства в ССР Грузии. К тому времени, именно 30 июля 1921 г., Ревком Грузии утвердил положение о народном суде Социалистической Советской Республики Грузии. С принятием этого положения окончательно был упразднен старый судебный аппарат, созданы основы организации подлинно советского народного суда и началось практическое осуществление этих основ путем открытия новых народных судов в Грузии.

Поэтому положение о народном суде, утвержденное 30 июля 1921 г., заслуживает внимания. Особого внимания заслуживает это положение и по содержанию своему, вследствие чего необходимо несколько более подробно проанализировать его.

В советской юридической литературе было высказано мнение о том, что положение о народном суде ССР Грузии, утвержденное 30 июля 1921 г., представляет собой почти копию, отражение такого же «положения» о российских судах², что наше положение «не переделано из российского декрета, а в большей части просто переведено с него»³.

Это — неверно. Более подробное сопоставление изданного в ССР Грузии положения о народных судах с соответствующими положениями о народных судах РСФСР, которые были утверждены 30 ноября 1918 г. и 21 октября 1920 г., показывает, что, хотя, несомненно, вторые из них были источником и образцом, положенным в основу первого, хотя во всех основных принципиальных вопросах грузинское положение исходит из российских, но не является их переводом, а дает самостоятельное решение ряда существенных вопросов.

О самостоятельном характере работы над составлением проекта положения, о внимательном продумывании возникавших в этой области вопросов свидетельствует имеющаяся в архивных материалах объяснительная записка к проекту, представленная в Революционный Комитет Грузии за подписью тогдашнего народного комиссара юстиции ССР Грузии тов. С. И. Кавтарадзе⁴.

Особенность положения о народном суде РСФСР, утвержденного 30 ноября 1918 г., состояла в том, что в нем правила производства как

¹ ЦГАОРСС, фонд 281, д. 22, л. 51.

² Л. Сараджишвили, По поводу создания народных судов, «Моамбе», Нар. Ком. Внутр. Дел, 1921 г., № 16, стр. 23.

³ Д. Квирквелия, Юридические заметки, «Моамбе», Нар. Ком. Внутр. Дел, 1922 г., № 32, стр. 22.

⁴ ЦГАОРСС, фонд 281, д. 11, л. 23—26.

уголовных, так и гражданских дел излагались совместно. Такое изложение правил уголовного и гражданского процессов создавало специфический характер всего положения о народном суде, поскольку оно было проникнуто принципом активности суда не только в уголовном, но и в гражданском процессе. Так, например, применительно к обоим процессам положение устанавливало, что «производство дел в народном суде начинается по заявлению граждан, по предложению исполнительных комитетов Советов, должностных лиц и по усмотрению суда» (ст. 53). Однако чисто механическое объединение правил как уголовного, так и гражданского судопроизводства создавало некоторую несогласованность терминологии и затемняло особенности каждой из этих систем судопроизводства. Об этом указывалось и в специальной литературе. «Рамки единого процессуального документа, регламентировавшего деятельность суда одновременно по уголовным и гражданским делам, не могли не повлиять на «специфику» гражданского процесса. Термины и принципы, применяемые к уголовному процессу, оказались искусственно навязанными и гражданскому процессу. Так, согласно ст. 73 «по выслушивании последнего слова» Суд удаляется в совещательную комнату для постановления приговора (по уголовному делу) или решения (по гражданскому делу)»¹.

Указанная здесь отрицательная сторона положения о народном суде, утвержденного 30 ноября 1918 г., отмечена и в объяснительной записке Народного Комиссариата Юстиции ССР Грузии к положению о народном суде Грузии: «в российском декрете», сказано в объяснительной записке, «правила о производстве как уголовных, так и гражданских дел перемешаны так, что иногда трудно понять, что относится к уголовному и что к гражданскому процессу» (ст. ст. 53—82)². Между тем, как правильно указано в объяснительной записке, «уголовные и гражданские дела, подчиняясь некоторым общим правилам производства, в то же время во многом существенно разнятся друг от друга в процессуальном отношении»³. Учитывая, по-видимому, указанные выше обстоятельства, положение о народном суде ССР Грузии, содержа, подобно российскому положению, правила обоих процессов, излагает их отдельно, в разных главах⁴, что является гораздо более последовательным и способствует более подробному регулированию правил обоих процессов.

Так, в системе изложения, принятой в грузинском положении о народном суде 30 июля 1921 г., нашли свое довольно совершенное отражение правила советского социалистического гражданского процесса. В виде примера можно указать, что в грузинское положение о народном суде включено отсутствовавшее в российском положении правило о распределении бремени доказывания между сторонами, согласно которому «истец обязан не позднее первого заседания представить подтверждающие иск доказательства, а ответчик — все свои объяснения и доказательства» (ст. 98).

¹ Б. Борисов, Гражданский процесс за 20 лет революции, «Соц. законность», 1917 г., № 12, стр. 32.

² ЦГАОР Грузии, ф. 281, д. 11, л. 23—26.

³ Там же.

⁴ В 4—5 главах правил уголовного, а в 6—10 главах — гражданского процесса.

Очень большое значение, и притом в практическом отношении, имеет дополнительное включение в грузинское положение статьи, устанавливающей содержание судебного решения: «В решении должны быть указаны: 1) год, месяц и число судебного заседания, 2) состав суда, 3) имя, отчество и фамилия сторон, 4) требования тяжущихся, 5) сущность и основания решения, 6) порядок обжалования (ст. 106). Заслуживает внимания, что положение обязывает указывать в решении основания его.

Положение о народном суде ССР Грузии содержит весьма важное правило. Это правило точно устанавливает пределы действия вступившего в законную силу судебного решения: «Решение распространяется только на спорный предмет и обязательно лишь для участков дела» (ст. 110).

Целая глава (IX) посвящена правилам постановления решения. Следует отметить, что грузинское положение регулирует такие специальные вопросы гражданского процесса, как определение подсудности гражданских вопросов по месту жительства ответчика (ст. 95), порядок истребования письменных доказательств и сторон и последствия их непредставления (ст. 101), обеспечение иска (ст. 103), порядок обжалования действий судебного исполнителя (ст. 109).

Равным образом в части, относящейся к порядку производства уголовных дел в народном суде, положение, утвержденное Ревкомом Грузии 30 июля 1921 г., предусматривает; сверх правил, содержащихся в положении о народном суде РСФСР, также следующее: право сторон на отвод следователя в порядке, установленном для народных судей (ст. 60), право обвинителя задавать вопросы свидетелям и экспертам и давать свое объяснение как по существу всего дела, так и по отдельным следственным действиям, в любой момент судебного следствия (ст. 82), обязанность суда одновременно с постановлением приговора вынести определение о принятии или изменении меры пресечения (ст. 86), а также обязанность суда при объявлении приговора разъяснить порядок его кассационного обжалования (ст. 89).

* * *

Определенный интерес представляет вопрос об организации защиты в народном суде. Как указано в объяснительной записке Наркомюста Грузии, вопрос этот вызвал разногласия как в комиссии по реорганизации суда, так и в коллегии при комиссариате юстиции. Данный вопрос законодательством РСФСР решался следующим образом:

Как известно, декрет о суде № 1 от 24 ноября 1917 г., упразднив дореволюционную адвокатуру и прокуратуру, допустил к защите и обвинению всех неопороченных граждан обоюго пола, пользовавшихся гражданскими правами. В результате защита фактически перешла в руки прежней адвокатуры, которая использовала ее в целях агитации против советского строя и, в первую очередь, против советского суда. Тогда декрет о суде № 2, изданный 7 марта 1918 г., создал при Советах рабочих депутатов коллегии правозащитников, состав которых выбирался Советами; члены коллегии могли выступать в суде и в качестве обвинителей и в качестве защитников, получая вознаграждение от доверителей. Но эта система имела свою отрицательную сторону: гонорар и слишком узкий состав превращали новую организацию в своеобразное подобие упраздненной дореволюционной адвокатуры. Далее, положение

о народном суде РСФСР от 30 ноября 1918 г. создало коллегию защитников, обвинителей и представителей сторон в гражданском процессе, члены коллегии считались должностными лицами, получали заработную плату и не имели права на гонорар от клиентов. Вскоре и эта система была признана неудовлетворительной: роль защитников стала сводиться к консультационной.

Поэтому, положение о народном суде РСФСР от 21 октября 1920 г. превратило защиту в своеобразную трудовую повинность, что давало возможность в целях организации судебной защиты использовать лица, которые прежде специализировались в этой области или имели способности к ней¹.

Перед Народным Комиссариатом Юстиции ССР Грузии встал вопрос — сделать выбор из этих форм при составлении положения о народном суде. Как известно, вопрос вызвал разногласия.

Одни предлагали принять организацию защиты, предусмотренную положением о народном суде РСФСР от 21 октября 1920 г., т. е. систему трудовой повинности, в силу которой суд имел право назначать защитников из числа лиц, «способных исполнять эту обязанность» и находившихся на службе в разных учреждениях, но внести лишь то изменение, чтобы (как указано в объяснительной записке к проекту) в гражданском процессе в качестве представителей тяжущихся допускались, помимо родственников, также и консультанты, состоящие при отделах юстиции, по назначению суда, а равно консультанты и представители не только советских, но и других учреждений, ввиду допущения в Грузии деятельности иностранных банков (Итало-Кавказского, Европейского), Общества «ЧЭМО» и др.

Другие предлагали установить свободное представительство в гражданском процессе, утверждая, что допущение защиты по усмотрению суда будет фактически равносильно упразднению в процессе состязательного начала, что защитник, назначенный судом, не заинтересованный в его исходе, никогда не исполнит удовлетворительно своей задачи изучения и всестороннего освещения обстоятельств дела и что в Грузии, ввиду допущения здесь, в отличие от России, мелкой торговли и промышленности, на почве которых возникает масса споров, следует допустить в гражданском процессе в качестве поверенных лица, приглашенные самими тяжущимися².

Народный Комиссариат Юстиции ССРГ воздержался от принятия самостоятельного решения и оба изложенных выше мнения представил на усмотрение Ревкома³.

Ревком Грузии согласился с первой точкой зрения, приняв предусмотренную в отношении о народном суде РСФСР от 21 октября 1921 г. систему назначения судом защитников в порядке трудовой повинности с тем добавлением, что в качестве представителей сторон при рассмотрении гражданского дела допускаются также избранные и приглашенные самими сторонами лица, из числа имеющих теоретическую или практическую подготовку и числящихся в особом списке, составленном, согласно

¹ Обзор форм организации защиты и их оценку см. в кн. Д. И. Курский, Избранные статьи и речи, 1945 г., ст. 65—67.

² ЦГАОРС Грузии, ф. 28, т. II, л. 23—26.

³ Там же.

инструкции Народного Комиссариата Юстиции, отделами юстиции (ст. 70 положения о народном суде ССРГ от 30 июня 1921 г.).

Таким образом, Ревкомом Грузии было принято компромиссное решение.

В заключение следует отметить, что для рассмотрения кассационных жалоб на решения народных судов, положение, утвержденное Ревкомом Грузии 30 июля 1921 г., предусматривало, по примеру российского положения, создание Совета Народных Судей. Однако в отличие от РСФСР, в Грузии был принят принцип единой кассационной инстанции и образован единый республиканский Совет Народных Судей¹.

Ревком ССР Грузии утвердил положение о народном суде и приступил к организации судов в соответствии с этим положением.

Первый народный суд в Грузии был создан в Агбулахском районе бывш. Тифлисского уезда под руководством отдела юстиции Тбилисского ревкома. Вслед за этим народные суды постепенно организовывались и в других районах ССР Грузии, что продлилось вплоть до ноября 1921 г.²

Организация народных судов и начало их практической деятельности настоятельно требовали создания Совета Народных Судей как кассационной инстанции, где могли находить свое завершение рассмотренные в народных судах дела.

Согласно рассмотренному выше положению о народном суде ССР Грузии, в состав Совета Народных Судей должны были входить: председатель и его заместитель, десять постоянных членов и народные судьи республики, по очереди участвующие в заседаниях Совета; председателя Совета Народных Судей, его заместителя и постоянных членов избирал съезд Народных Судей республики с последующим утверждением выбранных ЦИК-ом Советов Грузии (ст. ст. 112 и 113 положения о народном суде ССР Грузии).

Разумеется, что впредь до полного укомплектования состава народных судей и созыва их съезда не мог быть избран и состав Совета Народных Судей в соответствии с вышеупомянутым положением.

Поэтому Ревком Грузии 26 октября 1921 г. принял декрет № 76 об учреждении временного Совета Народных Судей. Этот Совет был учрежден впредь до организации Совета Народных Судей в порядке, предусмотренном положением о народном суде. Временный Совет Народных Судей был учрежден в составе председателя, его заместителя и четырех постоянных членов. Все они назначались Революционным Комитетом Грузии, по представлению коллегии Народного Комиссариата Юстиции, как из числа народных судей республики, так и из других лиц, удовлетворяющих условиям, необходимым для избрания в народные судьи. С образованием состава постоянного Совета Народных Судей временный Совет Народных Судей подлежал упразднению по приказу народного комиссара юстиции³.

С учреждением временного Совета Народных Судей было завершено создание советской системы народного суда. Для полного оконча-

¹ ЦГАОР ССР Грузии, ф. 281, д. 11, л. 23—26.

² ЦГАОРСС ССР Грузии, ф. 281, д. 18, л. 73.

³ «Моамбе», Народн. Комиссар. Внутр. Дел ССР Грузии, 1921 г., № 19, стр. 1.

ния работы в этой области Ревкому Грузии оставалось издать еще два нормативных акта.

Первым из них был приказ № 88 от 29 октября 1921 г. Этим приказом было объявлено, что на всей территории ССР Грузии, кроме Революционного Военного Трибунала Кавказской Армии и его отделений, могли в то время действовать следующие суды: совет народных судей и народные суды, революционный трибунал и третейские суды¹. Все прочие суды объявлялись упраздненными, а их приговоры и решения — утратившими силу. Лица, виновные в невыполнении этого приказа или в самовольном учреждении суда, подлежали преданию строгой ответственности по законам революционного времени².

В то время в гор. Батуми и на остальной территории Аджарской АССР были предприняты шаги к созданию т. н. местных словесных народных судей в составе кадия и двух выборных членов. Высшей инстанцией для указанных судов должен был быть областной народный суд в составе муфтия и представителей всех районных судей³.

Создание народных словесных судов кадиев и муфтиев в Аджарской АССР представляло собою проявление ленинской национальной политики и исходило из особенностей правового быта местного мусульманского грузинского населения.

Дело в том, что еще в период покорения Россией Кавказа были созданы т. н. «народные или горские словесные суды». Суды эти впервые были образованы в Дагестанской области, но впоследствии, по присоединении Грузии к России, их система, наряду с Карсской областью и Закатальским округом, была распространена на территории бывш. Батумской области⁴.

К компетенции этих народных судов были отнесены как гражданские, так и уголовные дела туземных жителей, если только хотя бы одной из сторон или потерпевшим не был инородец.

Дела рассматривались на основании обычного права — адата, нормы которого вырабатывались путем постановления одинаковых решений по аналогичным делам, а также на основании шариата, т. е. юридических положений, взятых из корана или ближайших его толкований.

Ввиду того, что не существовало особых сборников шариатского права, а положения корана зачастую противоречили друг другу, считалось, что толкователями шариата могут быть лишь кадии, представители духовенства, заключения которых, в случае сомнения, представлялись для санкции шейх-ул-исламу.

Поэтому обязательно было участие кадия в указанных словесных судах⁵.

¹ Последние действовали на основании Положения о третейских судах, утвержденного Ревкомом ССР Грузии от 8 августа 1921 г., см. «Моамбе», Народн. Комиссар. Внутр. Дел ССР Грузии, 1921 г., № 14, стр. 17; ЦГАОР, ф. 281, д. 15, л. 13.

² «Моамбе», 1921 г., № 20, ст. 2.

³ Газ. «Комунисти» от 17 апреля 1921 г., № 38.

⁴ Г. Гвазава, Народные суды, Доклад, читанный в Кавказском юридическом обществе 30 января 1909 г., Тифлис, стр. 12.

⁵ Там же, стр. 12—20.

Введение в Аджарской АССР на том этапе народных судов кадиев и муфтиев было связано с допущением применения в судах шариата.

Советское правительство признало на том этапе шариат таким же правомочным, обычным правом, какое имеется и у других народов, населяющих Россию.

Признание шариата как источника права, необходимое на определенной стадии развития некоторых народов, входивших в состав России, повлекло за собою создание местных национальных судов и в других советских республиках, действовавших в 1921—1925 гг. Так, например, в форме суда аксакалов (советских судей старейшин) в Киргизской ССР или в форме суда кадиев в Туркменской ССР. В Средней Азии суды кадиев были упразднены лишь в 1926 году¹.

В Аджарской АССР существование судов кадиев было значительно более кратковременным. Они не играли сколько-нибудь заметной роли. Быстрый рост советского законодательства, создание прочных основ социалистического хозяйства, коренная перестройка быта широких народных масс повлекли за собою отмирание таких местных национальных судов, и словесные народные суды кадиев и муфтиев в Аджарской АССР просуществовали не долгие конца 1921 года².

Таким образом, был установлен исчерпывающий перечень судов, имевших право действовать на территории ССР Грузии. Необходимо было определить порядок их взаимоотношений для объединения деятельности. Этой задаче служило постановление Ревкома ССР Грузии № 106 от 26 ноября 1921 года. В целях объединения деятельности революционных трибуналов этим актом установлено, что председатель Реввоен трибунала Отдельной Кавказской Армии, по своей должности, входит в состав Верховного революционного трибунала Грузии в качестве члена коллегии последнего; соответственно, один из членов коллегии Верховного революционного трибунала Грузии был введен в состав коллегии Реввоен трибунала Армии. Аналогичное мероприятие было осуществлено в отношении представителя Реввоен трибунала Батумского укрепленного района; с одной стороны, и представителей Революционного трибунала Грузии в г. г. Кутаиси и Батуми — с другой³.

Так было завершено построение первой системы советского суда в Грузии. В дальнейшем она не оставалась неизменной. В 1923 году была проведена судебная реформа, нашедшая свое отражение в изданном тогда положении о судеустройстве. Впоследствии в это положение был внесен ряд изменений. Позже, на основе Конституции 1936 года был принят новый закон о судеустройстве СССР, союзных и автономных республик, положенный в основу ныне действующей советской судебной системы.

Однако фундамент существующей советской судебной системы в Грузии был создан Ревкомом Грузии в 1921 году. Основные ленинские

¹ М. В. Кожевников, История советского суда, 1948 г., стр. 196.

² См. приказ Ревкома Грузии от 29 октября 1921 г. за № 88 об Управлении всех судов, кроме упомянутых в этом приказе, «Моамбе» Народн. Комиссариата Внутр. Дел, 1921 г., № 20, стр. 2.

³ «Моамбе», 1921 г., № 22, стр. 5; ЦГАОРСС, ф. 281, д. 14, л. 103.

принципы советского судостроительства и судопроизводства, самые совершенные и прогрессивные в мире, были записаны в положениях о революционном трибунале и о народном суде, утвержденных 3 апреля и 30 июня 1921 года. Важнейшим из них является принцип создания подлинно народного, национального суда, состоящего из людей, знающих быт и язык населения, вышедших из его рядов и верно ему служащих. В этом политическое и историческое значение советского суда в Грузии.

Ленинские принципы создания и деятельности советского суда, осуществления социалистической законности, заложенные еще в первых актах о суде РСФСР и Грузии, нашли свое дальнейшее и яркое выражение в решениях XXII съезда КПСС, в докладе Н. С. Хрущева на XXII съезде КПСС «О программе Коммунистической партии Советского Союза». В нем указано, что необходимо до конца искоренить такие пережитки прошлого, как бюрократизм, бездушие, формализм и волокита, привлекать не только к общественной, но и к строгой административной, судебной ответственности работников, повинных в бюрократическом отношении к нуждам и запросам трудящихся.

На этом этапе развития советской государственности последовательное осуществление ленинских норм партийной и общественной жизни, социалистической законности ставит перед судебными органами задачу сочетания линии твердой защиты интересов Советского государства с методами вовлечения общественности в дело воспитания и перевоспитания трудящихся.

Кафедра теории и истории государства и права

(Поступило в редакцию 21 II. 1963 г.)

ა. ვაკეიშვილი

კრიმინოლოგია, მისი საგანი და მეთოდი

ისტორიული მატერიალიზმი თავისი შინაარსით უცილობლად მარქსისტულ-სოციოლოგიას წარმოადგენს. საბჭოთა მეცნიერებმა უკანასკნელ დროს გააძლიერეს ყურადღება მარქსისტული სოციოლოგიის საკითხებისადმი. ეს კი გულისხმობს საზოგადოებრივი ცხოვრების სხვადასხვა მხარეების გაღრმავებული გამოკვლევების ჩატარებას იმ მიზნით, რომ დადგენილ იქნას ისტორიული განვითარების კანონზომიერება.

მარქსისტული სოციოლოგიის მეთოდი გამოიყენება სოციალურ მეცნიერებათა სხვადასხვა დარგებში, მათ შორის სამართლის მეცნიერების დარგშიც. ჩვენ აქ განსაკუთრებით გვიანტერესებს სისხლის სამართლის მეცნიერება, სადაც ამ მხრივ დაწყებულია ნაყოფიერი მუშაობა: სსრკ მეცნიერებათა აკადემიის სახელმწიფოს და სამართლის ინსტიტუტის მიერ განზრახულია კოლექტიური მონოგრაფიის—„საბჭოთა კრიმინოლოგიის საფუძვლები“—გამოშვება ორ ტომად, ჯერ-ჯერობით გამოვიდა ამ მონოგრაფიის პირველი ტომის პირველი თავი: „საბჭოთა კრიმინოლოგიის საგანი, მეთოდი და სისტემა“, შედგენილი პროფ. ა. გერცენზონის მიერ.

გერცენზონის შრომის გამოცემით უდავოდ მნიშვნელოვანი საქმეა დაწყებული. იგი მოასწავებს სისხლის სამართლის მეცნიერების გადახალისებას, მიღებულ და ხანგრძლივი ტრადიციით დამკვიდრებულ იდეებსა და შეხედულებებში სოციალური ცხოვრების პირობებთან, მიზნებთან უფრო შეთანხმებული ახალი, ცოცხალი სისხლის სამართლებრივი სისტემის შემოღებას.

აქამდის საბჭოთა მეცნიერ-კრიმინალისტთა მუშაობა შეზღუდული იყო დანაშაულის, დანაშაულის შემადგენლობის „წმინდა იურიდიული“ ანალიზით. ამიტომ სისხლის სამართლის ლიტერატურა ხანგრძლივი დროის განმავლობაში ხასიათდებოდა სისხლის სამართლის ზოგადი და სპეციალური საკითხების სოციოლოგიური გამოკვლევების თითქმის სრული უქონლობით. ამ მდგომარეობის გამოსასწორებლად დაისვა საკითხი კრიმინოლოგიის შემოღების შესახებ, რომელიც დაიკავებს ადგილს სისხლის სამართლის მეცნიერების ფარგლებში, როგორც მისი ერთ-ერთი ნაწილი.

მაგრამ ბუნებრივად იბადება კითხვა: რა ურთიერთდამოკიდებულებაა სისხლის სამართლის მეცნიერებაში ისტორიულად დამკვიდრებულ იურიდიულ ანალიზსა და კრიმინოლოგიის მიერ აღიარებულ სოციოლოგიურ მეთოდს შორის?

ხომ არაა მათ შორის წინააღმდეგობა? გერცენზონი ყურადღებით იხილავს ამ საკითხს და ამტკიცებს, რომ დანაშაულობის კვლევა-ძიების ეს ორი ასპექტი ერთმანეთს არ ეწინააღმდეგება, პირიქით, ერთმანეთთან შეთანხმებულია, ვინაიდან ორივე ერთ და იმავე მიზნებს ემსახურება.

აღნიშნულ ნაშრომში აღძრული საკითხები დიდ ინტერესს წარმოადგენენ როგორც თეორიული, ისე პრაქტიკული თვალსაზრისით.

კრიმინოლოგიის შინაარსის და ამოცანების საკითხები, რასაკვირველია, მოაზროვნე ჩეროვან შესწავლას და დაზუსტებას.

1

საბჭოთა კრიმინოლოგიის საგანი

გერცენზონის აზრით, საბჭოთა კრიმინოლოგია სისხლის სამართლის მეცნიერების ერთ-ერთი ცენტრალური განყოფილებაა, იგი მოიცავს მთელ რიგ საკითხებს, რომლებიც დაკავშირებულია დანაშაულის სრული აღმოფხვრის ამოცანის გადაწყვეტასთან სახელმწიფო და საზოგადოებრივი ღონისძიებების გამოყენების გზით. ამ ცენტრალური ამოცანის გადასაწყვეტად საბჭოთა კრიმინოლოგია შეისწავლის დანაშაულობას და მის გამომწვევ მიზეზებს და პირობებს, აგრეთვე დამნაშავეთა პიროვნებას და ამუშავენს ღონისძიებათა სისტემას, რომლებიც მიმართულია დანაშაულთა წინასწარ აცდენაზე.

დანაშაულობის შესწავლა და წინასწარ აცდენა თეორიული თვალსაზრისით ე.წ. უთენის საბჭოთა სისხლის სამართლის მეცნიერების კომპეტენციას. სწორედ ეს მეცნიერება, რომელიც შეისწავლის სისხლის სამართლის კანონებს, დანაშაულს, სასჯელს და დანაშაულობასთან ბრძოლის სხვა ღონისძიებებს, მოწოდებულია გამოიკვლიოს დანაშაულის პრობლემა და მასთან ბრძოლის ღონისძიებანა არა მარტო იურიდიული, არამედ სოციალურ-პოლიტიკური, სოციოლოგიური თვალსაზრისითაც („в плане социологическом“). მაგრამ დანაშაულობის, მისი მიზეზების, მისი წინასწარ აცდენის ღონისძიებათა სოციოლოგიური შესწავლა ხასიათდება დიდი სპეციფიკით, გულისხმობს თავისებური ხერხების, სპეციალური მეთოდების გამოყენებას, რაც გამოდის სისხლის სამართლის მეცნიერების ფარგლებიდან. ამიტომ დანაშაულობის პრობლემის სოციოლოგიური შესწავლის წარმატებით განვითარებისათვის საჭიროა განვავითაროთ — სისხლის სამართლის მეცნიერების ფარგლებში, მისი სპეციალური განყოფილების სახით — საბჭოთა კრიმინოლოგია.

სისხლის სამართლის მეცნიერების ასეთი განყოფილების შექმნის წინადადება და ცდები იწვევდნენ წინააღმდეგობას ზოგიერთი თეორეტიკოსების და პრაქტიკული მუშაკების მხრივ.

ერთნი შიშობდნენ, რომ საბჭოთა კრიმინოლოგია აითვისებს ბურჟუაზიული კრიმინოლოგიის იდეებს. მეორენი ფიქრობდნენ, რომ კრიმინოლოგიის შემოღების შედეგად დანაშაულობის შესწავლის და წინასწარ აცდენის საკითხები ამოვარდებოდა სისხლის სამართლის მეცნიერების სფეროდან და განიცდებდა

ბიოლოგების, ფსიქოლოგებისა და ფსიქიატრების გავლენას, რის გამოც სისხლის სამართლის მეცნიერებას დარჩებოდა მხოლოდ დანაშაულის შესწავლის იურიდიულ-დოგმატური ასპექტი, ხოლო თვით დანაშაულობის პრობლემა გადაიჭრებოდა ბიო-ფსიქოლოგიური თვალსაზრისით.

დაბოლოს, იყვენ ისეთნიც, რომელთაც არ წამოუყენებიათ არავითარი კონკრეტული მოსაზრებანი საბჭოთა კრიმინოლოგიის წინააღმდეგ, მაგრამ ისინი შეპყრობილნი არიან სიხლის შიშით და ფიქრობენ, რომ რამდენადაც აქამდის არ გვეჩინდა ეს მეცნიერება, მომავალშიც შეიძლება უიმისოდ მუშაობაო.

პროფ. ა. გერცენზონს ყველა აღნიშნული მოსაზრება უსაფუძვლოდ მიაჩნია. მისი აზრით, მითითება იმაზე, რომ კრიმინოლოგია „ბურჟუაზიული წარმოშობისა“, იმგვარადვე მოკლებულია საფუძველს, როგორც, ვთქვათ, მითითება სისხლის სამართლის პროცესის, კრიმინალისტიკის წარმოშობაზე. საბჭოთა სამართლის მეცნიერება პრინციპულად, თვისობრივად განსხვავდება ბურჟუაზიული სამართლის მეცნიერებისაგან და კრიმინოლოგიის „ბურჟუაზიული წარმოშობა“ სახელს ისევე არ უტეხს საბჭოთა კრიმინოლოგიას, როგორც რომელიმე სხვა მეცნიერების წარმოშობა. ბურჟუაზიულ იდეოლოგიასთან ბრძოლა, საბჭოთა ნიადაგზე მისი შემოღების ცდის წინააღმდეგ ბრძოლა, ცხადია, ვრცელდება კრიმინოლოგიაზეც, და ჩვენზეა დამოკიდებული ფხიზლად ვადევნოთ თვალი, რომ ბურჟუაზიული შეხედულებანი არ შემოიჭრან საბჭოთა მეცნიერებაში.

იმის შიშით, რომ დანაშაულობის პრობლემა „ამოვარდება“ საბჭოთა სისხლის სამართლის მეცნიერების სფეროდან უსაფუძვლოა, რამდენადაც ჩვენ გამოვდივართ იმ სავალდებულო წინამძღვრიდან, რომ საბჭოთა კრიმინოლოგია წარმოადგენს სისხლის სამართლის მეცნიერების ნაწილს, განყოფილებას, რომელსაც თუმცა აქვს თავისი სპეციფიკა, მაგრამ იგი მაინც მჭიდროდ დაკავშირებულია სისხლის სამართლის მეცნიერებასთან.

დაბოლოს, მოსაზრება, რომ აქამდის თეორია და პრაქტიკა მუშაობდა კრიმინოლოგიის გამოუყენებლად და მომავალშიც შეიძლება უიმისოდ მუშაობაო, აგრეთვე მოკლებულია საფუძველს. პარტიის პროგრამამ, სსრკ ახალმა კანონმდებლობამ დააყენეს სრული მოცულობით დანაშაულობის აღმოფხვრის ამოცანა, ხოლო ამ ამოცანის შესრულება შეუძლებელია დანაშაულობის სისტემატური შესწავლის გარეშე. თეორიამ უნდა მიაწოდოს პრაქტიკას ყველაფერი, რაც კი საჭიროა დანაშაულობის ყოველდღიური შესწავლის და წინასწარი აცილების ორგანიზაციისათვის, ამის მიღწევა კი შესაძლოა საბჭოთა სისხლის სამართლის მეცნიერების ახალი განყოფილების — საბჭოთა კრიმინოლოგიის — განვითარების გზით.

პროფ. ა. გერცენზონის აზრით, საბჭოთა კრიმინოლოგიის საგანს შეადგენენ:

1. დანაშაულობა;

2. დამნაშავეთა პიროვნება;

3. მიზეზები და პირობები, რომლებიც ხელს უწყობენ დანა-

შაულობის ჩადენას;

4. დანაშაულობის წინასწარ აცდენის ღონისძიებები.

გარდა ამისა, საბჭოთა კრიმინოლოგიის საგანს ეკუთვნის აგრეთვე დანაშაულობის შესწავლის და წინასწარ აცდენის მეთოდების საკითხები.

საბჭოთა კრიმინოლოგიის შინაარსის და ამოცანების დახასიათებისას, პირველ ყოვლისა, უნდა აღინიშნოს დანაშაულობის მდგომარეობის და მოძრაობის შესწავლა. ამ ამოცანის განხორციელება გულისხმობს სისხლის სამართლის სტატისტიკის ყველა ძირითადი წყაროს ფართო გამოყენებას. ასეთია მილიციის სტატისტიკა, საგამომძიებლო-საპროკურორო სტატისტიკა, სასამართლო სტატისტიკა, შრომა-გასწორების დაწესებულებათა სტატისტიკა. ეს სტატისტიკური მონაცემები გამოიყენება დანაშაულობის შესასწავლად რაიონის, ოლქის, რესპუბლიკის, მთელი საბჭოთა კავშირის მასშტაბით. კრიმინოლოგიისათვის განსაკუთრებული მნიშვნელობა აქვს დანაშაულობის მდგომარეობის და მოძრაობის შედარებით შესწავლას სხვადასხვა რაიონებსა და ოლქებში. ყველაზე მეტი მნიშვნელობა აქვს დანაშაულობის კომპლექსურ შესწავლას. იგი შეიძლება მძიმართული იყოს ცალკეული აქტუალური პრობლემების გამოკვლევაზე (მაგ. არასრულწლოვანთა დანაშაულობა, რეციდივი).

გერცენზონი ცალკე აყენებს საკითხს დამნაშავეთა პიროვნების შესწავლის შესახებ. მისი-სიტყვით, ამ საკითხს აქვს დიდი თეორიული და პრაქტიკული მნიშვნელობა ორი სხვადასხვა ხაზით: ცალკეული დანაშაულის და მისი ჩამდენი პირის შესწავლისა და აგრეთვე დამნაშავეთა სოციალური დახასიათებისათვის.

ცალკეული დანაშაულის, მისი მიზეზების და პირობების, აგრეთვე დამნაშავეს პიროვნების შესწავლა პირდაპირ გათვალისწინებულია სისხლის სამართლის საპროცესო კოდექსით. იგი უნდა განხორციელდეს წინასწარი გამოძიების და მოკვლევის სტადიაზე და საქმის სასამართლოში განხილვის დროს.

საბჭოთა კრიმინოლოგია უარყოფს ბურჟუაზიულ კრიმინოლოგიაში გავრცელებულ რეაქციულ თეორიებს „დანაშაულისადმი მიდრეკილების“ შესახებ. იგი უარყოფს დანაშაულობის ფესვების აღმოჩენის ცდას დამნაშავეს პიროვნების თავისებურებებში.

ახსიათებს რა დამნაშავეს პიროვნებას, საბჭოთა კრიმინოლოგია გამოდის იმ დებულებიდან, რომ გარეგანი პირობების გავლენა ხორციელდება არა მექანიკურად, არამედ ადამიანის ფსიქიკის, ხასიათის, ტემპერამენტის მეშვეობით. უნდა იქნას გამოკვლეული ყველა კონკრეტული პირობები, გარემოებანი, რომლებმაც შეასრულეს გარკვეული როლი მოცემული პირის ყოფაქცევაში. დახასიათებული უნდა იქნეს დამნაშავეს პიროვნება მთელი მისი ინდივიდუალობით. უნდა იქნეს გარკვეული მოტივები დანაშაულის ჩადენისა, პიროვნების საშიშროების ხარისხი, მისი წარსული, საყოფაცხოვრებო ჩვევები და სხვ. აქ, მაშასადამე, დამნაშავეს პიროვნება შეისწავლება როგორც თავისებური ნიშნებით გამოყოფილი ინდივიდუალობა. მაგრამ საკითხს აქვს მეორე მხარე. დამნაშავეს პიროვნება უნდა იქნეს შესწავლილი სოციალოგიური თვალსაზრისითაც. დამნაშავეთა პიროვნე-

ზის სოციოლოგიური შესწავლისას ხაზი უნდა გაესვას არა ინდივიდუალურ ფაქტორებს, არამედ ზოგადს, აუცილებელს, კანონზომიერს.

ჩვენ გავეცანით პროფ. გერცენზონის შეხედულებას დამნაშავეს პიროვნების შესწავლის აუცილებლობაზე. ჩვენ ვფიქრობთ, რომ არ საჭიროებს ბევრ მტკიცებას, რომ დანაშაულობის გამომწვევი მიზეზები როგორც ობიექტური, ისე სუბიექტური ხასიათისაა¹. არიან მწერლები, რომლებიც მხოლოდ ობიექტურ მიზეზებზე ლაპარაკობენ. ამგვარ აზრს ავითარებს მაგ., პროფ. შარგოროდსკი (იხ. „Вопросы марксистской социологии“, Причины и профилактика преступности“, გვ. 101). მაგრამ, ცხადია, რომ თუ გავიზიარებთ ამ აზრს, უნდა ვაღიაროთ ფატალისტური კონცეფცია, რომელიც უარყოფს პიროვნების მნიშვნელობას უნივერსალურ მიზეზობრივ დამოკიდებულებათა განვითარებაში.

შეეჩერდეთ იმ განმარტებაზე, რომელსაც გერცენზონი იძლევა დანაშაულობის მიზეზების შესახებ.

გერცენზონი წერს: ეყრდნობა რა თეორიულ დებულებას, საბჭოთა კრიმინოლოგია ასხვავებს დანაშაულობის მიზეზებს (წარსულის გადმონაშთებს ადამიანთა შეგნებასა და ყოფაქცევაში), პირობებს, რომლებიც ხელს უწყობენ დანაშაულთა ჩადენას (ნაკლოვანებანი მოქალაქეთა მატერიალურ და კულტურულ მომსახურებაში, მათ აღზრდაში) და გარემოებებს, რომლებიც ხელს უწყობენ დანაშაულთა ჩადენას (დანაშაულის ჩადენის კონკრეტული ვითარება-სიტუაცია).

საბჭოთა კრიმინოლოგია ასხვავებს ობიექტურ და სუბიექტურ ხასიათის მიზეზებს, პირობებსა და გარემოებებს. გერცენზონის სიტყვით, ყველაზე მეტაპრაქტიკული მნიშვნელობა აქვს მიზეზების, პირობების და გარემოებების კლასიფიკაციას მათი ტიპური სახეების მიხედვით (მაგალითად, ალკოჰოლიზმის გავლენა, ახალგაზრდობის კულტურული მომსახურების ნაკლოვანება და სხვ.).

საერთო მიდგომა დანაშაულობის მიზეზების საკითხისადმი ღებულობს კონკრეტულ ხასიათს დანაშაულთა ცალკეული კატეგორიების მიმართ. ცხადია, რომ პიროვნების საწინააღმდეგო დანაშაულისათვის დამახასიათებელია ერთი მიზეზები, პირობები და გარემოებანი, ხოლო სოციალისტური საკუთრების ხელყოფისათვის — სხვა და ა. შ.

¹ იხ. А. Б. Сахаров, О личности преступника и причинах преступности в СССР, 1961.

სახაროვი იკვლევს დანაშაულობის გენეზისის პრობლემას შემდეგი სქემის მიხედვით.

„1. Причины, определяющие объективную возможность сохранения при социализме индивидуалистических взглядов и побуждений, лежащих в основе преступного поведения субъекта.

2. Условия нравственного формирования отдельного субъекта.

3. Субъективные (внутренние, психологические) и объективные (внешние) условия и обстоятельства, влияющие на проявление антиобщественных взглядов и побуждений в преступном посягательстве“ (დასახ. შრომა, 58—59).

დანაშაულობის მიზეზების შესწავლას აქვს დიდი პრაქტიკული და მეცნიერული მნიშვნელობა, რადგან მასზეა დამოკიდებული მთავარი ამოცანა — დანაშაულობის მოსპობა, დანაშაულთა წინასწარ აცდენის ღონისძიებათა მთელი სისტემის განხორციელება. ამიტომ უკუგდებული უნდა იქნას ყოველგვარი „შესწავლა შესწავლისათვის“, რასაც არა აქვს მეცნიერულ-პრაქტიკული მნიშვნელობა და რაც ესოდენ დამახასიათებელია ბურჟუაზიული კრიმინოლოგიისათვის (მაგ., კლიმატის გავლენა დანაშაულობაზე და სხვ.).

დანაშაულობის მიზეზების შესწავლის ხერხები სხვადასხვაგვარია: სისხლის სამსტატისტიკის, ეკონომიური სტატისტიკის, სოციალურ-კულტურული სტატისტიკის მონაცემთა გამოკვლევა, ცალკეული ობიექტების კომპლექსური შესწავლა და სხვ.

დაბოლოს, გერცენზონი ახასიათებს დანაშაულთა წინასწარი აცდენის ღონისძიებათა სისტემას, რაც დანაშაულობის შესწავლის მეცნიერულ-პრაქტიკული მუშაობის დამთავრებას და საბოლოო მიზანს წარმოადგენს. დანაშაულობის წინასწარი აცდენის ღონისძიებათა ფორმები და მეთოდები მრავალგვარია. დანაშაულობის წინასწარ აცდენა გულისხმობს ურთიერთდაკავშირებულ ღონისძიებათა მთელი სისტემის განხორციელებას. იგი წარმოადგენს ზოგად და სპეციალურ ღონისძიებათა შეხამებას მათ ურთიერთმოქმედებაში და ითვალისწინებს სახელმწიფო ორგანოთა და საზოგადოებრიობის შეთანხმებულ საქმიანობას.

დანაშაულობის წინასწარ ასაცდენად მნიშვნელოვანია ეკონომიურ, კულტურულ და აღმზრდელი ხასიათის ღონისძიებათა შეხამება იძულების ღონისძიებებთან, რომლებიც ასრულებენ დამხმარე როლს. დანაშაულობის წინასწარი აცდენა გულისხმობს აქტიურ ზემოქმედებას იმ მიზეზებზე, რომლებიც ხელს უწყობენ, ან შეუძლიათ ხელი შეუწყონ, დანაშაულთა ჩადენას, იმ მიზნით, რომ მოსპონ ისინი ან ყოველ შემთხვევაში პირველ ხანს შეაჩერონ მათი ზარკოფითი გავლენა. დიდი მნიშვნელობა აქვს საზოგადოებრიობის დროულ რეაგირებას ისეთ ქვევაზე, რომელიც თუმცა არ ხელყოფს უშუალოდ მართლწესრიგს, მაგრამ აშკარად ეწინააღმდეგება კომუნისტურ მორალს და, თუ ას დავტოვებთ საზოგადოებრივი რეაგირების გარეშე, შესაძლოა დანაშაულში გაღაიზარდოს.

გერცენზონი დიდ მნიშვნელობას მიაწერს საზოგადოებრიობის აქტიურ მოქმედებას: საზოგადოებრივ ორგანიზაციებს, ფართო საბჭოთა საზოგადოებრიობას, მშრომელთა კოლექტივებს, მოქალაქეებს გააჩნიათ დანაშაულობის წინასწარი აცდენის ქმედითი საშუალებანი. ამ საშუალებათა შორის გერცენზონი, მაგალითად, ასახელებს შემდეგს: 1. კოლექტივის ცალკეულ წევრთა ამორალურ ყოფაქცევაზე დროული რეაგირება; 2. დანაშაულის და გადაცდომის ხელშემწყობი პირობებისა და მიზეზების გამოვლინება; 3. საზოგადოებრივი წესრიგის განმტკიცება და მისი დარღვევის აღკვეთა სახალხო რაზმების ძალებით; 4. დანაშაულთა გამოკვლევაში და სისხლის სამართლის საქმეთა სასამართლო განხილვაში მონაწილეობა; 5. არასრულწლოვან დამნაშავეთა საქმეების კომისიის საქმიანობაში მონაწილეობა; 6. მეთვალყურე კომისიების საქმიანობა.

ბაში მონაწილეობა; 7. პირობით მსჯავრდებულთა ხელახლა აღზრდასა და გამოსწორებაში მონაწილეობა; 8. საქმეთა განხილვა საამხანაგო სასამართლოებში; 9. თავდებქვეშ აყვანა ისეთ დამნაშავეთა, რომლებიც დიდ საზოგადოებრივ საშიშროებას არ წარმოადგენენ და სხვ.

2

საბჭოთა კრიმინოლოგიის მეთოდი

საბჭოთა კრიმინოლოგიის საფუძველს შეადგენს მარქსისტულ-ლენინური მეთოდი, რომელიც განაპირობებს კრიმინოლოგიის მიერ გამოყენებულ დანაშაულობის შესწავლის სპეციალურ ხერხებსა და მეთოდებს: საბჭოთა კრიმინოლოგია საბჭოთა სისხლის სამართლის მეცნიერების შემადგენლობითი ნაწილია და ამიტომ ყოველივე ის, რაც ახასიათებს უკანასკნელის მეთოდს, საესეზობით ეხება საბჭოთა კრიმინოლოგიას. მარქსისტულ-ლენინური მეთოდის გამოყენება გულისხმობს დანაშაულის, დანაშაულობის, სასჯელის, წინასწარ აცდენის ღონისძიებათა განხილვას მათ გამომწვევ სხვა საზოგადოებრივ მოვლენებთან დაკავშირებით.

ა. გერცენზონი აღნიშნავს, რომ საბჭოთა სისხლის სამართლის მეცნიერების ადრინდელ ეტაპებზე ჩატარებული იყო დანაშაულის რეალური სოციალური შინაარსის გამოკვლევის ცდები. ოციან წლებში გამოცემული იყო ა. ა. პიონტკოვსკის და ა. ნ. ტრაინინის სახელმძღვანელოები, სადაც მოცემულია დანაშაულის არა მარტო იურიდიული, არამედ, აგრეთვე, სოციოლოგიური თვალსაზრისით შესწავლის ცდა. მაგრამ შემდგომ წლებში ფაქტიურად გამორიცხული იყო დანაშაულობის სოციოლოგიური კვლევა-ძიების შესაძლებლობა და საბჭოთა კრიმინალისტიკა საქმიანობა შემოფარგლული იყო დანაშაულის, დანაშაულის შემადგენლობის „წმინდა იურიდიული“ ანალიზით.

ზოგიერთი კრიმინალისტი ფიქრობს, რომ დანაშაულის სოციოლოგიური შესწავლის სუსტი დამუშავება, დანაშაულის პიროვნების პრობლემის უგულვებელყოფა თითქოს გამოწვეული იყო გადაჭარბებული ყურადღებით დანაშაულის შემადგენლობის პრობლემისადმი. ასეთი აზრი განავითარა ა. სახაროვმა. მაგრამ ეს შეხედულება გერცენზონს მცდარად მიაჩნია. გერცენზონის სიტყვით, არ შეიძლება დავეთანხმოთ იმ აზრს, რომ საბჭოთა სამართლებრივ ლიტერატურაში თითქოს ადგილი ჰქონდა დანაშაულის შემადგენლობის მნიშვნელობის „პიპერტროფიას“. საბჭოთა კრიმინალისტები, რომლებიც ამტკიცებენ, რომ სისხლის სამართლის პასუხისმგებლობის საფუძველს წარმოადგენს დანაშაულის შემადგენლობის არსებობა პირის მიერ ჩადენილ დანაშაულში, ამით გამოთქვამენ საბჭოთა სისხლის სამართლის კანონმდებლობის ძირითად იდეას — სოციალისტური კანონიერების უზრუნველყოფას დანაშაულობასთან ბრძოლის საქმეში.

გერცენზონი აყენებს კითხვას: მართლზომიერია თუ არა კრიმინოლოგიის, როგორც საბჭოთა სისხლის სამართლის მეცნიერების ნაწილის, გამოყოფა ამ

ქართული
საზოგადოებრივი
მეცნიერებათა
ინსტიტუტი

უკანასკნელიდან, თუკი მარქსისტულ-ლენინური მეთოდი მოითხოვს დასაბუთებულს, დანაშაულობის წინასწარ აცდენის ღონისძიებათა გამოკვლევას როგორც იურიდიული, ისე სოციოლოგიური თვალსაზრისით? კრიმინოლოგიის ასეთი გამოყოფა ხომ არ გამოიწვევს იმას, რომ საბჭოთა სისხლის სამართლის მეცნიერება შეზღუდული იქნება მხოლოდ იურიდიული გამოკვლევების ფარგლებით? ხომ არ მოხდება ამ გზით სისხლის სამართლის მეცნიერების თავისებური „შთანთქმა“ ყოვლისშემძველი კრიმინოლოგიის მიერ, როგორც ამას ადგილი აქვს ზოგიერთ ბურჟუაზიულ სახელმწიფოში, სადაც სისხლის სამართალი დაყვანილია იურიდიული ტექნიკის ღონემდე?

ამ საკითხის გადაწყვეტასთან დაკავშირებით ავტორი მიზანშეწონილად ცნობს ბურჟუაზიული კრიმინალისტიკების შეხედულებათა დახასიათებას.

გერცენზონი აღნიშნავს, რომ რევოლუციამდელ იურიდიულ ლიტერატურაში პირველად პროფ. მ. დუხოვსკოიმ 1872 წელს დააყენა საკითხი დანაშაულის შესწავლაში სოციოლოგიური მეთოდის შემოღების შესახებ. დუხოვსკოი წერდა, რომ სისხლის სამართალი შეისწავლის დანაშაულს, მისი წარმოშობის მიზეზებს და სახელმწიფოს მიუთითებს ამ მოვლენის აცდენის საშუალებებს.

იმავე იდეებს ავითარებდა პროფ. ი. ფოინიცი, რომელიც წერდა, რომ სისხლის სამართლის მეცნიერების დარგში შედის „არა მარტო დანაშაულობის გამოვლინება, არამედ მისი პირობებიც, ე. ი. სხვადასხვა მოვლენები, რომელთა შედეგს წარმოადგენს დანაშაულობის იურიდიული მდგომარეობა“.

XX საუკუნის დასაწყისში მრავალი კრიმინალისტი იზიარებდა ამ შეხედულებებს. მათ შორის გერცენზონი ასახელებს ნ. ნ. პოლიანსკის, ს. ვ. პოზნიშევის, მ. გერნეტს, ა. პიონტოვსკის, ს. პოზნიშევის აზრით, სისხლის სამართლის მეცნიერება შეისწავლის დანაშაულს, დანაშაულობასა და სასჯელს; ამასთან ერთად, იურიდიული და სოციოლოგიური შესწავლა არა თუ არ უნდა იქნას დაპირისპირებული, არამედ შეხამებული ერთიან მეცნიერულ გამოკვლევაში. ა. პიონტოვსკიც ასაბუთებდა სისხლის სამართლის ინსტიტუტების როგორც იურიდიული, ისე სოციოლოგიური მეთოდებით შესწავლის აუცილებლობას.

საკითხის სხვა გადაწყვეტას იძლეოდნენ სისხლის სამართლის კლასიკური სკოლის რუსული მიმართულების წარმომადგენელი, რომელთა რიგებს ეკუთვნოდნენ ნ. ს. ტაგანცევი და ნ. დ. სერგეევსკი.

რუსი „კლასიკოსები“ აღიარებდნენ სისხლის სამართლის პრობლემების სოციოლოგიური შესწავლის მეცნიერულ მნიშვნელობას, მაგრამ მათი აზრით სოციოლოგიური ასპექტი სისხლის სამართლის მეცნიერების ფარგლებს სცილდებოდა. ტაგანცევი წერდა, რომ თუ გავაუქმებთ სისხლის სამართლის მეცნიერებას, იმ პირებს, რომლებიც შეისწავლიან და უფარდებენ სისხლის სამართლის კანონებს, არ ეცოდინებათ, თუ რაა და როგორ არის აკრძალული სასჯელის შიშით. სისხლის სამართლის საგანი უნდა იქნას შეზღუდული დანაშაულისა და სასჯელის იურიდიული კონსტრუქციის შესწავლით მოქმედი კანონმდებლობის საფუძველზე. სისხლის სამართლის სოციოლოგია და სისხლის სამართლის ანთროპოლოგია დამოუკიდებელ მეცნიერებათა — სოციოლოგიის და ანთროპოლოგიის — შემადგენლობითი ნაწილებია. ამ მეცნიერება-

თა მონაცემები შეავსებენ სისხლის სამართლის მეცნიერებას და მათი ცოდნა საჭიროა კრიმინალისტიკისათვის. მაგრამ დანაშაულის შესწავლა სოციოლოგიური მხრით ვერ შეცვლის მისი წმინდა იურიდიული თვალსაზრისით შესწავლას აუცილებლობასა და მნიშვნელობას. ტაგანცევის აზრით, არა მხოლოდ სისხლის სამართლის საგანი, არამედ მისი მეთოდიც განსხვავდება სისხლის სამართლის ანთროპოლოგიისა და სოციოლოგიისაგან. ამგვარად, ნახულობდა რა არსებით განსხვავებას სისხლის სამართლის მეცნიერების და სისხლის სამართლის სოციოლოგიის საგანსა და მეთოდში, ტაგანცევი დაუშვებლად ცნობდა ერთ და იმავე მეცნიერების ჩარჩოებში დანაშაულის შესწავლას როგორც იურიდიული, ისე სოციოლოგიური თვალსაზრისით.

ანალოგიურ შეხედულებას იზიარებდა კლასიკური სკოლის მეორე გამოჩენილი წარმომადგენელი ნ. დ. სერგეევსკი.

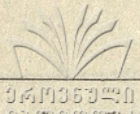
გერცენზონი სწორად მიუთითებს, რომ დავა რუს „კლასიკოსებსა“ და „სოციოლოგებს“ შორის დაუმთავრებელი დარჩა, რადგან 1917 წ. ოქტომბრის რევოლუციის შემდეგ სისხლის სამართლის მეცნიერების განვითარება წავიდა სრულიად ახალი — მარქსისტული—გზით. მაგრამ კაპიტალისტურ სამყაროში აქამდის საკითხი იურიდიული და სოციოლოგიური ელემენტების ურთიერთდამოკიდებულების შესახებ სისხლის სამართლის პრობლემების კვლევა-ძიებაში არსებითად გადაუჭრელი რჩება.

ლომბროზო-ფერის „რადიკალიზმი“, რომელიც სისხლის სამართლის მეცნიერების, როგორც იურიდიული მეცნიერების, გაუქმებას ნიშნავდა, შემდეგში შეიცვალა ლისტის და მისი მომხრეების „შემრიგებლობით“, რომლებიც სიტყვით ცდილობდნენ სისხლის სამართლის პრობლემების — იურიდიული და სოციოლოგიური შესწავლის შეერთებას, ხოლო სინამდვილეში თავიანთ კურსებში ხელუხლებლად იცავდნენ კლასიკურ დოგმატიკას. გერცენზონი დასძენს: მარადოქსალურად შეიძლება მოგვეჩვენოს, რომ ტაგანცევის კურსი უფრო სოციოლოგიურია, ვიდრე „სოციოლოგთა ბელადის“, ლისტის კურსი!

ტაგანცევის კურსში ცოტაა სოციოლოგიური, მაგრამ უდავოა, რომ ლისტის კურსი იურიდიული დოგმატიკის საუკეთესო ნიმუშს წარმოადგენს, რაც უკვე დიდი ხანია შემჩნეული იყო იურიდიულ ლიტერატურაში.

გერცენზონის სიტყვით, ვერც ბურჟუაზიული სისხლის სამართლის თეორეტიკოსებმა და ვერც ბურჟუაზიულმა კრიმინოლოგებმა ვერ შეძლეს კრიმინოლოგიის საგნის და სისხლის სამართალთან მისი ურთიერთ-დამოკიდებულების განსაზღვრა: პირველნი განიცდიან იურიდიული მეთოდის გავლენას, ხოლო მეორენი — ბურჟუაზიული სოციოლოგიისას, რომელიც დანაშაულობის მოვლენებს ბიოლოგიური თვალსაზრისით განიხილავს.

კრიმინოლოგიის საკითხის დაყენებისა და გადაწყვეტის, მეცნიერებათა სისტემაში მისი ადგილის და მეთოდის განსაზღვრის მხრივ, საბჭოთა და ბურჟუაზიული მეცნიერება ერთმანეთს პირდაპირ ეწინააღმდეგება. ეს წინააღმდეგობა გამოიხატება ძირითადი განსხვავებით დანაშაულის ბუნების, მისი გენეზისის და პროგნოზის, მასთან ბრძოლის მეთოდების გაგებაში.

საბჭოთა და ბურჟუაზიული კრიმინოლოგიის ძირითადი განსხვავება განხორციელებულია მარქსისტულ-დიალექტიკურ მეთოდზე დამყარებულ საბჭოთა მეცნიერების დაპირისპირებით ბურჟუაზიული მეცნიერებისადმი, რომელიც იდეალისტური ფილოსოფიის საფუძველზე არის აგებული.

საბჭოთა სისხლის სამართლის მეცნიერება, — წერს გერცენზონი, — იკვლევს რა დანაშაულობას და მის მიზეზებს ზოგად ნაწილში, ხოლო დანაშაულთა ცალკეულ სხეებს და მათ მიზეზებს — განსაკუთრებულ ნაწილში, სარგებლობს თეორიული განზოგადებით, მთავარი დასკვნებით, რომლებიც მიღებულია ყოველმხრივი, გაღრმავებული, სისტემატური კრიმინოლოგიური კვლევა-ძიების შედეგად. საბჭოთა კრიმინოლოგიამ, ამარაგებს რა სისხლის სამართლის თეორიას დანაშაულობის და მისი მიზეზების შესწავლის განზოგადებული დასკვნებით, უნდა იქონიოს თავის განკარგულებაში უფრო ფართო მასალები სხვადასხვა გამოკვლევებისა დანაშაულობის, დამნაშავეთა პიროვნების, დანაშაულის ხელისშემწყობი პირობების შესახებ და ა. შ., და ეს მასალები, უქვევლად, გადატვირთავდნენ სისხლის სამართლის მეცნიერებას იმდენად, რომ იგი დაკარგავდა თავის ძირითად შინაარსს. მეორე მხრივ, დანაშაულობის შესწავლის და წინასწარ აცდენის მრავალი და რთული საკითხები (მაგალითად, სისხლის სამართლის, ეკონომიური, სოციალურ-კულტურული სტატისტიკის მასალების გამოყენება და სხვ.), რომელთაც კრიმინოლოგიისათვის აქვთ პირველხარისხოვანი მნიშვნელობა, სისხლის სამართლის მეცნიერების ფარგლებს სცილდებიან. გერცენზონის აზრით, უკვე ამით არის დასაბუთებული კრიმინოლოგიის გამოყოფა საბჭოთა სისხლის სამართლის მეცნიერების განსაკუთრებული განყოფილების სახით. უნდა აღინიშნოს ისიც, რომ დანაშაულობის შესწავლის და აცდენის პრობლემის გადაწყვეტა გულისხმობს იურიდიული მეცნიერების სხვადასხვა დარგების, ეკონომიური მეცნიერების, ზოგადი და სისხლის სამართლის სტატისტიკის, სოციალური ფსიქოლოგიის და სხვ. მონაცემთა გამოყენებას. ასე მაგალითად, დანაშაულობის წინასწარ აცდენის საკითხების დამუშავებისას საჭიროა სახელმწიფოსა და სამართლის თეორიის, სახელმწიფო და ადმინისტრაციული სამართლის დებულებათა გამოყენება: დანაშაულისა და სამართლის სხვა დარღვევების ცნებათა გასარკვევად, დისციპლინურ, ადმინისტრაციულ და საზოგადოებრივ ზემოქმედების ღონისძიებათა განსხვავების დასადგენად. საჭიროა აგრეთვე სისხლის სამართლის საპროცესო მეცნიერების, სასამართლო წყობილების, კრიმინალისტიკის მონაცემთა გამოყენება იმ მიზნით, რომ გავარკვიოთ დანაშაულის წინასწარ აცდენა სისხლის სამართლის საქმეთა მოკვლევის, გამოძიების, სამსჯავრო განხილვის დროს.

დაბოლოს, დამნაშავის პიროვნების შესწავლისას აუცილებელია ფსიქოლოგიის და პედაგოგიკის მონაცემთა გამოყენება, ვინაიდან ცალკეული დანაშაულის და დამნაშავის პიროვნების შესწავლას მიზნად აქვს ახალი დანაშაულის წინასწარ აცდენა და მოცემული პირის გამოსწორება და ხელახლად აღზრდა.

როგორც ვხედავთ, გერცენზონი მეტად ფართოდ მოხაზავს და ახასიათებს საბჭოთა კრიმინოლოგიის ამოცანებს. თუ გავითვალისწინებთ კრიმინოლოგიის

დახასიათებულ შინაარსს, მის ფართო მოცულობას, ბუნებრივად იბადება საკითხი: როგორია თვით სისხლის სამართლის მეცნიერების მდგომარეობა? ხომ არ იზღუდება მისი საქმიანობის სფერო კრიმინოლოგიის შემოღებასთან დაკავშირებით? რა ფუნქციები რჩება სისხლის სამართლის მეცნიერებას როგორც იურიდიული მეცნიერების დარგს?

გერცენზონი ამ კითხვაზე იძლევა შემდეგ პასუხს. სისხლის სამართლის მეცნიერების და კრიმინოლოგიის შინაგანი, უშუალო კავშირი წინასწარ განსაზღვრულია იმით, რომ ყველა ძირითად ცნებას, ზოგად თეორიულ დებულებას კრიმინოლოგია დებულებს სისხლის სამართლიდან: დანაშაულის, მისი მიზეზების და დანაშაულის ხელისშემწყობი პირობების ცნებებს, დანაშაულის წინასწარ აცდენის ღონისძიებათა ცნებასა და სისტემას და სხვ. ეს კავშირი გამოისახება იმითაც რომ კრიმინოლოგია აწვდის სისხლის სამართლის მეცნიერებას სოციოლოგიური ხასიათის ყველა დასკვნას და განზოგადებას, და სწორედ ამიტომ საბჭოთა სისხლის სამართლის მეცნიერება კი არ ღარიბდება (не обедняется), პირიქით, მდიდრდება კვლევა-ძიების იურიდიული და სოციოლოგიური ასპექტების შეხამების წყალობით.

ამგვარად აქვს წარმოდგენილი გერცენზონს სისხლის სამართლის მეცნიერების და კრიმინოლოგიის ურთიერთდამოკიდებულება. კრიმინოლოგიის გამოყოფა, წერს იგი, სისხლის სამართლის მეცნიერების სპეციალურ განყოფილებადად, იურისტ-კრიმინალისტის მიერ წამყვანი და განმსაზღვრელი როლის შენარჩუნება კრიმინოლოგიურ კვლევა-ძიებაში გამოირიცხავს სისხლის სამართლის მეცნიერების კრიმინოლოგიით „შთანთქმის“ შესაძლებლობას.

გერცენზონი ახასიათებს ეგრეთ წოდებულ იურიდიულ მეთოდს. ვარკვევთ რა, წერს იგი, დანაშაულის, დანაშაულის შემადგენლობის შინაარსს, როდესაც ლაპარაკია სისხლის სამართლის მეცნიერების ზოგად ნაწილზე, ვარკვევთ რა დანაშაულთა ცალკეული სახეების, დანაშაულთა ცალკეული შემადგენლობების შინაარსს, თუ ლაპარაკია სისხლის სამართლის განსაკუთრებულ ნაწილზე, ჩვენ ვადგენთ მათ ძირითად ნიშნებს, მხედველობაში ვიღებთ მათ სოციალურ-პოლიტიკურ შინაარსს და მათ იურიდიულ ფორმას. ამით ჩვენ თანმიმდევრულად ვადგენთ დანაშაულის ობიექტს და ობიექტურ მხარეს, სუბიექტს და სუბიექტურ მხარეს. ეს ანალიზი საჭიროა მოცემული დანაშაულის არსის გასაგებად და ქმედობის სწორი კვალიფიკაციისათვის. ვუკეთებთ რა ანალიზს მოცემული კონკრეტული ქმედობის ნიშნებს და ვადარებთ რა მათ დანაშაულის სათანადო შემადგენლობის ელემენტებს, რაც გათვალისწინებულია კანონით, ჩვენ ვარკვევთ პირველისა და მეორის დამთხვევას, ან, პირიქით, ასეთი დამთხვევის უქონლობას. პირველ შემთხვევაში ჩვენ ვლაპარაკობთ მოცემულ ქმედობაში დანაშაულის შემადგენლობის ნიშნების არსებობის, ე. ი. სისხლის სამართლის პასუხისმგებლობის წინაპირობის არსებობის შესახებ, ხოლო მეორე შემთხვევაში უარყოფითად ვწყვეტთ დაყენებულ საკითხს.

ამგვარად, დასძენს გერცენზონი, დანაშაულის შემადგენლობის იურიდიული ანალიზი წარმოადგენს დანაშაულის მეცნიერული გამოკვლევის აუცილ-

ბელწინაპირობას და სისხლის სამართლის პრაქტიკული გამოყენების საფუძველს. მაგრამ მხოლოდ წინაპირობას, რადგან დანაშაულის მეტონიერული კვლევა-ძიება არ უნდა დამთავრდეს იურიდიულ ცნებათა გამოკვლევით, არ უნდა შემოიფარგლოს ამ ცნებათა წრით. ზოგჯერ, გერცენზონის სიტყვით, გამოთქვამენ მოსაზრებას, რომ პრაქტიკისათვის, სისხლის სამართლის კანონის სწორი შეფარდებისათვის საჭიროა მხოლოდ დანაშაულის შემადგენლობის ზუსტი იურიდიული ანალიზი, სოციოლოგიური ანალიზი კი წარმოადგენს ერთგვარ „დამატებას“ იურიდიული მეთოდის მიმართ. გერცენზონი კატეგორიულად უარყოფს ამ შეხედულებას. მისი აზრით, დანაშაულის შესწავლის ფარგლების შესზღუდვა შემადგენლობის იურიდიული ანალიზით, იწვევდა და ახლაც იწვევს — სქოლასტიკას, ცხოვრებასთან კავშირის გაწყვეტას, დოგმატიზმსა და ნორმატივიზმს. ამგვარი შესზღუდვა გამოირიცხავს სისხლის სამართლებრივ-პოლიტიკურ წინადადებათა გაშლის შესაძლებლობას. ამასთან დაკავშირებით გერცენზონი აღნიშნავს, რომ უკანასკნელ წლებში სსრკ უმადლესი სასამართლოს პლენუმის ყველა სახელმძღვანელო უმნიშვნელოვანესი დადგენილებანი შეიცავენ არა მხოლოდ სისხლის სამართლის კანონის ამა თუ იმ ნორმების ახსნა-განმარტებას, არამედ დიდ ყურადღებას აქცევენ სისხლის სამართლის პოლიტიკის საკითხებსაც, დანაშაულობის სოციოლოგიური შესწავლის მასალების ფართო გამოყენებით.

ამიტომ, გერცენზონის აზრით, საჭიროა მთელი სიმწვავეთ დავაყენოთ საკითხი მარქსისტული პოზიციიდან დანაშაულის შესწავლისადმი ისეთი მიდგომის დაუშვებლობის შესახებ, როდესაც კვლევა-ძიება შესზღუდულია მხოლოდ იურიდიული ასპექტით და არაა შეხამებული (не сообразуется) სოციოლოგიურ ასპექტთან (ხაზი ჩემია — ა. ვ.).

დანაშაულობასთან ბრძოლის საკითხი, ისევე როგორც დანაშაულის საკითხი, გამოკვლეული უნდა იქნას იმავე საფუძვლებზე: იურიდიული ასპექტი აქაც განუხრებლად შეხამებული უნდა იქნას სოციოლოგიურთან, კვლევა-ძიების სფეროში უნდა შედიოდეს სასჯელი, რომელსაც სასამართლო უფარდებს, საზოგადოებრივი ზემოქმედების ზომები, აგრეთვე დანაშაულთა წინასწარ აცდენის ზოგადი და სპეციალური ღონისძიებანი და სხვ.

შეჩერდეთ დამნაშავის პიროვნების შესწავლის საკითხზე. როგორ წყვეტს ამ მნიშვნელოვან საკითხს გერცენზონი?

დამნაშავის პიროვნების შესწავლის საკითხი მას მიაჩნია ერთ-ერთ ურთულეს და ამავე დროს ნაკლებად დამუშავებულ საკითხად მარქსისტული ლიტერატურაში. პირველ ყოვლისა, წერს იგი, საჭიროა მკვეთრად გაესვას ხაზი იმ გარემოებას, რომ ბიოლოგიური „ასპექტის“ ყოველი შემოტანა დანაშაულის მიზეზების ახსნაში აუცილებლად იწვევს საბოლოო ანგარიშით უკიდურესად იდეალისტურ დასკვნებს. ამიტომ, თუ კრიმინოლოგია ისახავს თავის ერთ-ერთ ძირ-

თად ამოცანად დანაშაულობის შესწავლას, და ითვალისწინებს დანაშაულობის წინასწარ აღდენას, — მან არ უნდა მიმართოს ბიოლოგიურ მეცნიერებებს.

მაგრამ საჭიროა თუ არა ბიოლოგიური მეცნიერებანი ინდივიდის საზოგადოებაში ქცევის ასახსნელად, მათ შორის ისეთი ქცევისაც, რომელიც კანონს დანაშაულებრივად მიაჩნია? ინდივიდის საზოგადოებაში ქცევის „მექანიზმის“ გასარკვევად საჭიროა თუ არა პიროვნების შესწავლა, როგორც ამას ამტკიცებენ ბურჟუაზიული კრიმინოლოგები, „ანატომიურ, პათოლოგიურ, ბიოქიმიურ ასპექტებში“? საჭიროა თუ არა მივმართოთ ფსიქიატრიას, ენდოკრინოლოგიას და სხვ. იმისათვის, რომ გავარკვიოთ დანაშაულის გამომწვევი მიზეზები და პირობები? აუცილებელია თუ არა ბიოლოგიური მეცნიერებანი იმ საკითხებას ვადასწყვეტად, რომლებიც წამოიჭრებიან საგამომძიებლო-სასამართლო და შრომა-გასწორების ორგანოების წინაშე სისხლის სამართლის პასუხისმგებლობის ინდივიდუალიზაციის განსახორციელებლად, სასჯელის ზომის შესაფარდებლად, თავისუფლების აღკვეთის რეჟიმის დასადგენად, პირობით ვადამდე განთავისუფლების საკითხის გადასაწყვეტად? ყველა ამ საკითხზე გე რ ც ე ნ ზ ო ნ ი გ ა დ ა ჰ რ ი თ უ ა რ ყ ო ფ ი თ ა დ უ პ ა ს უ ხ ე ბ ს.

რასაკვირველია, წერს იგი, არ შეიძლება იმის უარყოფა, რომ დამნაშავეთა შორის, ისევე როგორც საერთოდ მოსახლეობაში, არიან ალკოჰოლიკები და ნარკომანები, ფსიქოპათები და სულით ავადმყოფნი. მაგრამ როგორც ადამიანთა საზოგადოებაში ქცევის შესწავლის მიზნით არაა აუცილებელი ეს შესწავლა დავუჯავშინოთ ფსიქოპათების და სულით ავადმყოფთა ჯგუფს, ასევე დამნაშავეთა ქცევის შესასწავლად არაა საჭირო მივმართოთ ფსიქიატრიას, ანატომიას, ბიოქიმიას და სხვ. ბიოლოგიური მეცნიერებანი მდებარეობენ კრიმინოლოგიის ფარგლებს გარეთ. სულით ავადმყოფნი არ ეკუთვნებიან სისხლის სამართლის ობიექტებს — ამტკიცებს გერცენზონი.

მაგრამ როგორ დავუჯეროთ გერცენზონს, როდესაც თვით სისხლის სამართლის კანონმდებლობა შეიცავს ნორმებს, რომლებიც შეურაცხადობას ითვალისწინებენ. თვითონ გერცენზონმა კარგად იცის ეს გარემოება, მაგრამ იგი კმაყოფილდება გაურკვეველი, ბუნდოვანი შენიშვნით, რომ ბიოლოგიურ მეცნიერებათა წარმომადგენლების მონაწილეობას სისხლის სამართლის დარგში, როგორც გერცენზონი ამბობს, — მათ „დიაგნოსტიკას“, არ შეუძლია მოგვეცეს „რაიმე განზოგადებანი“ კრიმინოლოგიის სფეროში. მაინც უდავოა, რომ უმაღლესი იურიდიული განათლების სისტემაში შედის ისეთი სპეციალური საგანი, როგორიცაა სასამართლო ფსიქიატრია.

დამნაშავის პიროვნების შესწავლის საკითხის ზემოთ განმარტებული გადაჭრა, გერცენზონის სიტყვით, ძირითადად განსხვავდება იმ შეხედულებისაგან, რომელიც მიღებულია ბურჟუაზიულ სამართლის მეცნიერებაში. თანამედროვე ბურჟუაზიულ ფსიქოლოგიაში ვხვდებით მრავალ თეორიულ მიმართულებას და სხვადასხვა მეთოდუკას, პიროვნების საერთოდ და, კერძოდ, დამნაშავის შესწავლის ხერხებს: ბიპვეიორიზმი, ფრეიდიზმი, მთლიანი პიროვნების ფსიქოლოგია, გენეტიკურ-ევოლუციური ფსიქოლოგია, ხარაქტეროლოგიური ფსიქოლოგია,

არანორმალური ქცევის ფსიქოლოგია და სხვ. ყველა ამ მიმართულებას ახასიათებს მიდრეკილება გავრცელოს თავისი მეთოდოლოგია დანაშაულებრივი ქცევის სფეროზე, მაგრამ, გერცენზონის აზრით, ამისათვის მათ არ გააჩნიათ არავითარი ობიექტური საფუძველი.

გერცენზონი დაასკვნის: საბჭოთა კრიმინოლოგია, შეისწავლის რა დამნაშავეს პიროვნებას, მიზნად ისახავს გარკვევას, თუ რამდენად მოცემული პიროვნება თავის შეგნებაში დაავადებულია წარსულის გადმონაშთებით, თუ რამდენად განაპირობებს ამ გადმონაშთებმა მოცემული პირის ანტისოციალური ქცევა, რომელი პირობები უწყობდნენ ამას ხელს, როგორი უნდა იყოს პროფილაქტიური ზომები, რომლებიც უზრუნველყოფენ მოცემული პირის გამოსწორებას და ხელახლად აღზრდას.

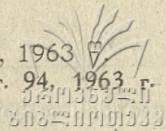
ჩვენ გავეცანით პროფ. ა. გერცენზონის შეხედულებას კრიმინოლოგიის საგანსა და მეთოდზე. გერცენზონის აზრით, საბჭოთა კრიმინოლოგია შეისწავლის: დანაშაულობას, დამნაშავეთა პიროვნებას, დანაშაულის ჩადენის ხელის შემწყობ მიზეზებს და პირობებს და დანაშაულობის წინასწარ აცდენის ღონისძიებებს. კრიმინოლოგია თავის საქმიანობაში ხელმძღვანელად სოციოლოგიური მეთოდით: იგი წარმოადგენს სისხლის სამართლის მეცნიერების ერთ-ერთ ცენტრალურ განყოფილებას, რომელიც ხასიათდება დიდი სპეციფიკით, გულისხმობს სპეციალური ხერხების, მეთოდის გამოყენებას, რომლებიც თავისი ბუნებით სისხლის სამართლის მეცნიერების ფარგლებს სცილდება. კრიმინოლოგიურ კვლევა-ძიებაში იურისტი-კრიმინალისტი ინარჩუნებს წამყვან და ხელმძღვანელ როლს და ეს გარემოება გამორიცხავს კრიმინოლოგიის მიერ სისხლის სამართლის მეცნიერების შთანთქმის შესაძლებლობას.

დანაშაულის და დანაშაულის შემადგენლობის კვლევა-ძიების მხოლოდ იურიდიული ანალიზით შეზღუდვას შედეგად ჰქონდა და აქვს სქოლასტიკა, დოგმატიზმი. გერცენზონი ხაზგასმით ამტკიცებს, რომ კვლევა-ძიების პროცესში იურიდიული ანალიზი განუხრებლად უნდა ეხამებოდეს სოციოლოგიურს. მხოლოდ ამ ორი მეთოდის შეერთებულად გამოყენების გზით შესაძლო ხდება დანაშაულობის მეცნიერული შესწავლა და მასთან მიზანშეწონილი, ნაყოფიერი ბრძოლა.

დაყენებული პრობლემა გერცენზონის მიერ საერთოდ სწორად არის გადაწყვეტილი. გვაქვს საფუძველი ვიფიქროთ, რომ ახალი მეცნიერული დარგის შემოღება ახალ ძალებს შემატებს ჩვენს სპეციალურ მეცნიერებას და დახმარებას გაუწევს მას წარმატებით შეასრულოს მის წინაშე დასმული ამოცანები. მაგრამ, ამავე დროს, უნდა აღვნიშნოთ, რომ ჯერ კიდევ საჭიროა დაყენებული საკითხების დაკვირვებით შესწავლა და დაზუსტება. იმ პრობლემებს შორის, რომლებიც ამ დარგის მკვლევარის წინაშე წამოიჭრება, ყველაზე უფრო რთული და საყურადღებოა იურიდიული და სოციოლოგიურ ასპექტების ურთიერთდამოკიდებულის პრობლემა.

სისხლის სამართლის
კათედრა

(შემოვიდა რედაქციაში 18. II. 1963 წ.)

ივ. ს. შ. რ. გ. შ. ლ. ა. ძ. ი.

საქართველოს ისტორიის პერიოდიზაციის ზოგირითი საკითხისათვის

ამა თუ იმ ხალხის ისტორიის პერიოდიზაციის საკითხი მეტად რთული და უაღრესად მნიშვნელოვანია. ამავე დროს ეს საკითხი ისტორიის ყოველი დარგის წინაშე დგას.

1958 წელს გამოქვეყნდა საქართველოს ისტორიის დამხმარე სახელმძღვანელო და საქართველოს ისტორიის საშუალო სკოლის სახელმძღვანელო¹. იგივე შრომები შემდეგში გამოვიდა ქართულ და რუსულ ენებზე (დამხმარე სახელმძღვანელო რუსულად გამოვიდა 1962 წელს). შრომებში მოცემულია საქართველოს ისტორიის პერიოდიზაცია. წინამდებარე წერილის მიზანია ფეოდალური საქართველოს პერიოდიზაციის ზოგიერთი საკითხის განხილვა პერიოდიზაციის შესახებ ხსენებულ შრომებში გამოთქმულ მოსაზრებებთან დაკავშირებით.

დასახელებული შრომები საერთოდ აგებულია მარქსიზმ-ლენინიზმის მეტოდოლოგიის საფუძველზე; რასაკვირველია, პერიოდიზაციის საკითხიც მარქსიზმ-ლენინიზმის მოძღვრების მიხედვით არის გადაჭრილი. ამ სახელმძღვანელოებში საქართველოს ისტორიის პერიოდიზაცია მოცემულია საზოგადოებრივი ეკონომიური ფორმაციების მიხედვით. პირველად შესწავლილია პირველყოფილ-თემური წყობილების პერიოდი საქართველოში, შემდეგ მონათმფლობელური, ფეოდალური და ა. შ. ჩვენს ზოგიერთ შენიშვნას იწვევს მხოლოდ ფეოდალური ფორმაციის პერიოდიზაციის საკითხი.

დამხმარე სახელმძღვანელოს მიხედვით საქართველოში ფეოდალიზმს აქვს შემდეგი საფეხურები:

- 1) ადრეფეოდალური პერიოდი VII—X საუკუნეები, ამ პერიოდის სოციალური საფუძველი არის პატრონყმობა.
- 2) განვითარებული ფეოდალიზმის ხანა იწყება X საუკუნის მიწურულიდან და გრძელდება XIX საუკუნის ოცდაათიან წლებამდე; განვითარებული ფეოდა-

¹ ნ. ბერძენიშვილი, ვ. დონდუა, მ. დუმბაძე, გ. მელიქიშვილი, შ. მესხია, პ. რატანი, საქართველოს ისტორია, I, დამხმარე სახელმძღვანელო, 1958 წ.; ნ. ბერძენიშვილი, ვ. დონდუა, მ. დუმბაძე, ი. კაჭარავა, გ. მელიქიშვილი, შ. მესხია, პ. რატანი, საქართველოს ისტორია, სახელმძღვანელო VIII—X კლასებისათვის ნ. ბერძენიშვილის რედაქციით, 1958.

ქართული

ლიზმის დასაწყისი ემთხვევა საქართველოს პოლიტიკური გაერთიანების დასაწყისს. XII საუკუნის მეორე ნახევრიდან მწარმოებელი კლასის დაყმევების შედეგად საქართველოში იწყება ბატონყმობა.

3) XIX საუკუნის 30—60-იანი წლები არის პერიოდი ფეოდალიზმის რღვევისა საქართველოში.

პირველ ყოვლისა საჭირო იყო იმის დასაბუთება, თუ რა არის საქართველოსათვის ადრეფეოდალური პერიოდი და რა თავისებურების მატარებელია ის.

ზოგიერთ ქვეყნებში პოლიტიკური გაერთიანება სწორედ ადრეფეოდალურ პერიოდს ემთხვევა, საქართველოში კი — პირიქით.

დამხმარე სახელმძღვანელოში საუბარია იმის შესახებ, რომ „VII—IX საუკუნეთა განმავლობაში საქართველოს ფეოდალური წყობილება კიდევ უფრო გაძლიერდა“ (გვ. 126).

ფეოდალური საზოგადოებრივი ეკონომიური ფორმაციის დამყარება საქართველოში, ისე როგორც სხვა ქვეყნებში, დიდი ძვრების შედეგად მოხდა ის იყო VI საუკუნეში. პროცესი კი ფეოდალიზმის შემზადებისა მიმდინარეობდა მონათმფლობელურ პერიოდში, როცა ფეოდალური საწყისები ვითარდებოდა. VI—VII საუკუნეებში საქართველოში ფეოდალიზმი საბოლოოდ იმარჯვებდა და იწყება მისი განვითარება. მაგრამ რას ნიშნავს ფეოდალიზმის განვითარება, „გაძლიერება“? VIII—IX საუკუნეების ქართულ ფეოდალიზმს ფეოდალიზმის არც ერთი ნიშანი არ აკლია; ამ მხრივ ხსენებულ ხანაში უკვე გვაქვს განვითარებული ფეოდალიზმი.

დამხმარე სახელმძღვანელოს მიხედვით კი „განვითარებული ფეოდალიზმი“ იწყება X საუკუნის მიწურულში და გრძელდება XIX საუკუნის ოცდაათიან წლებამდე (გვ. 435).

დამხმარე სახელმძღვანელოს მიხედვით, მომწიფებული ფეოდალიზმი საქართველოში იწყება განვითარების უფრო მაღალ საფეხურზე (გვ. 137), ამ საფეხურისათვის დამახასიათებელია:

- 1) მდაბიურთა ფენის აზნაურთაგან დამოკიდებულად გახდომა,
- 2) ქვეყნის საწარმოო ძალთა შემდგომი განვითარება,
- 3) ქალაქების განვითარება,
- 4) ალბ-მიცემის გაცხოველება საქართველოს სხვადასხვა კუთხეებს შორის,
- 5) გაერთიანებული ფეოდალური მონარქიის შექმნა.

ისმება კითხვა: თუ კი „განვითარებულ ფეოდალიზმს“ ახასიათებს ჩამოთვლილი ფაქტორები, მაშინ გაუგებარია, შემდგომ საუკუნეებში; როცა ვითარება შეიცვალა, ეკონომიური განვითარება შეფერხდა და ქვეყანა პოლიტიკურად ისევ დაქუცმაცდა როგორღა გაგრძელდა „განვითარებული ფეოდალიზმის“ ეპოქა. ან ჩამოთვლილი ფაქტორები არ არის აუცილებელი „განვითარებული ფეოდალიზმისათვის“, ან კიდევ XV—XVIII საუკუნეების საქართველოში აღარ გვაქვს „განვითარებული ფეოდალიზმი“.

დამხმარე სახელმძღვანელოში წარმოდგენილი „განვითარებული ფეოდალიზმის“ ცნება გაუგებარია. რასაკვირველია, ფეოდალიზმის ყოველ ეტაპს სა-

წარმოო ძალთა განვითარება განსაზღვრავს, მაგრამ ეს ისეთი ზოგადი პრინციპია, რომ „განვითარებული ფეოდალიზმის“ ცნების განსაზღვრისათვის ის საკმარისი არ არის. საჭიროა ამ ეკონომიური განვითარების თავისებურების მიკვლევა.

„განვითარებული ფეოდალიზმისათვის“ არ უნდა ჰქონდეს გადაჭრელი მნიშვნელობა მწარმოებელი კლასის დამოკიდებულების ხარისხს. ზემოთ დასახელებულ სახელმძღვანელოებში კი მწარმოებელი კლასის დაყმევებას საფუძვლად უდებენ „განვითარებულ ფეოდალიზმს“, ამ გარემოებას ანიჭებენ გადაწყვეტ მნიშვნელობას. „მდაბიორ-მოლაშქრეთა ფენის გაქრობა, მისი გლეხობაში გადასვლა იყო ყველაზე უფრო ღრმა და მნიშვნელოვანი სოციალური პროცესი, რომელიც საქართველოში ფეოდალურმა ურთიერთობამ კლასთა ბრძოლის გაღრმავება-განვითარების შედეგად განიცადა. ადრინდელი ფეოდალური ხანის სოციალური ურთიერთობის წამყვანი ფენის — მდაბიორების გაქრობის შედეგად ქართული ფეოდალური საზოგადოება განვითარების ახალ საფეხურზე ავიდა და კიდევ უფრო მკვეთრად დაიყო ორ მთავარ ანტაგონისტურ კლასად — აზნაურებად და გლეხებად“ (საშუალო სკოლის სახელმძღვანელო, გვ. 118).

მდაბიორ-მოლაშქრეთა ფენა „ადრე-ფეოდალური ხანის სოციალური ურთიერთობის — პატრონყმობის საფუძველს წარმოადგენდა“, XII საუკუნის მიწურულისათვის ამ ფენის გლეხობაში გადასვლის პროცესი ძირითადად უკვე დასრულებულია „და ქართული ფეოდალური საზოგადოება ორ მთავარ ანტაგონისტურ კლასად — აზნაურებად და გლეხებად დაიყო (კურსივი ავტორისაა, ი. ს.) პატრონყმობა შემოვიდა“ (დამხმარე სახელმძღვანელო, გვ. 80).

მაშასადამე აქ საქმე გვაქვს ფეოდალიზმის ორ საფეხურთან: ადრე-ფეოდალური პერიოდი, რომლის საფუძველი პატრონყმობაა, ხოლო შემდეგ იწყება ბატონყმობა, როცა მწარმოებელი კლასი გლეხობაში გადადის (XII—XIII საუკუნეებიდან). დამხმარე სახელმძღვანელოს მიხედვით პატრონყმობა არის ადრე-ფეოდალური ხანის სოციალური ურთიერთობის საფუძველი, მაგრამ რა არის თვით პატრონყმობა, ეს არ არის სახელმძღვანელოში ახსნილი. მაშასადამე, სახელმძღვანელოს მიხედვით პატრონყმობა ფეოდალიზმის პირველი საფეხურია, ამ საფეხურის სოციალური საფუძველი, ხოლო ამას მოსდევს შემდგომი საფეხური — ბატონყმობა.

ახალ საფეხურს, რომელიც X საუკუნის მიწურულით იწყება, ახასიათებენ მდაბიო-მოლაშქრეთა ფენის დაყმევება.

X საუკუნის მიწურულისათვის, ქართული ფეოდალიზმის ახალ საფეხურზე, რომელსაც „განვითარებული ფეოდალიზმის ხანა“ ეწოდება, „მდაბიორების საზოგადოებრივი ფენა დამოკიდებული გახდა აზნაურებზე... ყმათა დიდმა უმრავლესობამ თანდათან დაკარგა თავისუფლების ყველა ნიშანი და აზნაურის „გლეხთა“ რიგში ჩადა. ამ ნიადაგზე კლასობრივი წინააღმდეგობა ჯაღრმავდა, კლასობრივი ბრძოლა გამწვავდა“ (დამხმარე სახელმძღვანელო, გვ. 137).

სახელმძღვანელოების მიხედვით, პატრონყმობის დროს მდაბიორ-მოლაშქრეები, ყოველ შემთხვევაში მათი უმრავლესობა, თავისუფალია, მაშასადამე,

პატრონეობისათვის დამახასიათებელი სენიორალურ-ვასალური დამოკიდებულება, როცა მწარმოებელი კლასი ძირითადად თავისუფალია.

X საუკუნის მიწურულისათვის, განსხვავებით პატრონეობისაგან, ხდება ყმათა დიდი უმრავლესობის მიერ „თავისუფლების ყველა ნიშანის“ დაკარგვა, ე. ი. მწარმოებლის კლასის დაყმევება და „კლასობრივი წინააღმდეგობის გაღრმავება“; სწორედ ამას ემთხვევა, ე. ი. აქედან იწყება „განვითარებული ფეოდალიზმის ხანა“, XII საუკუნის მიწურულისათვის მდაბიორ-მოლაშქრეთა ფენა „უკვე გაქრა ძირითადად“ (დამხმარე სახელმძღვანელო, გვ. 80). ეს იმას ნიშნავს, რომ მწარმოებელი კლასი ძირითადად დაყმევებულია, განსხვავებით X საუკუნის მიწურულისა, როცა „განვითარებული ფეოდალიზმი“ იწყება და როცა მდაბიორ-მოლაშქრეთა დიდი უმრავლესობის თანდათანობითი დაყმევების პროცესი მიმდინარეობს, XII საუკუნის ბოლოს ეს დაყმევების პროცესი ძირითადად დამთავრებულია და იწყება ბატონეობის ხანა, ხოლო ბატონეობას ფეოდალიზმის პერიოდიზაციაში ახალი არაფერი შეაქვს, სხვაგვარად რომ ვთქვათ, ბატონეობის შემდეგაც, ისე როგორც X საუკუნის მიწურულიდან, „განვითარებული ფეოდალიზმის“ ეპოქაა.

პირველ ყოვლისა, თუ პატრონეობას და ბატონეობას ასე დიდი მნიშვნელობა აქვს, მაშინ, პერიოდიზაცია ამის მიხედვით უნდა გაკეთებულიყო. დამხმარე სახელმძღვანელოს მიხედვით, მართალია, პატრონეობა ემთხვევა ადრეფეოდალურ პერიოდს, მაგრამ ბატონეობა და „განვითარებული ფეოდალიზმის“ დასაწყისი ერთმანეთს არ ემთხვევა. ეს კიდევ არ არის მთავარი.

თუ პატრონეობა სენიორალურ-ვასალურ დამოკიდებულებას ნიშნავს (და სწორედ ამას უნდა ნიშნავდეს ის დამხმარე სახელმძღვანელოს მიხედვით), მაშინ საჭიროა აღინიშნოს, რომ პატრონეობა, როგორც სენიორალურ-ვასალური დამოკიდებულება საერთო ნიშანია ფეოდალიზმისათვის, ხოლო საერთო ნიშანი კი არ შეიძლება ფეოდალიზმის ერთ-ერთი პერიოდის სოციალური ურთიერთობის საფუძველი იყოს. სენიორალურ-ვასალური დამოკიდებულება ყველაზე უფრო სწორად მომწიფებული ფეოდალიზმის დროს არის სრულად გამოვლენილი, ფეოდალიზმის სხვა დროს კი ის თუმცა არსებობს, მაგრამ ისე მკვეთრად არ ჩანს.

რაც შეეხება ბატონეობას, ჩვენის აზრით, ის საერთო დამახასიათებელი ნიშანია ფეოდალიზმისა მისი დასაწყისიდან დასასრულამდე, მხოლოდ ყმა ზოგჯერ ნაწილობრივ არის დამოკიდებული ფეოდალისაგან, ზოგჯერ კი მთლიანად დაყმევებულია.

ორ მთავარ ანტაგონისტურ კლასად ფეოდალური საზოგადოება დაყოფილია დასაწყისიდანვე; ეს კლასებია — ფეოდალთა და მიწისმოქმედთა კლასები. ამიტომ დამხმარე სახელმძღვანელოს მიერ ბატონეობის დასაწყისის დაკავშირება „ქართული ფეოდალური საზოგადოების ორ მთავარ ანტაგონისტურ კლასად“ დაყოფასთან, რომელსაც ამ შრომის მიხედვით XII საუკუნის მიწურულისათვის ჰქონია ადგილი (გვ. 180), დამაჯერებლად არ გამოიყურება.

რასაკვირველია, მწარმოებელი კლასის დაყმევების ხარისხს მნიშვნელობა აქვს ფეოდალური ურთიერთობის განვითარებისათვის. საწარმოო ძალთა გან-

ვიტარების შედეგად საფრანგეთში, ინგლისში და სხვა ქვეყნებში XV საუკუნის დასაწყისში დაიწყო მწარმოებელი კლასის გათავისუფლების პროცესი და ხდება ახალი საზოგადოებრივი ეკონომიური ფორმაციისათვის პირობების შემზადება. რუსეთში, გერმანიაში, რუმინეთში და სხვაგან კი, პირიქით, ახალი საზოგადოებრივი ეკონომიური ფორმაციისათვის შემზადების პროცესში ხდება მწარმოებელი კლასის სრული დაყმევება.

ამ მხრივ რა მდგომარეობა გვაქვს საქართველოში? რატომ მოხდა გაერთიანება? ან რით არის დაკავშირებული ქვეყნის გაერთიანება მწარმოებელი კლასის დაყმევებასთან? გასაგები იქნებოდა, თუ სახელმძღვანელოებში ამ გარემოებას ახსნიდნენ გაბატონებული კლასის მიერ მწარმოებელი კლასის დასაბრუნებლად და დასამორჩილებლად ძლიერი ცენტრალური ხელისუფლების საჭიროების გამო გაერთიანებული ფეოდალური მონარქიის შექმნას, მაგრამ ასეთი დასაბუთება ხსენებულ შრომებში არ არის. პირიქით, მწარმოებელი კლასის მთლიანი დაყმევების პროცესი ამ შრომებში ცენტრალური ხელისუფლების დასუსტებასთანაა დაკავშირებული.

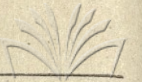
მწარმოებელი კლასის დაყმევების პროცესი სხვადასხვა ქვეყანაში სხვადასხვა მიზეზით სხვადასხვა შედეგს იწვევს და ამ პროცესის გამოცხადება ქვეყნის გაერთიანების მთავარ მიზეზად არ არის სწორი. „განვითარებული“ ანუ მომწიფებული ფეოდალიზმისათვის ყველაზე უფრო დამახასიათებელია საკუთრების შესაძლებელი დანაწევრების სიღრმე-სისრულე, ამასთან დაკავშირებული სენიორალურ-ვასალური დამოკიდებულება, რომელიც თავის მხრივ არ არის დამოკიდებული მწარმოებელი კლასის დაყმევების ამა თუ იმ ხარისხზე; ამის დამამტკიცებელია ის გარემოება, რომ საკუთრების დანაწევრების ძლიერი შესუსტება ზოგიერთ ქვეყანაში ხდება მწარმოებელი კლასის სრული დაყმევების პირობებშიც.

ყველა თქმულის შედეგად უნდა დავასკვნათ, რომ დამხმარე სახელმძღვანელოს მოსაზრება „განვითარებული ფეოდალიზმის“ შესახებ მიუღებელია. „განვითარებული ფეოდალიზმი“ ხსენებულ სახელმძღვანელოში მომწიფებულ ფეოდალიზმს ნიშნავს.

აღრეულ ფეოდალიზმთან შედარებით მომწიფებულ ფეოდალიზმს ახასიათებს ცალკეული ფეოდალური მეურნეობის ფარგლებში საწარმოო ძალთა მაქსიმალური განვითარება, მაგრამ ისე, რომ ეს განვითარება არ არის გადაზრდილი ფართო ეკონომიურ და პოლიტიკურ კავშირში ერთიანი ნაციონალური ბაზრის შექმნის მიმართულებით. აღრეული ფეოდალიზმის დროს გვაროვნულ-ტომობრივი კავშირის ძლიერი გავლენით ზოგჯერ საკმაოდ დიდი პოლიტიკური ერთეული წარმოიქმნებოდა, მაგრამ საწარმოო ძალების განვითარება დაბალი დონეზე იდგა.

არაბებმა, თურქ-სელჯუკებმა და სხვა ხალხებმა მეტად პრიმიტიული ეკონომიკის საფუძველზე დიდი პოლიტიკური გაერთიანებანი შექმნეს და მომწიფებული ფეოდალიზმის მრავალი ქვეყანა დაიპყრეს, რომელთაც დამპყრობლებთან შედარებით მაღალი კულტურა ჰქონდათ.

შემდეგში, როცა ამ ქვეყნებში ფეოდალიზმი საკმაოდ მომწიფდა, მაშინ ეტაპითიანი სახელმწიფოებიც პოლიტიკურად დაიშალა.

„განვითარებული“ ანუ მომწიფებული ფეოდალიზმი, ადრინდელ ფეოდალიზმთან შედარებით, წარმოადგენს პროგრესს, ეკონომიური განვითარების ახალ, უფრო მაღალ ეტაპს, რომლის არსი იმაში მდგომარეობს, რომ ინტენსიური მეურნეობა პატარა ტერიტორიულ ერთეულშია ჩაეკეტილი. შრომის დანაწილება ხელოსნობასა და სოფლის მეურნეობას შორის საკმაოდ განვითარებულია, ცალკეულ საფეოდალოებში შექმნილია ადგილობრივი მნიშვნელობის ქალაქები. რასაკვირველია, ფეოდალური ქალაქები ფეოდალურ განკერძოების წინააღმდეგია. ცალკეული საფეოდალოების ეკონომიური განვითარება ამ განვითარების განსაზღვრულ საფეხურზე რაიონების ეკონომიურ დაკავშირებას იწვევს, რასაც მოსდევს პოლიტიკური ერთიანობაც. მაგრამ ყოველგვარი ნაბიჯი ქვეყნის ეკონომიური და პოლიტიკური გაერთიანებისაკენ თავისი ხასიათით ანტიფეოდალურია, ნორმალური განვითარება ყოველი ქვეყნის ფეოდალიზმისა დეცენტრალიზმიდან ცენტრალიზმისაკენ მიდის, რომელიც საბოლოო ჯამში ფეოდალიზმის უარყოფაში გადაიზრდება.

ის გარემოება, რომ მომწიფებული ფეოდალიზმის დაქუცმაცებულობა გადადის ეკონომიურ და პოლიტიკურ გაერთიანებაში, რაც საერთოდ ეწინააღმდეგება მომწიფებულ ფეოდალიზმს, იმას ნიშნავს, რომ ფეოდალური საზოგადოებრივი ეკონომიური ფორმაცია, ისე როგორც მონათმფლობელური ან კაპიტალისტური, თავის არსში ატარებს თავის საწინააღმდეგო მოვლენებსაც.

ფეოდალიზმი ყველაზე უფრო მომწიფებულია პოლიტიკური დაქუცმაცებულობის დროს.

ფეოდალური პოლიტიკური დაქუცმაცებულობა თავის მხრივ ფეოდალური საკუთრების უფლების დაქუცმაცებულობიდან გამომდინარეობს. ამავე ფეოდალური საკუთრების დანაწევრება-დაქუცმაცებაზეა აგებული სენიორალურ-ვასალური დამოკიდებულების იერარქიაც.

ამგვარად, ფეოდალური კიბური, რომლის სხვადასხვა საფეხურზე არიან განლაგებული ფეოდალები, იმისათვის, რომ გლვხთა ექსპლოატაციის შედეგი გაინაწილონ, საკუთრების დანაწევრებაზეა დამყარებული. კიბურის სათავეში დგას პირველი სენიორი, ჩვეულებრივად მონარქი და ამას მოსდევს ვასალები თავიანთი ვასალებით და ასე შემდეგ. მწარმოებელი კლასი ამ კიბურის გარეშეა ან უკეთ რომ ვთქვათ ეს კიბური მასზეა დაბჯენილი.

ყველაზე ტიპიურად საკუთრების დაქუცმაცებულობა და მაშასადამე, პოლიტიკური დაქუცმაცებულობაც და სენიორალურ-ვასალური დამოკიდებულებაც მომწიფებული ფეოდალიზმის დროს არის მოცემული. ფეოდალიზმის სხვა პერიოდში საკუთრების დაქუცმაცებულობა არა თუ შესამჩნევია, არამედ ის საძიებელია. საქმე იმაშია, რომ საკუთრების დაქუცმაცებულობა, ანუ სენიორალურ-ვასალური დამოკიდებულება საერთოდ დამახასიათებელი ნიშანია ფეოდალიზმისათვის; ამიტომ ის ფეოდალიზმის ყველა ეპოქაში არსებობს, თუნდაც მისი რღვევის პროცესში. ასე, მაგალითად, ფეოდალიზმის რღვევის პროცესში, აბსოლუტიზმის დროს, საკუთრების დაქუცმაცებულობა თავს იჩენს სა-

კუთრების უფლების სხვადასხვა ხასიათის შეზღუდვებში, მაგალითად, საკუთრების გასხვისების შეზღუდვაში და სხვ. აგრეთვე ამკარად არა ჩანს საკუთრების დაქუცმაცებულობა არც ადრეფეოდალურსა და არც წოდებრივი წარმომადგენლობითი მონარქიის დროს.

ჩვენ ვთქვით, რომ განვითარებული, ანუ მომწიფებული ფეოდალიზმი ტიპურად გამოვლინდება ფეოდალური საკუთრების იდეალურ დანაწევრებაში და მისი პოლიტიკური დაქუცმაცებულობის უაღრესად განვითარებულ ფორმაში. მომწიფებული ფეოდალიზმისათვის დამახასიათებელია უსასრულო მიდრეკილება დანაწევრებისაკენ. რეალურად, ისტორიულად ასეთ დანაწევრებულ ფორმაში მას ვერც ვნახულობთ, მაგრამ ამას არცა აქვს მნიშვნელობა. ფეოდალიზმს სხვადასხვა ქვეყნებში თავისებური განვითარების გზები აქვს. ის ათასგვარი ვარიაციებით გვევლინება და თავისი შინაარსით მეტად ჰრელია. ამიტომ წერდა ენგელსი ფეოდალიზმის შესახებ რომ ფეოდალიზმი მხოლოდ იერუსალიმის ასიზებში ჰგავს თავის თავს და ისიც უმთავრესად ქალაღზეო¹.

მიუხედავად იმისა, რომ ფეოდალიზმი ასეთი სხვადასხვა ფორმით გვევლინება სხვადასხვა ქვეყანაში, თავისი მომწიფების პერიოდში მას ყველგან ახასიათებს მიწის საკუთრების დანაწევრებული შინაარსი აქედან გამომდინარე შედეგებით. ყველა ამის გამო, როდესაც ჩვენ მომწიფებულ ფეოდალიზმზე ვსაუბრობთ, მხედველობაში გვაქვს მომწიფებული ფეოდალიზმი მიახლოებით და არა ზუსტად.

საქართველოში ადრინდელი ფეოდალიზმი იყო VI—VII საუკუნეებში. დასრულებული, ანუ მომწიფებული ფეოდალიზმი VIII—X საუკუნეებში. XI—XII საუკუნეებში თავი იჩინა თავისი შინაარსით ანტიფეოდალურმა ტენდენციებმა. უფრო გვიან ადგილი ჰქონდა ქვეყნის ეკონომიურსა და პოლიტიკურ დაქუცმაცებულობას, მაგრამ ეს არ იყო შედეგი პროგრესული ეკონომიური განვითარებისა, როგორც ეს მოხდა ადრეფეოდალური პერიოდიდან მომწიფებულ პერიოდში გადასვლისას. გაერთიანების შემდგომი პერიოდის დაქუცმაცებულობა საქართველოში გამოწვეული იყო ეკონომიური განვითარების შეფერხება-შეჩერებით.

სახელმძღვანელოების მიხედვით „პოლიტიკური დაქუცმაცებულობა“ ადრეფეოდალური ურთიერთობის პირველი საფეხურია (საშუალო სკოლის სახელმძღვანელო, გვ. 11).

ჩვენ უკვე გვქონდა საუბარი იმის შესახებ, რომ სწორედ ადრეფეოდალურ პერიოდში ზოგიერთ ქვეყნებში ადგილი ჰქონდა დიდ პოლიტიკურ გაერთიანებებს; საკმარისი იყო ფეოდალიზმის მომწიფება, რომ ადრეფეოდალური დიდი გაერთიანებანი დაშლილიყვნენ და დაქუცმაცებულიყვნენ.

ამასთანავე, საჭიროა აღინიშნოს, რომ საქართველოში ფეოდალიზმს არ ვაუვლია ის გზა, რომელიც მან გაიარა ევროპის ქვეყნებში: საქართველოში ფეოდალიზმის დასაწყისში დიდი გაერთიანება არ შექმნილა.

გარდა ამისა, პოლიტიკური დაქუცმაცებულობა სახელმძღვანელოების მიხედვით ადრეფეოდალური პერიოდის პირველი საფეხურია. შემდეგ საფეხურზე

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXIX, стр. 394.

ქართული
საბჭოთაო
აკადემია

იმავ ადრეფეოდალური პერიოდისა უფრო მსხვილი ფეოდალური განვითარებები წარმოიშობა (საშუალო სკოლის სახელმძღვანელო, გვ. 88), ხოლო X საუკუნის მიწურულისათვის კი მომწიფებული ფეოდალიზმის პერიოდი იწყება და საქართველო უკვე პოლიტიკურად გაერთიანებულია.

სახელმძღვანელოების მიხედვით გამოდის, რომ რამდენადაც უფრო სიმწიფეში შედის ფეოდალიზმი, იმდენად უფრო ერთიანდება ის პოლიტიკურად. როგორც ვნახეთ, ამ შემთხვევაში სახელმძღვანელოები განვითარების გზას სწორად ვერ უჩვენებენ.

ყველა თქმულის შემდეგ უნდა დავასკვნათ:

1. სახელმძღვანელოების შეხედულება ფეოდალიზმის განვითარებაზე არ არის მართებული: ფეოდალიზმის სიმწიფე მის დაქუცმაცებულობაში ვლინდება და არა მის გაერთიანებაში.

2. პატრონჟიმობა არ არის ადრეფეოდალური პერიოდის სოციალური საფუძველი; ის, როგორც სენიორალურ-ვასალური დამოკიდებულება, საერთოდ დამახასიათებელია ფეოდალიზმისათვის.

დამხმარე სახელმძღვანელოში მოცემული ფეოდალური საქართველოს ისტორიის პერიოდიზაცია ამ მხრივ უნდა შესწორდეს.

ჩვენის აზრით სახელმძღვანელოების ავტორები სწორად მოიქცნენ, როცა დამხმარე სახელმძღვანელოსაგან განსხვავებით, საშუალო სკოლის სახელმძღვანელოში ფეოდალიზმის სამწევროვანი დაყოფა უარყვეს, ყოველ შემთხვევაში, ფეოდალიზმის შიგნით განყოფილებათა სათაურებად — „ადრეფეოდალური ხანა“, „განვითარებული“ ფეოდალიზმის ხანა და „ფეოდალური ურთიერთობის რღვევის ხანა“, როგორც ეს მოცემული იყო დამხმარე სახელმძღვანელოში, საშუალო სკოლის სახელმძღვანელოში აღარ გაიმეორეს.

საშუალო სკოლის სახელმძღვანელოში V თავის სათაური ასეთია: „საქართველო ადრინდელი ფეოდალური ურთიერთობის ხანაში“, ამ სათაურის საწინააღმდეგოდ არაფერი ითქმის, მხოლოდ მისი შინაარსის შესახებ ჩვენ მიერ ზემოთ მოყვანილი კრიტიკა ძალაში რჩება, ე. ი. არ შეიძლება ადრეფეოდალური პერიოდი გაგრძელებულ იქნეს VI-დან X საუკუნემდე, არ შეიძლება ამ პერიოდის პირველი საფეხურის სოციალურ საფუძვლად აღიარებულ იქნეს პატრონჟიმობა და სხვ.

ამგვარად, ფეოდალიზმის ისტორიის პერიოდიზაცია საქართველოში შეიძლება შემდეგნაირად წარმოგვედგინა: 1) ადრეფეოდალური ხანა — VI—VII საუკუნეები, 2) ფეოდალური სამთავროები VIII—X საუკუნეების საქართველოში, 3) გაერთიანებული ფეოდალური მონარქია. ფეოდალიზმის ეპოქის შემდგომი პერიოდიზაცია, რომელიც მოცემულია საშუალო სკოლის სახელმძღვანელოში მართებულად მიგვაჩნია.

სახელმწიფო და სამართლის თეორიისა და

ისტორიის კათედრა

(შემოვიდა რედაქციაში 7. VI. 1963 წ.)

დ. ციხეძაძე

ვ. ი. ლენინი საზოგადოებრიობის როლზე დამნაშავეობასთან ბრძოლაში

მსოფლიო მუშათა კლასის ბელადს, საბჭოთა სახელმწიფოს დამაარსებელს, სოციალისტური კანონიერებისა და საბჭოთა მართლმსაჯულების ფუძემდებელს ვლადიმერ ილიას-ძე ლენინს, მის უკვდავ შრომებში, სტატიებსა და გამოსვლებში გამოთქმული აქვს მოსაზრებები დამნაშავეობასთან ბრძოლაში საზოგადოებრიობის ჩაბმისა და მონაწილეობის აუცილებლობაზე. დღეს განსაკუთრებული მნიშვნელობა ენიჭება ვ. ი. ლენინის დებულებებს დამნაშავეობასთან ბრძოლაში საზოგადოებრიობის როლის შესახებ.

დიდი ოქტომბრის რევოლუციის გამარჯვებისთანავე, ვ. ი. ლენინი მოუწოდებდა მშრომელებს რევოლუციის მონაპოვრის დაცვისა და მტკიცე რევოლუციური წესრიგის დამყარებისაკენ. „ამხანაგო მშრომელებო! გახსოვდეთ, რომ ახლა თვითონ თქვენ განაგებთ სახელმწიფოს. არავინ არ დაგეხმარებათ, თუ თვითონვე არ გაერთიანდებით და საკუთარ ხელში არ აიღებთ სახელმწიფოს ყველა საქმეს... თვითონვე მოჰკიდეთ საქმეს ხელი ქვემოდან, ნურავის დაელოდებით, დაამყარეთ უსასტიკესი რევოლუციური წესრიგი. დაუნდობლად ჩაახშეთ ანარქიის გამოწვევის ცდა ლოთების, ხულიგნების, კონტრრევოლუციური იუნკრების, კორნროველებისა და მათ მსგავსთა მხრივ“¹.

ვ. ი. ლენინის სოციალიზმის გამარჯვების ერთ-ერთ პირობად მიაჩნდა მუშებისა და გლეხებისაგან კარგად ორგანიზებული საყოველთაო-სახალხო საქმიანი კონტროლის მოწყობა პროდუქტების წარმოებასა და განაწილებაზე². ვ. ი. ლენინის ეს სახელმძღვანელო მითითება, საბჭოთა კავშირის კომუნისტურმა პარტიამ საფუძვლად დაუდო ჩვენს ქვეყანაში საზოგადოებრივი კონტროლის სხვადასხვა ფორმებს, პროდუქტების წარმოებისა და განაწილების საქმეში, რომლის საფუძველზე ვლინდებოდა და ვლინდება, ნადგურდებოდა და ნადგურდება გაიძვერები, მუქთახორები, ხულიგნები და სხვა დანაშაულის ჩამდენი პირები.

ვ. ი. ლენინი პირდაპირ მოითხოვდა გვეწარმოებინა დაუნდობელი ომი მუქთახორების, ხულიგნებისა და სხვა დანაშაულის ჩამდენ პირთა მიმართ.

¹ ვ. ი. ლენინი, თხზ., ტ. 26, გვ. 477.

² იქვე.

ვ. ი. ლენინი ასევე მთელი პრინციპულობით მოითხოვდა საზოგადოებრიობის ჩაბმას დამნაშავეობათა წინააღმდეგ საბრძოლველად და ამ მიზნით იგი რუსეთის გმირ რევოლუციურ მუშათა კლასს მოუწოდებდა: „შემოიღეთ უსასტიკესი კონტროლი პროდუქტების წარმოებისა და აღრიცხვისა. დააპატიმრეთ და ხალხის რევოლუციურ სამართალში მიეცით ყველა, ვინც გაბედავს სახალხო საქმისათვის ვნების მიყენებას“¹. რუსეთის მუშათა კლასი, მოწინავე საზოგადოებრიობა განუხრელად ასრულებდა მისი ბელადისა და მასწავლებლის, ვ. ი. ლენინის ამ ბრძნულ მითითებას და ნამდვილ რევოლუციურ სამართალში აძლევდა მათ, ვინც ეწეოდა წარმოების საბოტაჟს, პურისა და პროდუქტების მარაგის გადაძალვას, რკინიგზის, ფოსტის, ტელეგრაფის მოშლას და სხვა დანაშაულს, რაც ეწინააღმდეგებოდა პირველი სოციალისტური სახელმწიფოს ინტერესებს, საერთოდ, ჩვენს ქვეყანაში სოციალიზმის მშენებლობის დიად საქმეს.

ვ. ი. ლენინი 1918 წლის 14 (27) იანვარს პეტროგრადში შექმნილ მძიმე სასურსათო მდგომარეობასთან დაკავშირებით მოითხოვდა ტერორს — სპეკულანტების და მძარცველების ადგილზევე დახვრეტას. პეტროგრადის საბჭოს პრეზიდიუმის თათბირმა, სასურსათო ორგანიზაციების წარმომადგენლებთან ერთად, 1918 წლის იანვარში მიიღო რეზოლუციის პროექტი, რომლის მიხედვით ჯარისკაცთა და მუშათა მასისაგან შეიქმნა 10—15 კაცისაგან შემდგარი რამდენიმე ათასი რაზმი, რომლებსაც გადამჭრელი ზომების მიღების (დახვრეტა) უფლება მიეცათ სპეკულანტების მიმართ.

ვ. ი. ლენინი, 1919 წლის 24 აგვისტოს წერილში, მუშებისა და გლეხებისადმი, კოლჩაკზე გამარჯვების, გამო, წერდა, რომ ყაჩაღებსა და სხვა დამნაშავეებთან ბრძოლა წარმატებით შეიძლება დაგვირგვინდეს თუ მთელი საზოგადოებრიობა დაირაზმება მათ წინააღმდეგ. ამ ბრძოლის „გადაწყვეტა შეიძლება მხოლოდ იმ შემთხვევაში, თუ ჩინებულად გვეხერხება დარაზმვა, თუ არის მკაცრი და შეგნებული დისციპლინა“².

ვ. ი. ლენინი ხაზგასმით მიუთითებდა საბჭოთა კანონების უდიდეს როლზე. აღნიშნავდა, რომ საბჭოთა კანონები ყველას აძლევს შესაძლებლობას ებრძოლოს ბიუროკრატიზმს, საქმის გაჭინურებასა და სხვა დარღვევებს, მაგრამ იქვე დასძენდა, რომ მართალია საბჭოთა კანონები ძალიან კარგია, მაგრამ მთავარია ვიცოდეთ, როგორ გამოვიყენოთ ისინი ცხოვრებაში. დამნაშავეობრივ მოვლენებთან ბრძოლა, გვასწავლის ვ. ი. ლენინი, წარმატებით შეიძლება დაგვირგვინდეს მაშინ, თუ თვით ხალხი, საზოგადოებრიობა გვეხმარება³.

მართალია, საბჭოთა სახელმწიფო დამნაშავეობათა წინააღმდეგ ბრძოლას ყოველთვის აწარმოებდა ლენინური მოძღვრების შესაბამისად საზოგადოებრიობის მონაწილეობით, მაგრამ, უნდა აღინიშნოს, რომ საბჭოთა სახელმწიფოს განვითარების გარკვეულ ეტაპზე, პიროვნების კულტის პირობებში უგულვებელ-

¹ ვ. ი. ლენინი, თხზ., ტ. 26, გვ. 347—348.

² ვ. ი. ლენინი, თხზ., ტ. 29, გვ. 656.

³ ვ. ი. ლენინი, თხზ., ტ. 33, გვ. 68.

ყოფილი იყო საზოგადოებრიობის როლი დამნაშავეობასთან ბრძოლაში, რამაც დიდი ზიანი მიაყენა სოციალისტურ მართლმსაჯულებას, სახელმწიფოს, ხალხს.

ჩვენი ქვეყნის განვითარების თანამედროვე ეტაპი, კომუნისტური საზოგადოების გაშლილი მშენებლობის ხანა მოითხოვს სოციალისტური კანონიერების მტკიცე და განუზრვლად დაცვას, გადაშტერულ ბრძოლას ყოველი სახის დამნაშავეობის სალიკვიდაციოდ საზოგადოებრიობის ფართო მონაწილეობით. დღეს სკკპ ემყარება გ. ი. ლენინის სწავლებას, რომ უნდა მოეწყოს დიდი „ჯვაროსნული ლაშქრობა... სპეკულანტების... მექრთამეების, მუქთახორების, დეზორგანიზატორების წინააღმდეგ¹.

სასამართლოს, მილიციის, პროკურატურის ორგანოებმა ძირეულად უნდა ვარდაქმნან და გააძლიერონ ბრძოლა განსაკუთრებით საშიშ დამნაშაულთა წინააღმდეგ. ამ მიზნით ეს ორგანოები ფართოდ უნდა დაეყრდნონ საზოგადოებრიობას, სერიოზული ყურადღება მიაქციონ მშრომელთა სიგნალებს, რომლებზეც ხელს უწყობენ სახელმწიფო და საზოგადო ქონების დამტაცებლების, მექრთამეების, სპეკულანტების, ქურდების, ხულიგნების, თაღლითების და სხვა დამნაშაულის ჩამდენ პირების გამოძევადებას.

საზოგადოებრიობის მონაწილეობა დამნაშავეობასთან ბრძოლაში, უნდა იყვეს მრავალმხრივი — კერძოდ, იგი უნდა გამოიხატებოდეს, დამნაშავეობათა თავიდან აცილებაში, დამნაშაულის გამოძევადებაში, დამნაშაულის ხელისშემწყობი მიზეზებისა და პირობების გამოვლინებაში, დამნაშაულის ჩამდენი პირების დაძვებაში, ვარდა ამისა ცალკეულ საგამომძიებლო მოქმედებათა ჩატარებაში, დამნაშავეის ხელახალ აღზრდასა და გამოსწორებაში.

ყოველი საბჭოთა მოქალაქის პირდაპირი მოვალეობაა, გააჩლოს დაუნდობელი ბრძოლა ხალხის დოვლათის დამტაცებლებთან, მექრთამეებთან და მძიმე დამნაშაულის ჩამდენ სხვა პირებთან, რათა შეიქმნას მათ მიმართ შეუწყნარებლობის, საყოველთაო-სახალხო ზიზღისა და ბოიკოტის ვითარება. ამით საზოგადოებამ თავისი წვლილი უნდა შეიტანოს იმ მავნე და სამარცხვინო მოვლენის ამოსაძირკვავად, რომელიც უცხო საბჭოთა საზოგადოებისათვის.

საბჭოთა კავშირის კომუნისტური პარტია, კომუნისტური აღზრდის შემადგენელ ნაწილად თვლის ბურჟუაზიული იდეოლოგიისა და მორალის გამოვლინებების, კერძომესაკუთრული ფსიქოლოგიის ნაშთების, ცრუმორწმუნეობისა და ცრურწმენების წინააღმდეგ ბრძოლას.

სკკპ პროგრამაში მოცემულია კაპიტალიზმის გადმონაშთების დაძლევის კონკრეტული გზები ადამიანთა შეგნებასა და ქცევაში. „წარსულის გადმონაშთების, ინდივიდუალიზმისა და ეგოიზმის გამოვლინებათა წინააღმდეგ ბრძოლაში დიდი როლი ეკუთვნის საზოგადოებრიობას, საზოგადოებრივი აზრის ზემოქმედებას, კრიტიკისა და თვითკრიტიკის განვითარებას. ანტისაზოგადოებრივი საქციელის ამხანაგური დაგმობა თანდათანობით განდება ბურჟუაზიულ შეხედულებათა და ზნეჩვეულებათა გამოვლინების აღმოფხვრის მთავარი საშუალება. უდიდესი აღმზრდელობითი მნიშვნელობა ენიჭება კარგი მაგალითის

¹ გ. ი. ლენინი, თხზ., ტ. 27, გვ. 478—479.

ძალას, საზოგადოებრივ და პირად ცხოვრებაში საზოგადოებრივი მოვალეობის შესრულებაში“¹.

სოციალიზმიდან კომუნიზმზე გადასვლის პროცესში, თანდათანობით მკვიდრდება კომუნისტური მორალი, იზრდება ზნეობრივი საწყისების როლი საზოგადოების ცხოვრებაში და, როგორც სკკპ პროგრამაშია მითითებული, ფართოვდება მორალური ფაქტორის მოქმედების სფერო, შესაბამისად მცირდება ადამიანთა ურთიერთობის ადმინისტრაციული რეგულირების მნიშვნელობა. პარტია წახალისებს მოქალაქეთა შეგნებული თვითღირსების ყველა ფორმას, რომლებიც განამტკიცებენ და ავითარებენ კომუნისტური საერთო ცხოვრების ძირითად წესებს.

საბჭოთა კავშირის კომუნისტური პარტია მთელ ჩვენს მრავალმილიონიან მოსახლეობას ზრდიდა და ზრდის კომუნისტური სულისკვეთებით, მასების დარწმუნების მეთოდის გამოყენებით. ვ. ი. ლენინის სწავლების შესაბამისად „რადაც უნდა დაგვიჯდეს ჯერ უნდა დავარწმუნოთ, ხოლო შემდეგ ვაძულოთ“².

კომუნისტური მორალი „შეიცავს ძირითად ზოგადსაკაცობრიო მორალურ ნორმებს, რომლებიც ხალხის მასებმა შეიმუშავეს მრავალი ათასი წლის მანძილზე სოციალური ჩაგვრისა და ზნეობრივ მანკიერებათა წინააღმდეგ ბრძოლაში“³.

პარტიის მიერ ჩამოყალიბებული კომუნიზმის მშენებლის მორალურ კოდექსში მოცემული ძირითადი ზნეობრივი პრინციპები, სახელდობრ:

თვითღირსების ზრუნვა საზოგადოებრივი დოვლათის დაცვისა და გამრავლებისათვის;

საზოგადოებრივი მოვალეობის მაღალი შეგნება, შეუწყნარებლობა საზოგადოებრივი ინტერესების დარღვევისადმი;

კოლექტივიზმი და ამხანაგური ურთიერთდახმარება — ერთი ყველასათვის, ყველა ერთისათვის;

ჭუმანური ურთიერთობა და ურთიერთპატივისცემა ადამიანთა შორის — ადამიანი ადამიანისათვის მეგობარი, ამხანაგი და ძმად;

პატიოსნება და სიმართლე, ზნეობრივი სიწმინდე, უბრალოება და თავმდაბლობა საზოგადოებრივ და პირად ცხოვრებაში;

შეურივებლობა უსამართლობისადმი, მუქთახორობისადმი, უბატონობისადმი, კარიერიზმისადმი, მომხვეჭელობისადმი;

კეთილსინდისიერი შრომა საზოგადოების საკეთილდღეოდ, ვინც არ მუშაობს ის არ სჭამს და სხვ. თანდათან მკვიდრდება საბჭოთა ხალხის ცხოვრებასა და ურთიერთობაში.

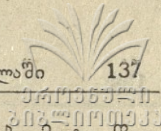
კომუნისტური საზოგადოების გაშლილი მშენებლობის პერიოდში ხდება ადამიანის პიროვნების ყოველმხრივი და ჰარმონიული განვითარება.

მაგრამ ჩვენს საზოგადოებაში ჯერ კიდევ არიან ადამიანები კერძო-მესაქუთრული ჩვევებით დაავადებულნი, რომელთა მსოფლმხედველობას, ვ. ი. ლე-

¹ სკკპ პროგრამა.

² ვ. ი. ლენინი, თხზ., ტ. 32, გვ. 257.

³ სკკპ პროგრამა.

ნინის სიტყვებით რომ ვთქვათ, შეადგენს „ოღონდ მე რაც შეიძლება მეტი წავ-
გლიჯო და თუნდ ქვა ქვაზედაც დადულეზულაო“¹.

ვ. ი. ლენინი მიუთითებდა იმის შესახებ, რომ დანაშაულებრივ ქმედობებს
ქვეყანა დალუპვისაკენ მიყავს და დასძენდა, „მასის რიგითმა წარმომადგენელმა
არა მარტო თვითონ დაინახოს, არა მარტო დარწმუნდეს, არამედ იგრძნოს კიდე-
ვაც, რომ ასე უბრალოდ „აღება“ ჩაჯიბვა, წაგლეჯა არ შეიძლება, რომ ამას მივ-
ყევართ გაპარტახების გაძლიერებისაკენ, დალუპვისაკენ“².

მიუხედავად იმისა, რომ ჩვენს ქვეყანაში უაღრესად დიდი წარმატებებია
მოპოვებული მასების სოციალისტური სულისკვეთებით აღზრდასა და ფორმი-
რებაში, სოციალიზმის გამარჯვების შემდეგაც ადამიანთა შეგნებასა და ქცევა-
ში კიდევ რჩება კაპიტალიზმის გადმონაშთები; რომლებიც ერთგვარად აფერ-
ხებენ ჩვენი საზოგადოების წინსვლას. საზოგადოებრივი წესრიგის დარღვევის
და დამნაშავეობათა ჩადენის ძირითადი წყაროა ადამიანთა შეგნებაში კაპიტა-
ლისტური გადმონაშთების არსებობა.

ამიტომ კომუნისმის მშენებელი საზოგადოებრიობის საპატიო მოვალეო-
ბაა გააძლიეროს ბრძოლა ყველა ანტისაზოგადოებრივი ელემენტის წინა-
აღმდეგ.

ვ. ი. ლენინი 1917 წლის დეკემბერში წერდა რომ „მხოლოდ მუშათა და
გლეხთა მასის ნებაყოფლობით და კეთილსინდისიერად, რევოლუციური ენთუ-
ზიზმით გაწეულ თანამშრომლობას აღრიცხვასა და კონტროლში მდიდრების,
ჯიძეერების, მუქთახორების, ხულიგნების მიმართ შეუძლია მოსპოს წყეული
კაპიტალისტური საზოგადოების ეს გადმონაშთები, კაცობრიობის ეს ნაძირა-
ლები, ეს საბოლოოდ დამპალი და მკვდარი წევრნი, ეს ჭირი, ჟამი, წყლული,
რომელიც სოციალიზმს მემკვიდრეობად გადმოეცა კაპიტალიზმისაგან“³.

კომუნისტური მშენებლობის თანამედროვე ეტაპზე უფრო მტკიცედ უნდა
ვიბრძოლოთ კაპიტალიზმის ისეთი გადმონაშთების წინააღმდეგ, როგორიც
არის უსაქმურობა, მუქთახორობა, ლოთობა და ხულიგნობა, თაღლითობა და ან-
გარება, ბიუროკრატიზმი, ქალისადმი არასწორი დამოკიდებულება და სხვ. ასე-
თი სარეველები არ უნდა იყვნენ ჩვენს ცხოვრებაში⁴.

მაგრამ უნდა შევნიშნოთ, რომ საზოგადოებრიობა ყოველთვის როდი იბრ-
ძვის ასეთ მორალურად გახრწნილ პირთა გამოსამკლავებლად. პირიქით, ზოგ-
ჯერ არის შემთხვევები, როცა მოქალაქე ხედავს პარაზიტს, მუქთახორას, ხუ-
ლიგანს, სპეკულანტს, იცის მათი დამნაშავეობრივი საქმიანობის შესახებ, მაგ-
რამ თითქოს ყოველივე ეს მას არ ეხება, არ იბრძვის მათ წინააღმდეგ. პატიო-
სან ადამიანთა შორის ცხოვრობენ ცალკეული დამნაშავე პირები, მაგრამ ზოგ-
ჯერ პატიოსანი, კეთილსინდისიერი ადამიანები თვალს არიდებენ მათ და არ
იღებენ ზომებს მათ ასალაგმავად.

¹ ვ. ი. ლენინი, თხზ., ტ. 27, გვ. 315.

² იქვე, გვ. 320.

³ ვ. ი. ლენინი, თხზ., ტ. 26, გვ. 477.

⁴ სკკპ XXII ყრილობის მასალები, გვ. 137.

თვითეულმა საბჭოთა მოქალაქემ კარგად უნდა იცოდეს, რომ საბჭოთა კანონები, გამოხატავენ რა მთელი ხალხის ნება-სურვილს, იცავენ სახელმწიფოებრივ და საზოგადოებრივ წესწყობილებას, კომუნიზმის მშენებელ თითოეული მოქალაქის დიად უფლებებსა და კანონიერ ინტერესებს.

ყველა მოქალაქეს ღრმად უნდა ჰქონდეს შეგნებული ის, რომ კანონის ზუსტი და განუხრელი შესრულება კომუნიზმის წარმატებით მშენებლობის საწინდარია.

სოციალისტურ საზოგადოებაში დამნაშავეობათა წარმოშობის სოციალური მიზეზები არ არსებობენ. ისინი არსებობენ მხოლოდ კაპიტალისტურ სახელმწიფოებში, რაც ორგანულადაა დაკავშირებული თვით კაპიტალისტური წყობილების ბუნებასთან.

ძირითადად ჩვენს ქვეყანაში დანაშაულის ჩადენის მიზეზი არის ზოგიერთ ადამიანთა შეგნებაში კაპიტალისტური გადმონაშთების არსებობა, რაც გამოვლინდება ანგარებაში, კერძო მესაკუთრულ ტენდენციებში, პარაზიტობაში, მუქათხობაში, პირადი ინტერესების საზოგადოებრივ ინტერესებზე მაღლა დაყენებაში, რაც განაპირობებს ისეთ დამნაშავეობათა ჩადენას, როგორც არის მექრთამეობა, სპეკულაცია, ხულიგნობა და ა. შ.

ზოგჯერ დამნაშავეობათა ჩადენას ხელს უწყობს ცალკეული თანამდებობის პირების მხრივ საქმისადმი არაგულისხმიერი დამოკიდებულება, საზოგადოებრივი ორგანიზაციების კონტროლის შესუსტება და ა. შ.

საგამომძიებლო და სასამართლო პრაქტიკა ადასტურებს იმას, რომ სახელმწიფო და საზოგადო ქონების დატაცებას ზოგჯერ ხელს უწყობს დაწესებულებაში ფასეულობათა დაცვის საკითხის სათანადოდ მოუგვარებლობა. ასევე, სუსტი კონტროლი საქონლის გატან-შემოტანაზე.

განსაკუთრებით გულისხმიერებით უნდა სწარმოებდეს იმ კადრების შერჩევა, რომლებსაც მინდობილი აქვთ სახელმწიფოს მატერიალური ფასეულობა — ხალხის დოვლათი, რომელიც წმიდათა წმიდაა და ხელშეუხებელი¹.

ვ. ი. ლენინი მთელი პრინციპულობით მოითხოვდა, რომ ყოველმხრივ ყოფილიყო დაცული რევოლუციური კანონიერება. კანონის დარღვევის წინააღმდეგ უნდა იბრძოდეს ყველა, ამიტომ ვ. ი. ლენინი წერილში მუშებისა და გლეხებისადმი, კოლჩაკზე გამარჯვების გამო, წერდა: „საჭიროა უმკაცრესი რევოლუციური წესრიგის დაცვა, საჭიროა საბჭოთა ხელისუფლების კანონებისა და ბრძანებების წმინდად დაცვა და თვალყურის დევნება, რომ მათ ყველა ასრულებდეს... სულ მცირეოდენი უკანონობა, საბჭოთა წესრიგის სულ მცირეოდენი დარღვევა უკვე ის ხვრელია, რომელსაც დაუყოვნებლივ გამოიყენებენ მშრომელთა მტრები“².

ვ. ი. ლენინი უდიდეს მნიშვნელობას ანიჭებდა მასების კონტროლს კანონების შესრულებაზე და მას თვლიდა ცალკეულ დამახინჯებათა თავიდან აცილე-

¹ А. Сахаров, О личности преступника и причинах преступности в СССР, М., 1961 г.

² ვ. ი. ლენინი, თხზ., ტ. 29, გვ. 661.

ბის შესანიშნავ საშუალებად. „უფრო მრავალფეროვანი უნდა იყოს ქვემოდას კონტროლის ფორმები და ხერხები, რათა სავსებით მოვსპოთ საბჭოთა ხელისუფლების დამახინჯების შესაძლებლობის ყოველგვარი ნასახი, რათა ხელახლა და განუწყვეტლივ ვგლიჯოთ ბიუროკრატიზმის სარეველა ბალახი“¹.

დღეს ჩვენს სინამდვილეში არიან ისეთი ადამიანები, რომელთა შრომითი ხელფასი შედარებით დაბალია (80-100 მანეთი), მაგრამ რომლებიც იმათზე ბევრად უკეთ ცხოვრობენ, ვინც გაცილებით მეტს შრომობს და მეტ საზღაურს იღებს. არ შეიძლება თვალების დახუჭვა ისეთ შემთხვევებზე, როდესაც დაბალი ხელფასის მქონე პირები, რომელთა კმაყოფილება რამდენიმე სული, აშენებენ საცხოვრებელ სახლებს, იძენენ მსუბუქ ავტომანქანებს და ა. შ. უდავოა, ასეთი პირები ქურდავენ სახელმწიფოს, ხალხს, სწორედ ასეთ პირთა მიმართ ამბობს ამხ. ნ. ს. ხრუშჩოვი — „საბჭოთა ადამიანებს უფლება აქვთ პასუხი მოსთხოვონ იმათ, ვინც არ შრომობს და საზოგადოების ხარჯზე ცხოვრობს, პასუხი მოსთხოვონ ქურდს არა მარტო მაშინ, როცა ჯიბეში გიყოფს ხელს, არამედ როცა ადამიანი არ მუშაობს, არხეინად ცხოვრობს. იგი ხომ ქურდავს სოციალისტურ საზოგადოებას, იმიტომ რომ თქვენი შრომით ცხოვრობს, იგი თქვენ გქურდავთ. არ უნდა დაველოდოთ, სანამ მას დანაშაულზე წაასწრებდნენ და მხოლოდ მაშინ მივცეთ პასუხისგებაში და გავასამართლოთ... საჭიროა გარდავიქმნათ იმის გაგებაში, თუ რა არის დამტაცებელი, ქურდი: მარტო ის, რომელმაც რაღაც მოიპარა, თუ ის, რომელიც მუქთახორობს, სხვის ხარჯზე ცხოვრობს? ყველასათვის ცხადი უნდა იყოს, რომ ერთიცა და მეორეც ქურდია. არიან ისეთი ადამიანები, რომლებიც არსად არ მუშაობენ, მაგრამ საზოგადოების ყველა სიკეთით სარგებლობენ... ასეთი ადამიანები სახალხო ქონების ყველაზე საშიში დამტაცებლები, ქურდები არიან და მათ წინააღმდეგ ხალხის გულისწყრომა უნდა გამოვიწვიოთ, ასეთი ადამიანები ყოველთვის უნდა გრძნობდნენ, რომ ჩვენს ხალხს ეზიზღება მუქთახორები“².

ხალხს სძულს და ეზიზღება დანაშაულის ჩამდენი პირები, ადამიანები, რომლებიც არ შრომობენ და სახელმწიფოსა და პატიოსან მოქალაქეთა ხარჯზე ეწვიან ხელგაშლილ ცხოვრებას, მუქთახორობას.

მარქსიზმ-ლენინიზმი გვასწავლის, რომ კაპიტალისტური გადმონაშთები ადამიანთა შეგნებიდან თავისთავად არ ამოიძირკვება. ამ მიმართებით მთავარია აღმზრდელობითი მუშაობის ყოველმხრივი გაუმჯობესება — ოჯახში, საშუალო და უმაღლეს სასწავლებლებში, დაწესებულებებსა და ორგანიზაციებში, სადაც სწარმოებს ახალი ადამიანის ფორმირება კომუნისტური მორალის პრინციპებით.

ამხ. ნ. ს. ხრუშჩოვი მართებულად შენიშნავს, რომ „ადამიანი უნდა უზრუნველყოთ არა მარტო კარგი ბინით, არამედ კიდევაც ვასწავლოთ მას სწორად ისარგებლოს საზოგადოებრივი სიკეთით, სწორად იცხოვროს, დაიცვას სოცია-

¹ ვ. ი. ლენინი, თხზ., ტ. 27, გვ. 326—327.

² ნ. ს. ხრუშჩოვის სიტყვა კომკავშირის XIV ყროლობაზე.

ლისტური საერთო ცხოვრების წესები. ეს თავისთავად როდი მოდის, არამედ შეიძლება მიღწეულ იქნას ახალი კომუნისტური ყოფაცხოვრების გამარჯვებასათვის ხანგრძლივი და შეუპოვარი ბრძოლით“¹.

პარტიის XXII ყრილობის ტრიბუნიდან, 1961 წლის 18 ოქტომბერს, ნ. ს. ხრუშჩოვი თავის მოხსენებაში საბჭოთა კავშირის კომუნისტური პარტიის პროგრამის შესახებ საქვეყნოდ აცხადებდა, „ის ფაქტი, რომ პროლეტარიატის დიქტატურა აუცილებელი აღარ არის, არავითარ შემთხვევაში არ ნიშნავს საზოგადოებრივი წესრიგისა და კანონიერების რაიმე შესუსტებას. პარტია დიდ მნიშვნელობას ანიჭებს კანონიერებისა და მართლწესრიგის შემდგომ განმტკიცებას, მოქალაქეთა უფლებების დაცვას. საბჭოთა ადამიანის უფლებას, თავისუფლებას, პატივს, ღირსებას მტკიცედ დაცვენ საზოგადოება და სახელმწიფო“².

საბჭოთა კავშირის კომუნისტური პარტია, საბჭოთა ხალხი, ჩვენი სახელმწიფო ამჟამად აშენებენ უკლასო საზოგადოებრივ წყობილებას — კომუნიზმს. სადაც წარმოების საშუალებათა ერთიანი საერთო-სახალხო საკუთრება იქნება. სადაც საზოგადოების ყველა წევრი სოციალურად სავსებით თანასწორი იქნება, როცა საზოგადოებრივი სიმდიდრის ყველა წყარო სავსე ნაკადად იდენს და განხორციელდება კაცობრიობის სანუკვარი პრინციპი „თვითეთლისაგან — უნარის მიხედვით, თვითეთლს — მოთხოვნილების მიხედვით“.

კომუნიზმი, როგორც ამის შესახებ სკკპ პროგრამაშია ნათქვამი, წარმოადგენს თავისუფალ და შეგნებულ მშრომელთა მაღალორგანიზებულ საზოგადოებას, რომელშიც დამკვიდრდება საზოგადოებრივი თვითმმართველობა, საზოგადოების საკეთილდღეო შრომა ყველასათვის გახდება პირველი სასიცოცხლო მოთხოვნილება და შეგნებული აუცილებლობა, თვითეთლის უნარი გამოყენებული იქნება უდიდესი სარგებლობით ხალხისათვის.

კომუნისტური საზოგადოების გაშლილი მშენებლობის პერიოდში სოციალისტური დემოკრატია ყოველმხრივ განვითარდება და სრულყოფილი გახდება. თითქმის ყველა მშრომელი, მოქალაქე მიიღებს აქტიურ მონაწილეობას სახელმწიფოს მართვაში, კიდევ უფრო გაძლიერდება სახალხო კონტროლი სახელმწიფო აპარატის მუშაობისა და საქმიანობისადმი.

სოციალისტური დემოკრატიის განვითარების პროცესში მოხდება სახელმწიფო ხელისუფლების ორგანოების თანდათანობითი გადაქცევა საზოგადოებრივი თვითმმართველობის ორგანოებად.

ამ მიზნით საჭირო და აუცილებელია „განვამტკიცოთ დისციპლინა, განვახორციელოთ ყოველდღიური კონტროლი მართვის აპარატის ყველა რგოლის საქმიანობისადმი და საბჭოთა ხელისუფლების გადაწყვეტილებათა და კანონთა შესრულების შემოწმება, გავაძლიეროთ თვითეთლი მუშაკის პასუხისმგებლობა მათი ზუსტად და დროზე განხორციელებისათვის“³.

¹ სკკპ XXI ყრილობის მასალები, 1959 წ., გვ. 52.

² სკკპ XXII ყრილობის მასალები.

³ სკკპ პროგრამა.

სკკპ პროგრამის ამ პრინციპული მოთხოვნის შესაბამისად საბჭოთა ელემენტების მოვალეობაა იდგენენ კანონიერებისა და მართლწესრიგის სადარაჯოზე, ჩვენდნენ შეუწყნარებლობას ბოროტმოქმედებისადმი და ებრძოდნენ მათ, ამ მოვალეობას თვითეული საბჭოთა მოქალაქე კეთილსინდისიერად უნდა ასრულებდეს.

კომუნისმის გაშლილი მშენებლობის პერიოდში სკკპ პროგრამით დასახულია ანტისაზოგადოებრივი საქციელის გამოვლინებისა და დანაშაულის ჩადენის შემთხვევების აღმოფხვრა-ლიკვიდაციის ამოცანა. ჩვენ ვიზიარებთ ლიტერატურაში გამოთქმულ აზრს¹, რომ დანაშაულობათა აღმოფხვრის საკითხი ასე კონკრეტულად და პრინციპულად არასოდეს არ ყოფილა დაყენებული საბჭოთა სახელმწიფოს სინამდვილეში, როგორც ეს კომუნისმის მშენებლობის პროგრამაში და პარტიის XXII ყრილობის ისტორიულ გადაწყვეტილებებშია მოცემული.

პარტიის პროგრამაში ამ მიმართებით ნათქვამია: პარტია აყენებს ამოცანას უზრუნველყოფილ იქნას სოციალისტური კანონიერების ზუსტად დაცვა, აღმოიფხვრას მართლწესრიგის ყოველგვარი დარღვევა, მოხდეს დამნაშავეობის ლიკვიდაცია, აღიკვეთოს მისი წარმომშობი ყველა მიზეზი.

პარტია ეყრდნობა ვ. ი. ლენინის სწავლებას — „თუ მასებში თვითმოქმედება არ აღეპართ, არაფერი გამოვა“² და აყენებს საკითხს დამნაშავეობათა წინააღმდეგ საყოველთაო-სახალხო ლაშქრობის ორგანიზაციის აუცილებლობაზე. ამას ნათელყოფს სკკპ ცენტრალური კომიტეტისა და სსრ კავშირის მინისტრთა საბჭოს 1959 წლის 2 მარტის ერთობლივი დადგენილება „საზოგადოებრივი წესრიგის დაცვაში მშრომელთა მონაწილეობის შესახებ“, რომლის საფუძველზეც საზოგადოებრივი წესრიგის დასაცავად და დამნაშავეობათა წინააღმდეგ საბრძოლველად შეიქმნა ნებაყოფლობითი სახალხო რაზმები. არსებობს დამნაშავეობასთან ბრძოლაში საზოგადოებრიობის მონაწილეობის მრავალი ფორმა. ასეთი ფორმები წარმოიქმნენ ჩვენში სახალხო რაზმელთა, ამხანაგური სასამართლოების, არასრულწლოვანთა საქმეების კომისიების და სხვ. სახით.

ნებაყოფლობითი სახალხო რაზმები შეიქმნა ყველა წარმოება-დაწესებულებაში, სასწავლებელში, ისინი მოწოდებულნი არიან იბრძოლონ საზოგადოებრივი წესრიგის დაცვისათვის. და, მართლაც, ხშირად, საზოგადოებრივი წესრიგის დამრღვევი ემორჩილება რაზმელის მითითებას, ხელს იღებს წესრიგის დარღვევაზე, ანტისაზოგადოებრივი საქციელის ჩადენაზე.

¹ Н. Миронов, Программа КПСС и вопросы дальнейшего укрепления законности и правопорядка, М., 1962.

² ვ. ი. ლენინი, თხზ., ტ. 26, გვ. 590.

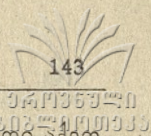
სახალხო რაზმელები საგამომძიებლო და მოკვლევ ორგანიზაციებში მჭიდრო კონტაქტში უნდა იმყოფებოდნენ. ისინი ყოველმხრივ უნდა ეხმარებოდნენ მოკვლევასა და საგამომძიებლო ორგანოებს დანაშაულის გახსნასა და გამოკვლევაში, დამნაშავეობათა თავიდან აცილებაში. თავის მხრივ, საგამომძიებლო და მილიციის ორგანოები მოწოდებულნი არიან სათანადო დახმარება აღმოუჩინონ სახალხო რაზმელებს თავიანთ მუშაობაში. საგამომძიებლო პრაქტიკაში მრავალი შემთხვევაა, როდესაც სახალხო რაზმეულებმა გახსნეს დანაშაული, მათ შორის მძიმე ხასიათისაც, და დანაშაულის შემთხვევის ადგილზე დააკავეს დანაშაულის ჩამდენი პირები, მძარცველები, ქურდები, სპეკულანტები, ხულიგნები და ა. შ.

სახალხო რაზმელად მუშაობს ათასობით კეთილსინდისიერი და პატიოსანი საბჭოთა მოქალაქე, რომლებიც სოციალისტური წესრიგის განსამტკიცებლად დიდ სასარგებლო საქმეს აკეთებენ. ამიტომ არის, რომ სახალხო რაზმელები თავიანთი მოვალეობის შესრულებისას სარგებლობენ მშრომელთა მხარდაჭერით, პატივისცემით და დაკული არიან კანონით. სწორედ ამ მიზნით, 1962 წლის 15 თებერვალს, სსრ კავშირის უმაღლესი საბჭოს პრეზიდიუმმა მიიღო ბრძანებულება „მილიციის მუშაკთა და სახალხო რაზმელთა სიცოცხლის, ჯანმრთელობისა და ღირსების ხელყოფისათვის პასუხისმგებლობის გაძლიერების შესახებ“. აღნიშნული კანონი ითვალისწინებს სასჯელის სხვადასხვა ზომას სახალხო რაზმელთა კანონიერი საქმიანობის დროს წინააღმდეგობის გაწევისათვის: ბოროტი ურჩობისათვის, შეურაცხყოფისათვის და სხვა; ხოლო სახალხო რაზმელის, აგრეთვე, მილიციის მუშაკის სიცოცხლის ხელყოფისათვის თავისუფლების აღკვეთას ხუთიდან თხუთმეტ წლამდე ორიდან ხუთ წლამდე ვადით გადასახლებაში ან გადაუსახლებლად, ან დამამძიმებელ გარემოებაში სასჯელის უმაღლეს ზომას — დახვრეტას.

მცირემნიშვნელოვან დამნაშავეობებთან ბრძოლის საქმეში დიდ როლს ასრულებენ ამხანაგური სასამართლოები, რომლებიც შექმნილია წარმოება-დაწესებულებებში, ორგანიზაციებში, სასწავლებლებში და სხვ.

პარტიის XXI ყრილობის (1959 წ.) შემდეგ საზოგადოებრივი ორგანიზაციების გამგებლობაში სულ უფრო მეტად გადადის საზოგადოებრივი წესრიგისა და სოციალისტური საერთო ცხოვრების წესების უზრუნველყოფის საკითხები. ამ მიზნით საზოგადოებრივი წესრიგისა და უშიშროების უზრუნველყოფის ფუნქციებს სახელმწიფოს სპეციალური ორგანოების (პროკურატურა, სასამართლო, მილიცია და ა. შ.) პარალელურად საზოგადოებრივი ორგანიზაციებიც ასრულებენ.

ამხ. ნ. ს. ხრუშჩოვი სკკპ რიგგარეშე XXI ყრილობაზე აღნიშნავდა: „საზოგადოებრივი წესრიგის დარღვევის ფაქტები ჩვენში ჯერ კიდევ ცოტა როდია და მათ წინააღმდეგ უნდა ვაწარმოთ გადაწყვეტი ბრძოლა. განა საბჭოთა საზოგადოებრიობას არ შეუძლია მოერიოს სოციალისტური მართლწესრიგის დამრღვევთ? რა თქმა უნდა შეუძლია. ჩვენს საზოგადოებრივ ორგანი-

ზაციებს ამისათვის ნაკლები შესაძლებლობანი, სახსრები და ძალები როდნ უკვე, ვიდრე მილიციის, სასამართლოს და პროკურატურის ორგანოებს!¹

როცა აქტიურად დაიწყებენ მოქმედებას საზოგადოებრივი ამხანაგური სასამართლოები და თვით საზოგადოებრიობა გამოყოფს ადამიანებს საზოგადოებრივი წესრიგის უზრუნველსაყოფად, მაშინ გაცილებით უფრო ადვილი იქნება ბრძოლა დამრღვევთა წინააღმდეგ. შესაძლებელი იქნება ასეთი დამრღვევის გამოცნობა არა მარტო მაშინ, როცა მან უკვე ჩაიდინა ცუდი საქმე ან დანაშაული, არამედ როცა მასში თავს იჩენს საზოგადოებრივი ყოფაქცევის ნორმებისაგან გადახრა, რომელმაც შეიძლება ანტისაზოგადოებრივ საქციელად მიიყვანოს იგი. ადამიანებს შეუძლიათ დროულად მოახდინონ ზეგავლენა პიროვნებაზე, რათა აღკვეთონ მისი ცუდი მიდრეკილებანი. საჭიროა განვახორციელოთ ისეთი ღონისძიებანი, რომლებიც თავიდან აგვაცილებენ, ხოლო შემდეგ სრულიადაც გამორიცხავენ ცალკეული პირების მიერ ისეთი საქციელის ჩადენას, რომელიც ზიანს აყენებს საზოგადოებას. მთავარია პროფილაქტიკა, აღმზრდელი მუშაობა².

ამხანაგური სასამართლოები საზოგადოებრივი ორგანოებია, რომლებიც მოწოდებული არიან აქტიურად შეუწყონ ხელი მოქალაქეთა აღზრდას შრომისადმი, სოციალისტური საკუთრებისადმი კომუნისტური დამოკიდებულების, სოციალისტური საერთო ცხოვრების წესების დაცვის სულსკვეთებით, საბჭოთა ადამიანებში კოლექტივიზმისა და ამხანაგური ურთიერთდახმარების, მოქალაქეთა ღირსებისადმი პატივისცემის გრძნობის განვითარებას. ამხანაგური სასამართლოების მუშაობაში მთავარია ისეთ სამართლებრივ დარღვევათა და გადაცდომათა თავიდან აცილება, რომლებიც ზიანს აყენებენ საზოგადოებას, ადამიანების აღზრდა დარწმუნებისა და საზოგადოებრივი ზემოქმედების, ყოველგვარი ანტისაზოგადოებრივი საქციელისადმი შეუწყნარებელი ვითარების შექმნის გზით.

ამხ. ნ. ს. ზრუშკოვი პარტიის XXI ყრილობაზე ამბობდა: „დადგა დრო, როცა მეტი ყურადღება უნდა დავუთმოთ ამხანაგურ სასამართლოებს, რომლებიც უმთავრესად უნდა იბრძოდნენ სხვადასხვა დარღვევის თავიდან აცილებისათვის. ისინი უნდა არჩევდნენ არა მარტო საწარმოო, არამედ აგრეთვე საყოფაცხოვრებო, მორალური ხასიათის საკითხებს, კოლექტივის იმ წევრთა არასწორი მოქმედების ფაქტებს, რომლებმაც დაუშვეს საზოგადოებრივი წესრიგის ნორმებისაგან გადახრა“³.

ამხანაგური სასამართლოების შესახებ დებულების პირველ მუხლში ნათქვამია, რომ ამხანაგური სასამართლოები აღჭურვილი უნდა იყვნენ კოლექტივის ნდობით, გამოხატავდნენ მის ნებას და პასუხისმგებელი იყვნენ მის წინაშე.

ამხანაგურ სასამართლოებს განსახილველად ექვემდებარება საქმეები: შრომის დისციპლინის დარღვევის შესახებ, საზოგადოებრივ ადგილებში და სამუშაოზე არაფხიზელ მდგომარეობაში გამოცხადებისა და უღირსი საქციელის

¹ ნ. ს. ზრუშკოვი, საანგარიშო მოხსენება სკკპ XXI ყრილობაზე.

² სკკპ რიგგარეშე XXI ყრილობის მასალები, 1959 წ., გვ. 117—118.

³ იქვე.

შესახებ, ქალების მიმართ უპატივცემულო დამოკიდებულების დასწვრივ შესახებ.

ამხანაგურ სასამართლოებს დებულების შესახამისად დამნაშავეის მიმართ შეუძლიათ გამოიყენონ საზოგადოებრივი ზემოქმედების შემდეგი ზომები:¹

1. დაავალდებულოს, საჯაროდ მოიხადოს ბოდიში დაზარალებულის ან კოლექტივის წინაშე;
2. გამოუცხადოს ამხანაგური გაფრთხილება;
3. გამოუცხადოს საზოგადოებრივი გაკიცხვა;
4. გამოუცხადოს საზოგადოებრივი საყვედური პრესაში გამოქვეყნებით ან უაქისოდ და ა. შ.

თუ ამხანაგური სასამართლო მივა იმ დასკვნამდე, რომ არ არსებობს მსჯავრის დადების საფუძველი, გამართლებს პასუხისგებაში მიცემულ პირს, ხოლო თუ ამხანაგური სასამართლო განიხილავს ქონებრივ ან სხვა სამოქალაქო უფლებრივ დავას, მაშინ იგი დააკმაყოფილებს სარჩელს მთლიანად ან ნაწილობრივ, ან უარს ეტყვის, ანდა მოსპობს საქმეს დავის მონაწილეთა შერიგების გამო.

დებულება ამხანაგური სასამართლოების შესახებ ითვალისწინებს ისეთ წესს, როცა ამხანაგურმა სასამართლოებმა უნდა აცნობონ საზოგადოებრივ ორგანიზაციებსა და თანამდებობის პირებს იმ გამოვლინებული მიზეზებისა და პირობების შესახებ, რომლებიც ხელს უწყობდნენ სამართლებრივი დარღვევის ან სხვა გადაცდომის ჩადენას.

პარტიის XX, XXI და XXII ყრილობების ისტორიულ გადაწყვეტილებებში, საკანონმდებლო აქტებში, კერძოდ, 1958 წ. სსრ კავშირისა და მოკავშირე რესპუბლიკების სისხლის სამართლის კანონმდებლობის საფუძველებში და სსრ კავშირის და მოკავშირე რესპუბლიკების სისხლის სამართალწარმოების საფუძველებში, აგრეთვე მოკავშირე რესპუბლიკების სისხლის სამართლის და სისხლის სამართლის საპროცესო კოდექსებში ასახვა პოვეს ვ. ი. ლენინის მითითებებმა საზოგადოებრივობის როლზე დამნაშავეობასთან ბრძოლის საქმეში.

საქართველოს სსრ სისხლის სამართლის კოდექსის 52-ე მუხლში და საქ. სსრ სისხლის სამართლის საპროცესო კოდექსის მე-7 მუხლში გათვალისწინებულია, რომ უკეთეს პირმა ჩაიდინა მცირემნიშვნელოვანი დანაშაული, რომლისთვისაც კანონით შეიძლება დაინიშნოს თავისუფლების აღკვეთა არა უმეტეს ერთი წლისა ან სხვა უფრო მსუბუქი სასჯელი, და თუ მისი გამოსწორება შესაძლებელია სასჯელის გამოყენების გარეშე, საზოგადოებრივი ზემოქმედების ღონისძიებათა მიღებით, პროკურორს, სასამართლო და საგამომძიებლო ორგანოებს უფლება აქვთ შეწყვიტონ სისხლის სამართლის საქმე, გაათავისუფლონ ასეთი პირი სისხლის სამართლის პასუხისმგებლობისაგან და საქმე გადასცენ ამხანაგურ სასამართლოს განსახილველად.

სასამართლოს, გამომძიებელს და მოკვლევის ორგანოს, საქართველოს სსრ სისხლის სამართლის საპროცესო კოდექსის მე-8 მუხლის საფუძველზე, პროკუ-

¹ იხ. დებულება ამხანაგური სასამართლოების შესახებ, 1961 წ.

რორის თანხმობით, უფლება აქვს შეწყვიტოს სისხლის სამართლის სასჯელის 14 წლის ასაკს მიუღწეველი პირის მიმართ, რომელსაც ჩადენილი აქვს ისეთი დანაშაული, რაც არ წარმოადგენს დიდ საზოგადოებრივ საშიშროებას და გადასცეს საქმე არასრულწლოვანთა საქმეების კომისიას განსახილველად. თუ საქმის გარემოების და სამართლის დამრღვევი პიროვნების დამახასიათებელი მონაცემების მიხედვით, მისი გამოსწორება შეიძლება სისხლის სამართლის სასჯელის გამოყენების გარეშე.

საქართველოს სსრ სისხლის სამართლის კოდექსის 53-ე მუხლისა და სისხლის სამართლის საპროცესო კოდექსის მე-9 მუხლის თანხმად თუ პირის მიერ ჩადენილია დანაშაული, რომლისთვისაც კანონით შეიძლება დაინიშნოს თავისუფლების აღკვეთა არა უმეტეს სამი წლისა ან სხვა უფრო მსუბუქი სასჯელი და ამ ქმედობას არ მოჰყოლია მძიმე შედეგი, ხოლო თვით დამნაშავეს პიროვნება არ წარმოადგენს დიდ საზოგადოებრივ საშიშროებას და მან გულწრფელად მოინანია ჩადენილი დანაშაული, საზოგადოებრივი ორგანიზაციის ან მშრომელთა კოლექტივის შუამდგომლობით გამომძიებელს, პროკურორს და სასამართლოს უფლება აქვთ შეწყვიტონ სისხლის სამართლის საქმე, გაანთავისუფლონ იგი სისხლის სამართლის პასუხისმგებლობისაგან და გადასცენ თავდებქვეშ ხელახლა აღსაზრდელად და გამოსასწორებლად იმ საზოგადოებრივ ორგანიზაციას ან მშრომელთა კოლექტივს, რომელმაც შუამდგომლობა აძღრა. არ დაიშვება თავდებობის ქვეშ გადაცემა და ამ საფუძველზე საქმის შეწყვეტა იმ პირის მიმართ, რომელიც წინათ იყო მსჯავრდადებული განზრახი დანაშაულისათვის ან გადაცემული თავდებობის ქვეშ.

საკვ პროგრამაში მითითებულია იმის შესახებ, რომ გაფართოვდეს საზოგადოებრივი ორგანიზაციების მონაწილეობა საზოგადოებრივი წესრიგის განსამტკიცებლად. განსაკუთრებით უნდა გააფართოვონ, გააუმჯობესონ და გარდაქმნან მუშაობა სახალხო რაზმეულებმა და ამხანაგურმა სასამართლოებმა.

სისხლის სამართლის სასამართლო წარმოების ძირითადი ამოცანებია დანაშაულის სწრაფი და სრული გახსნა, დამნაშავეთა მხილება და კანონის სწორი გამოყენების უზრუნველყოფა, რათა თითოეული დანაშაულის ჩამდენი სამართლიანად დაისაჯოს და არც ერთი უდანაშაულო არ იქნას სისხლის სამართლის პასუხისმგებაში მიცემული და მსჯავრდადებული.

საბჭოთა კანონის ეს მოთხოვნა ეხება პროკურატურის, სასამართლოს, სახელმწიფო უშიშროებისა და მილიციის ორგანოებს, რომლებიც მოწოდებული არიან აღკვეთონ დანაშაულობანი.

ჩვენი ქვეყნის განვითარების თანამედროვე ეტაპზე მოქმედი კანონმდებლობის საფუძველზე მჭიდრო კონტაქტის დამყარებაა საჭირო მოკვლევის, წინასწარი გამოძიების ორგანოებსა და საზოგადოებრიობას შორის.

ვ. ი. ლენინი პოლიტიკანების სრულიად რუსეთის II კრილობაზე, 1921 წელს, მოხსენებაში — „ახალი ეკონომიური პოლიტიკა და პოლიტიკანების ამოცანები“ — მითითებდა ბრძოლის აუცილებლობაზე საზოგადოებრიობის მონაწილეობით ბიუროკრატიზმთან, მექრთამეობასთან და წერდა — „რა უშლის ხელს ამ მოვლენებთან ბრძოლას? ჩვენი კანონები? ჩვენი პროპაგანდა? პირ-

იქით! კანონები რამდენიც გნებავთ, იმდენია დაწერილი! მაშ რატომ პრეტენდირებთ წარმატება ამ ბრძოლაში? იმიტომ, რომ ამ ბრძოლას მართოდენ პროპაგანდით ვერ გამოიწვევ, მისი დამთავრება კი შეიძლება მხოლოდ იმ შემთხვევაში, თუ თვით ხალხის მასა გვეხმარება“¹.

დანაშაულის დროულ გახსნაში უდიდესი მნიშვნელობა ენიჭება საზოგადოებრიობის სიგნალს, დანაშაულის მზადების თუ დამთავრებული დანაშაულის შესახებ. მოქალაქის თუ მოქალაქეების ასეთი შეტყობინება წინასწარი გამოძიების ორგანოებისათვის წარმოადგენს, უმეტეს შემთხვევებში, დანაშაულის გამომავალთა, დანაშაულის გახსნის შესანიშნავ საშუალებას.

უდიდესი მნიშვნელობის მქონეა საზოგადოებრიობის სიგნალები, რომლებიც შეეხება სავაჭრო ორგანიზაციებში ვაჭრობის წესების დარღვევას, უხარისხო პროდუქციის გამოშვებას, სახელმწიფო და საზოგადო ქონების გატაცებას და ა. შ.

საზოგადოებრიობის ჩაბმა და მონაწილეობა საგამომძიებლო, მოკვლევ და სასამართლო ორგანოების საქმიანობაში, ხელს უწყობს დამნაშავეობათა თავიდან აცილებას, დანაშაულთა გამომჟღავნებასა და მის ჩამდენ პირთა წინააღმდეგ ბრძოლას, აგრეთვე, გამოძიების და სასამართლო საქმიანობის გაუმჯობესებას, საერთოდ, სოციალისტური კანონიერების განმტკიცებას.

საგამომძიებლო პრაქტიკით დადასტურებულად უნდა მივიჩნიოთ, რომ მოკვლევისა და პროკურატურის ორგანოების მჭიდრო კავშირი საზოგადოებრიობასთან არსებითად უწყობს ხელს და აჩქარებს დანაშაულის სწრაფად გახსნას, დამნაშავეთა გამომავალთა და დაკავებას. ამიტომ, საგამომძიებლო პრაქტიკა უფრო მეტად უნდა ემყარებოდეს საზოგადოებრიობას და უფრო ფართო მასშტაბით იზიდავდეს საზოგადოებრივი ორგანიზაციების წარმომადგენლებს, ცალკეულ მოქალაქეებს სისხლის სამართლის საქმეთა გახსნასა და გამოძიებაში.

დიდია საზოგადოებრიობის როლი და მნიშვნელობა საბჭოთა სისხლის სამართლის პროცესში².

საზოგადოებრიობა მონაწილეობას იღებს დამნაშავეობათა წინააღმდეგ ბრძოლაში შემდეგი სახით:

1. დამნაშავეობრივ ქმედობათა თავიდან აცილებაში, რაც გამოიხატება იმაში, რომ საზოგადოებრივმა ორგანიზაციებმა, კოლექტივებმა ცალკეულ მერყევ ელემენტებზე აღმზრდელობითი ზემოქმედების შედეგად თავიდან აიცილონ ასეთი პირის მიერ დანაშაულის ჩადენა და დააყენონ იგი სწორ გზაზე.

2. დანაშაულის გამომჟღავნებაში, გახსნაში, როცა მოქალაქეებმა იცაან დანაშაულის მზადების ან ჩადენილი დანაშაულის შესახებ და სათანადო ცნობებს, სიგნალს აწვდიან წინასწარი გამოძიების ორგანოებს.

¹ ვ. ი. ლენინი, თხზ., ტ. 33, გვ. 68—69.

² М. Галперин и Ф. Полозков, Участие общественности в советском уголовном процессе, М., 1961.

3. გამოყვანილი დანაშაულის გამოძიებაში მონაწილეობის გამოკვეთა, ცალკეულ საგამომძიებლო მოქმედებათა ჩატარებაში.

4. დანაშაულისაგან დაზარალებულის და დანაშაულის მოწმეების გამოკვეთაში.

5. დანაშაულის ჩამდენი პირის დაკავებაში, შემთხვევის ადგილზე.

6. დანაშაულის იარაღის, დატაცებული ქონების და სხვა დამამტკიცებელი საბუთების აღმოჩენაში.

7. დამნაშავე პირთა ხელახალ აღზრდა-გამოსწორებაში და ა. შ.

სისხლის სამართლის საპროცესო კანონმდებლობით დადგენილია, რომ საზოგადოებრიობის წარმომადგენლები და საზოგადოებრივი ორგანიზაციები მონაწილეობას იღებენ გამოძიებლის, პროკურორის თუ მოკვლევით პირის მიერ აღმკვეთ ღონისძიებათა გამოყენების დროს. საქ. სსრ ს. ს. ს. კ-ის 80-ე მუხლით აღიარებულია, თუ არსებობს საფუძველი იმისა, რომ ბრალდებული დაემალეება მოკვლევას, გამოძიებას და სასამართლოს, ან ხელს შეუშლის სისხლის სამართლის საქმეზე კვლევითების დადგენას, ან განაგრძობს დამნაშავეობრივ საქმიანობას. აგრეთვე, განაჩენის აღსრულების უზრუნველყოფას, გამოძიებულს, პროკურორს, მოკვლევით პირს და სასამართლოს შეუძლია გამოიყენოს ბრალდებულის მიმართ აღკვეთის სხვადასხვა ღონისძიებანი: ამ ღონისძიებათა შორის, ამ მუხლის მეორე ნაწილში მოცემულია თავდებობის ორი სახე: პირადი თავდებობა და საზოგადოებრივი ორგანიზაციების თავდებობა. საქ. სსრ სსსკ-ის 85-ე და 86-ე მუხლებით გათვალისწინებულია, თუ რა მოვალეობა აწევს და რა პასუხისმგებლობა ეკისრება პირს, რომელმაც იკისრა სისხლის სამართლის პასუხისმგებლობაში მიცემული პირის თავდებობა.

საზოგადოებრივი ორგანიზაციის თავდებობა გამოიხატება წერილობით ვალდებულების (საქ. სსრ ს.ს.ს.კ-ის 87-ე მუხლი) მიცემაში, მასში, რომ საზოგადოებრივი ორგანიზაცია უზრუნველყოფს ეჭვმიტანილის ან ბრალდებულის სათანადო ქცევას, გამოცხადებას მოკვლევის, გამოძიების ორგანოში, პროკურორთან ან სასამართლოში.

საქართველოს სსრ ს.ს.ს.კ-ის 128-ე მუხლი ითვალისწინებს საზოგადოებრიობის ჩაბმას დანაშაულის გამოყვანებაში მონაწილეობისათვის. დასახელებულ მუხლში მითითებულია, რომ გამოძიების წარმოებისას, გამოძიებელმა ფართოდ უნდა გამოიყენოს საზოგადოებრიობის დახმარება დანაშაულის გამოსამკვლევებლად და მისი ჩამდენი პირების მოსაძებნად, აგრეთვე, დანაშაულის ხელის შემწყობი მიზეზების და პირობების გამოსავლენად და ასაცილებლად.

დათვალისწინებულია, ჩხრეკის, ამოღების, შემოწმებისა და სხვა საგამომძიებლო მოქმედების წარმოების დროს, საქ. სსრ სსსკ-ის 136-ე მუხლის შესაბამისად გამოიწვევიან თანამოწმენი. თანამოწმედ გამოძიებელმა, პროკურორმა თუ მოკვლევამ უნდა გამოიწვიოს ისეთი მოქალაქე, რომელიც საქმით არ არის დაინტერესებული.

თანამოწმეს ევალება დაამოწმოს ფაქტი, შინაარსი და შედეგი მოქმედებისა, რომლის წარმოებას ის ესწრებოდა. თანამოწმეს უფლება აქვს გააკეთოს შენიშვნები წარმოებულ მოქმედების შესახებ. რაც შეიტანება შესა-

ბამის საგამომძიებლო მოქმედების ოქმში. ამდენად, თანამოწმეს უფლებები და მოვალეობები აკისრია, რაც კანონით აღიარებულია.

საზოგადოებრიობის წარმომადგენლები მონაწილეობას იღებენ არასრულწლოვანისათვის ბრალდების წაყენებისა და ბრალდებულის დაკითხვისას. სისხლის სამართლის საპროცესო კოდექსის 148-ე, 157-ე, 287-ე მუხლებით სავალდებულოა არასრულწლოვანი ბრალდებულისათვის ბრალდების წაყენებისა და მისი დაკითხვის დროს პედაგოგის ან ბრალდებულის კანონიერი წარმომადგენლის დასწრება.

დაკითხვის დროს პედაგოგსა და ბრალდებულის კანონიერ წარმომადგენელს უფლება აქვთ გამომძიებლის და სასამართლოს ნებართვით მისცენ შეკითხვები ბრალდებულს.

საზოგადოებრიობის წარმომადგენლები მონაწილეობას ღებულობენ ისეთი საგამომძიებლო მოქმედების ჩატარების დროს როგორც არის პირის ამოსაცნობად წარდგენა (საქ. სსრ ს.ს.ს.კ-ის 163-ე მუხლი), ამოღება და ჩხრეკა (მუხლი 168), ქონებაზე ყადაღის დადება (მუხლი 174), ფოსტა-ტელეგრაფის კორესპონდენციაზე ყადაღის დადება და მისი ჩამორთმევა (მუხლი 175), დათვალიერება (მუხლი 179), შემოწმება (მუხლი 181), საგამომძიებლო ექსპერიმენტი (მუხლი 183) და ა. შ.

ცნობილია, რომ განსაკუთრებით საშიშ დამნაშავეობათა (განზრახ მკვლელობა დამამძიმებელ გარემოებებში, სახელმწიფო და საზოგადო ქონების დიდი ოდენობით დატაცება, ბანდიტიზმი, ქურდობა, მექრთამეობა და სხვა) გახსნა რთულ ამოცანას წარმოადგენს. დანაშაულის განზრახ ჩადენის დროს პიროვნება წინასწარ იღებს ისეთ „ღონისძიებებს“, რომ მისი ბოროტი განზრახვა საიდუმლოებით იყოს მოსილი. ამ მიზნით ბოროტმოქმედი ცდილობენ ხელი შეუშალონ დანაშაულის გახსნას.

დანაშაულის სწრაფი და ყოველმხრივი გახსნისათვის გამომძიებელმა, მოკვლემა დროულად უნდა მიმართოს იმ უბნის მოსახლეობას, სადაც ჩადენილი იქნა საზოგადოებრივად საშიში ქმედობა.

საზოგადოებრიობის წარმომადგენლებმა (უბნის, სოფლის, ქალაქის, ქუჩის და ა. შ.) უკეთ იციან ადგილობრივი პირობები, ხალხი, რომელთა შორის ცხოვრობდა სექვო პიროვნება, რომლისაგანაც მოსალოდნელი იყო ამა თუ იმ სახის დანაშაულის ჩადენა. საზოგადოებრიობამ უმეტეს შემთხვევებში იცის ისიც, თუ სად აფარებს თავს დამნაშავე პირი.

მშრომელთა საზოგადოებრივი ორგანიზაციების წარმომადგენლები შეიქმნება სასამართლოს განჩინებით დაშვებულ იქნენ სისხლის სამართლის საქმეთა სასამართლო განხილვაში მონაწილეობისათვის, როგორც საზოგადოებრივ-ბრალმდებელნი და საზოგადოებრივი დამცველნი. საქართველოს სსრ სისხლის სამართლის საპროცესო კოდექსის 251-ე მუხლით საზოგადოებრივ ბრალმდებელს უფლება აქვს წარადგინოს დამამტკიცებელი საბუთები, მონაწილეობა მიიღოს დამამტკიცებელი საბუთების გამოკვლევაში, აღძრას შუამდგომლობა და განაცხადოს აცილება სასამართლოს წინაშე, მონაწილეობა მიიღოს სასამართლოს კამათში, მოახსენოს სასამართლოს თავისი აზრი იმის შესახებ, თუ რამდენ

ნად დამტკიცებულია ბრალდება, რამდენად საზოგადოებრივად საშიშია სამართალში მიცემული და მის მიერ ჩადენილი ქმედობა და სხვ.

საზოგადოებრივ დამცველს უფლება აქვს წარადგინოს დამამტკიცებელი საბუთები, მონაწილეობა მიიღოს ამ საბუთების გამოკვლევაში, აღძრას შუამდგომლობა და განაცხადოს აცილება სასამართლოს წინაშე, მონაწილეობა მიიღოს კამათში, მოახსენოს სასამართლოს აზრი ბრალდების შემამსუბუქებელი ან სამართალში მიცემულის გამამართლებელი გარემოებების შესახებ, ასევე სამართალში მიცემულისათვის სასჯელის შემსუბუქების შესაძლებლობის, პირობითი მსჯავრის ან სასჯელისაგან განთავისუფლების და იმ საზოგადოებრივი ორგანიზაციის ან მშრომელთა კოლექტივის თავდებობაში გადაცემის შესახებ, რომლის სახელითაც საზოგადოებრივი დამცველი გამოდის.

საბჭოთა საზოგადოებრიობას ფართოდ უნდა განემართოს იმის შესახებ, რომ საბჭოთა სისხლის სამართლის კანონმდებლობა აწესებს პასუხისმგებლობას მძიმე დანაშაულის განუცხადებლობისათვის, აგრეთვე, პასუხისმგებლობას დანაშაულის კვალის დაფარვისათვის.

დამნაშავეობათა წინააღმდეგ ბრძოლა მარტო სასამართლოსა და პროკურატურის ორგანოების მეშვეობით ნაკლებ ეფექტიანი იქნება, თუ დამნაშავეობათა და დამნაშავე პირების წინააღმდეგ მებრძოლი ხელი არ აღმართეს მთელმა ჩვენმა საზოგადოებრიობამ, პარტიულმა, კომკავშირულმა და სხვა საზოგადოებრივმა ორგანიზაციებმა და კერძო მოქალაქეებმა.

საბჭოთა ადამიანის მოქალაქეობრივ მოვალეობის მაღალ შეგნებულობაზე მეტყველებს ის, როცა ჩადენილი დანაშაულის შესახებ განცხადებას, ცნობას უმალვე აწვდიან საგამომძიებლო და მოკვლევ ორგანოებს.

ასეთი ცნობა-სიგნალი საქართველოს სსრ სისხლის სამართლის საპროცესო კოდექსის 108-ე მუხლის შესაბამისად, სისხლის სამართლის საქმის აღძვრის საბაზს წარმოადგენს, რომლის საფუძველზე საგამომძიებლო და მოკვლევ ორგანოებს შესაძლებლობა ეძლევათ დროულად შეუდგნენ დანაშაულის ფაქტის მიმართ რეაგირებას, საგამომძიებლო მოქმედებათა ჩატარებას დანაშაულის ჩადენი პირის სამხილებლად.

ვინც ფიქრობს და ვარაუდობს იმას, რომ კომუნისტური საზოგადოების გაშლილი მშენებლობის პერიოდში საზოგადოებრივი წესრიგის დაცვა ჩვენს სახელმწიფოში შესუსტდება და ნაკლებად მტკიცე იქნება, მას უნდა მოვავიწყოთ საბჭოთა სახელმწიფოს მეთაურის ნ. ს. ხრუშჩოვის სიტყვა: „მას მწარედ გაუტარუვდება იმედი, სახელმწიფო ორგანოებთან ერთად გაიზრდება მშრომელთა საზოგადოებრივი ორგანიზაციების როლი ანტისაზოგადოებრივი და დამნაშავე ელემენტების წინააღმდეგ ბრძოლაში. საზოგადოებრივი დოვლათის დამტაცებლების, მუქთახორებისა და ხულიგნების წინააღმდეგ ბრძოლა უფრო ეფექტიანი გახდება, რადგან იგი ყველა მშრომელისა და მათი ორგანიზაციების საქმედ იქცევა“¹.

¹ სკპ XXII ყრილობის მასალები, გვ. 227—228.

საბჭოთა ქვეყნის განვითარების თანამედროვე ეტაპზე ვითარდება სრულყოფილი ხდება საყოველთაო-სახალხო სახელმწიფო, სულ უფრო და უფრო მეტად ებმებიან მასები მართვასა და სახელმწიფო ორგანოებისადმი კონტროლში.

მარქსიზმ-ლენინიზმი გვასწავლის, რომ კომუნისტური საზოგადოებრივი ურთიერთობის განვითარება, შრომის ნაყოფიერების ზრდა და კომუნისტური საერთო ცხოვრების წესების დამკვიდრება შეუძლებელია საზოგადოების ყველა წევრის შეგნებულობისა და კულტურულობის აუმაღლებლად.

საბჭოთა სახელმწიფოში განსაკუთრებული ყურადღება ექცევა ადამიანის სულიერ და ფიზიკურ ფორმირებას. ეს გრანდიოზული ამოცანა ხორციელდება კომუნისტური მსოფლმხედველობის დამკვიდრებით.

კომუნისტური პარტია კომუნისტური საზოგადოების გაშლილი მშენებლობის პერიოდში ადამიანებს (საზოგადოების ყველა წევრს) უნერგავს ახალ კომუნისტურ ხასიათს, ჩვევებს. სწორედ ამიტომ არის, რომ სსრ კავშირში განსაკუთრებული ყურადღება ექცევა იმ ახალგაზრდა თაობის აღზრდას, რომელმაც უნდა იცხოვროს და იმოღვაწეოს კომუნისზმის დროს.

სავსებით სამართლიანად აღნიშნავდა ნ. ს. ხრუშჩოვი პარტიის XXII ყრილობაზე ახალი ადამიანის ფორმირებასთან დაკავშირებით: „ახალი ადამიანის ფორმირება ხდება არა მარტო პარტიის, საბჭოთა სახელმწიფოს, პროფკავშირების, კომკავშირის აღმზრდელობითი მუშაობის გავლენით, არამედ საზოგადოების ცხოვრების მთელი წყობის — წარმოების წესის, განაწილების ფორმების, საყოფაცხოვრებო მომსახურების, საზოგადოებრივ-პოლიტიკური საქმიანობის, სამართლებრივი ნორმებისა და სასამართლო პრაქტიკის გავლენით, ყველა ეკონომიური, სოციალურ საყოფაცხოვრებო, პოლიტიკური, სამართლებრივი ბერკეტი უნდა გამოვიყენოთ ადამიანთა კომუნისტური შეგნებულობის განვითარებისათვის და ბურჟუაზიული ფსიქოლოგიისა და მორალის ნაშთების აღმოფხვრისათვის“¹.

საბჭოთა ხალხის უდიდესმა უმრავლესობამ უკვე შეისისხლხორცა ამხანაგობის, მეგობრობის, კოლექტივიზმის, საზოგადოებრივი მოვალეობისადმი ერთგულების კეთილშობილური გრძნობები. კომუნისტური შეგნებულობა ყალიბდება და მტკიცდება კომუნისზმისათვის აქტიურ ბრძოლაში, თვითეული მოქალაქის ქცევაში, ყოველი კოლექტივის, ყველა დაწესებულებისა და ორგანიზაციის საქმიანობაში.

ცნობილია, რომ შრომა საზოგადოების პროგრესისა და აყვავების საწინდარია. იგი ადამიანის ცხოვრებისა და კეთილდღეობის ძირითადი წყაროა.

მაგრამ ეს, როდის ნიშნავს იმას, რომ ჩვენში არ არიან ისეთი ადამიანები, რომლებიც თავს არიდებენ საზოგადოებრივ სასარგებლო შრომას. რა თქმა უნდა ასეთი ადამიანები არიან (მართალია ჩვენი საზოგადოების ძალიან მცირე ნაწილი). ისინი ვაურობიან შრომას, თაღლითობენ, ეწვევიან სხვის ხარჯზე ცხოვ-

¹ სკკპ XXII ყრილობის მასალები, გვ. 236.

რებს, ჩადიან ზოგჯერ მძიმე დანაშაულსაც კი. ჯერ კიდევ ცოცხლობენ და არსებობენ ზოგიერთ ადამიანის შეგნებაში ძველის, წარსულის მავნე გადმონაშთები, რომლებიც აფერხებენ ჩვენი ქვეყნის წინსვლას.

გაიძვერები, დანაშაულის ჩამდენი პირები კაპიტალიზმის მიერ გამოზრდილი პარაზიტებია, რომლებიც ხალხის და სოციალიზმის მშენებლობის აშკარა მტრები არიან. ამიტომ, სავსებით სამართლიანად შენიშნავდა ვ. ი. ლენინი: „ამ მტრების მიმართ უნდა დავაწესოთ მთელი მოსახლეობის განსაკუთრებული მეთვალყურეობა, მათ დაუნდობლად უნდა გავუსწოროდეთ, როგორც კი ოდნავად დაარღვევენ სოციალისტური საზოგადოების წესებსა და კანონებს“¹. ამ მხრივ, ყოველგვარი სისუსტე, მერყეობა, სენტიმენტალობა ვ. ი. ლენინს მიაჩნდა როგორც უდიდესი დანაშაული სოციალიზმის წინაშე.

იმისათვის, რომ დანაშაულის ჩამდენ პარაზიტებისაგან უვნებელგვეყო სოციალიზმის მშენებლობა ჩვენს ქვეყანაში, მოეწყო „საყოველთაო სახალხო, მრავალი მილიონი მუშისა და გლეხის მიერ ნებაყოფლობით, ენერგიულად, რევოლუციური ერთუზიანებით ზურგგამაგრებული აღრიცხვა და კონტროლი შრომის ოდენობის, პროდუქტების წარმოებისა და განაწილების მიმართ“².

საჭირო და აუცილებელია ავამაღლოთ საზოგადოებრიობის ყურადღება და მოთხოვნა ადამიანთა საერთო ქცევისადმი.

ადამიანები (ერთეულები), რომლებიც დანაშაულს ჩადიან, არღვევენ საზოგადოებრივ წესრიგს, ზეციდან ხომ არ ჩამოფრენილან ჩვენს პლანეტაზე? რა თქმა უნდა, არა. ისინი ამა თუ იმ კოლექტივის (ფაბრიკა, ქარხანა, საბჭოთა მეურნეობა, სკოლა და ა. შ.), ამა თუ იმ საზოგადოებრივი ორგანიზაციის, პარტიული, კომკავშირული, პროფკავშირული ორგანიზაციის წევრები არიან.

საბჭოთა კავშირის კომუნისტური პარტიის 10 მილიონიანი, კომკავშირელთა 20 და პროფკავშირელთა 60 მილიონიანი არმიები პირველ რიგში მოწოდებულნი არიან ებრძოლონ ყოველგვარ ამორალურ საქციელს, გამოამყლანონ საზოგადოებრივი წესრიგის დამრღვევნი და დანაშაულის ჩამდენი პირები, აქტიურად დაეხმარონ მილიციის, პროკურატურისა და სასამართლო ორგანოებს დანაშაულის გახსნაში და დამნაშაუვთა მხილებაში. მაგრამ ყოველთვის როდია დამნაშაუვობასთან ბრძოლაში კომუნისტი, კომკავშირელი და პროფკავშირელი მოწოდების სიმადლეზე, ზოგჯერ (მართალია იშვიათ შემთხვევებში), პირიქით, თვით კომუნისტები და კომკავშირელები ჩადიან დანაშაულს და მათ შორის მძიმე დანაშაულსაც კი. ასეთ „კომუნისტებსა“ და „კომკავშირელებს“ ავიწყდებათ ჩვენი კანონის სისასტიკე და ვ. ი. ლენინის სწავლება იმის შესახებ, რომ დანაშაულის ჩამდენი კომუნისტი სასტიკ პასუხისგებაში უნდა მიეცეს და დაიხაჯოს.

პარტიის წევრს უნდა ახსოვდეს სკკპ წესდების მოთხოვნა, რომ პარტიის

¹ ვ. ი. ლენინი, თხზ., ტ. 26, გვ. 478.

² იქვე.

წევრი მოვალეა იბრძოდეს კომუნისმის მატერიალურ-ტექნიკური ნივთების, იყოს შრომისადმი კომუნისტური დამოკიდებულების მაგალითი, ზრდიდეს შრომის ნაყოფიერებას, უფროხილდებოდეს და ამრავლებდეს საზოგადოებრივ სოციალისტურ საკუთრებას — საბჭოთა სამშობლოს ძლიერებისა და აყვავების საფუძველს; მაგალითს იძლეოდეს საზოგადოებრივი მოვალეობის შესრულებაში, ხელს უწყობდეს კომუნისტური საზოგადოებრივი ურთიერთობის განვითარებასა და განმტკიცებას; მტკიცედ ებრძოდეს ბურჟუაზიული იდეოლოგიის ყოველგვარ გამოვლინებას, კერძო მესაკუთრული ფსიქოლოგიის ნაშთებს, რელიგიურ ცრურწმენებსა და წარსულის სხვა გადმონაშთებს, იცავდეს კომუნისტური მორალის პრინციპებს, პირად ინტერესებზე მდლსა აყენებდეს საზოგადოებრივ ინტერესებს; მტკიცედ იცავდეს პარტიულ და სახელმწიფოებრივ დისციპლინას. იყოს მართალი და პატიოსანი პარტიისა და ხალხის წინაშე¹.

ჩვენში ხომ ყველაფერი ადამიანისათვის კეთდება, ადამიანის ბედნიერებისა და კეთილდღეობისათვის და ის, ვინც ხელს უშლის ამ საქმეს თავისი დამნაშავეობრივი ქმედობით, მკაცრად უნდა დაისაჯოს.

მართალია, საბჭოთა კანონის, საბჭოთა მართლწესრიგის დამრღვევი პირი მძილებული და დასჯილი უნდა იქნას, მაგრამ ყოველთვის როდია მიზანშეწონილი, რომ მკაცრად დავსაჯოთ დანაშაულის ჩამდენი. თუ კანონის დარღვევა უმნიშვნელოა და თუ პირი არ წარმოადგენს საზოგადოებრივად სამიშს და შეიძლება მისი გამოსწორება სასამართლო რეპრესიის გარეშე, საქმე განსახილველად გადაეცემა მოქმედი კანონმდებლობის საფუძველზე კოლექტივს, თვით პირი კი — საზოგადოებრიობას აღსაზრდელად და გამოსასწორებლად.

ჩვენი კანონმდებლობა ემყარება ვ. ი. ლენინის მითითებას იმის შესახებ, რომ „გამაფრთხილებელი მნიშვნელობა სასჯელისა გაპირობებულია სრულიადაც არა მისი სისასტიკით, არამედ მისი აუცილებლობით. მთავარი მნიშვნელობა აქვს არა იმას, რომ დანაშაული სასტიკად დაისაჯოს, არამედ იმას, რომ დანაშაულის არც ერთი შემთხვევა არ დარჩეს გამოუმყლავნებელი“².

დანაშაულის ჩამდენი პირის სასჯელისა თუ საზოგადოებრივი ზემოქმედების გარეშე დატოვება ნიშნავს იმას, რომ მას საშუალებას ვაძლევთ კვლავ განაგრძოს დანაშაულის ჩადენა, ჩაიდინოს უფრო მძიმე სახის დანაშაული.

პრაქტიკა გვიჩვენებს, რომ პირის მიერ საზოგადოებრივი წესრიგის ურწმუნელო დარღვევის, რეაგირების გარეშე დატოვება ხელს უწყობს იმას, რომ ამ პირმა მომავალში ჩაიდინოს მძიმე დანაშაული. ხშირია შემთხვევები, როცა ოჯახის, საზოგადოებრივი ორგანიზაციების, ამხანაგების და მეგობრების უწყურადღებობის გამო პირი ჩადის მძიმე დანაშაულს, მაშინ როდესაც საზოგადოებრიობას შეეძლო მასზე ზემოქმედება.

¹ იხ. სკვპ წესდება.

² ვ. ი. ლენინი, თხზ., ტ. 4, გვ. 490.

საბჭოთა სახელმწიფოს განვითარების თანამედროვე ეტაპზე იძულება კვლავ რჩება როგორც დამნაშავეობათა საბოლოო აღმოფხვრის ერთ-ერთი ქმედითი საშუალება, საზოგადოებრივი ზეგავლენის სხვადასხვა ფორმების შეფარდებასთან ერთად.

სასამართლო, პროკურატურის და მილიციის ორგანოების ამოცანაა საზოგადოებრიობის დახმარებით აწარმოონ აქტიური ბრძოლა დამნაშავეობასთან მის სრულ აღმოფხვრამდე და ლიკვიდაციამდე. სასამართლო, პროკურატურისა და მილიციის ორგანოები მკაცრად უნდა იდგნენ მოქალაქეთა უფლებების, თავისუფლების, ღირსების, სახელმწიფო და საზოგადო ქონების, აგრეთვე მოქალაქეთა პირადი ქონების დაცვის სადარაჯოზე.

სკკპ ახალ პროგრამაში ჩაწერილია, რომ კომუნისმის მშენებელ საზოგადოებაში არ უნდა იყოს სამართლის დარღვევა და დამნაშავეობა. მაგრამ სანამ არის დამნაშავეობის გამოვლინებანი, უნდა მივიღოთ სასტიკი ზომები იმ პირთა დასასჯელად, რომლებმაც ჩაიდინეს საზოგადოებისათვის საშიში დანაშაულობანი, დაარღვიეს სოციალისტური საერთო ცხოვრების წესები, არ სურთ ეზიარონ პატიოსან შრომით ცხოვრებას. მთავარი ყურადღება უნდა მიექცეს დამნაშავეობათა თავიდან აცილებას¹.

საბჭოთა სისხლის სამართლის კანონმდებლობით აღიარებულია სასჯელის აღმზრდელობითი მიზანი. სასჯელი მიზნად ისახავს არა მარტო დასაჯოს ჩადენილი დანაშაულისათვის პირი, არამედ გამოასწოროს და ხელახლა აღზარდოს კიდევ მსჯავრდებული შრომისადმი პატიოსანი დამოკიდებულების, კანონთა ზუსტად შესრულების, სოციალისტური საერთო ცხოვრების წესებისადმი პატივისცემის სულისკვეთებით, აგრეთვე აცდენილ იქნეს ახალ დანაშაულთა ჩადენა, როგორც მსჯავრდებულთა; ისე სხვა პირთა მიერ².

პარტია და საბჭოთა სახელმწიფო თავისი პოლიტიკის განხორციელებისათვის ეყრდნობა ვ. ი. ლენინის მითითებას და იყენებს არა მარტო დარწმუნების, არამედ იძულების მეთოდსაც.

ჩვენს ქვეყანაში სოციალიზმის აშენების პრაქტიკა ადასტურებს, რომ მასების აღზრდა დარწმუნების მეთოდით არ გამოირიცხავს იძულების ღონისძიების შეფარდებასაც.

ვ. ი. ლენინი თავის მოხსენებაში სრულიად რუსეთის საბჭოების VIII ყრილობაზე 1920 წ. მიუთითებდა: „ჩვენში პროლეტარიატის დიქტატურამ იმიტომ შიადწია წარმატებას, რომ მან იცოდა ძალდატანებისა და დარწმუნების შეერთება“³. ხოლო უფრო ადრე ვ. ი. ლენინი სტატიაში პირვანდელი მონასხის სტატიისა— „საბჭოთა ხელისუფლების მორიგი ამოცანები“—წერდა, რომ მიგვეღწია ისეთი ამოცანის განსახორციელებლად როგორცაა შრომელთა დისციპლინისა და თვითდისციპლინის უმკაცრესი გატარების უზრუნველყოფა, და

1 სკკპ პროგრამა.
2 იხ. საქ. სს სისხლის სამართლის კოდექსის 22-ე მუხლი.
3 ვ. ი. ლენინი, თხზ., ტ. 31, გვ. 610.

იქვე დასძენდა, რომ იძულების გარეშე ასეთი ამოცანის შესრულება შეუძლებელია, ჩვენ გვესაჭიროება სახელმწიფო, ჩვენ გვესაჭიროება იძულება. პროლეტარული სახელმწიფოს იმ ორგანოს, რომელიც ასეთ იძულებას ახორციელებს უნდა წარმოადგენდნენ საბჭოთა სასამართლოები, რომლებიც მოწოდებულნი იქნებიან ექსპლოატატორთა წინააღმდეგ საბრძოლველად და დაეკისრებათ შრომის დისციპლინისათვის მოსახლეობის აღზრდის უდიდესი ამოცანა¹.

სკკპ XXII ყრილობამ მიუთითა კომუნისტური საზოგადოების გაშლილი მშენებლობის პერიოდში სოციალისტური კანონიერების უდიდეს როლზე და კომუნისმის საპროგრამო დოკუმენტში, სკკპ პროგრამაში ჩაწერა, თუ რა დიდი მნიშვნელობა ენიჭება სოციალისტურ მართლწესრიგის შემდგომ განმტკიცებას, სამართლებრივი ნორმების სრულყოფას, რომლებიც აწესრიგებენ სამეურნეო-ორგანიზატორულ და კულტურულ-აღმზრდელობით მუშაობას, ხელს უწყობენ კომუნისტური მშენებლობის ამოცანების გადაჭრას.

ჩვენს ქვეყანაში დღითი-დღე უმჯობესდება მშრომელთა მატერიალური კეთილდღეობა, ასევე სწრაფად მალდება მოქალაქეთა კულტურული და შეგნებულობის დონე, რაც ხელს უწყობს და აჩქარებს დამნაშავეობათა შემცირებას და მის თანდათანობით აღმოფხვრას.

სკკპ XXII ყრილობის, პარტიის ცენტრალური კომიტეტის ნომბრის და ივნისის პლენუმების მიერ მიღებულ ისტორიულ გადაწყვეტილებათა ცხოვრებაში გატარება და საბჭოთა კავშირის კომუნისტური პარტიის ახალი პროგრამით დასახულ ღონისძიებათა განხორციელება, ჩვენს ქვეყანაში კომუნისმის აშენებისათვის, მოითხოვს სახელმწიფო დაწესებულებების პარტიული და სხვა საზოგადოებრივი ორგანიზაციების მუშაობის კიდევ უფრო მეტად გაუმჯობესებას, თითოეული საბჭოთა მოქალაქის შეგნებულობის ამაღლებას.

პარტიის პროგრამა მიუთითებს იმის შესახებ, რომ რაც უფრო მაღალია საზოგადოების თითოეული წევრის შეგნებულობა, მით უფრო სწრაფად განხორციელდება კომუნისმის აშენების ნათელი პროგრამა. ვ. ი. ლენინის სწავლების შესაბამისად სახელმწიფო „ძლიერია მაშინ, როცა მასებმა ყველაფერი იციან, როცა მათ შეუძლიათ ყველაფერზე იმსჯელონ და ყველაფერს შეგნებულად სჩადიან“².

კომუნისტური საზოგადოებრივი ურთიერთობის განვითარება და კომუნისტური საერთო ცხოვრების წესების დამკვიდრება, როგორც მარქსიზმ-ლენინიზმი გვასწავლის, შეუძლებელი და წარმოუდგენელია საზოგადოების ყველა წევრის შეგნებულობისა და საერთო კულტურულობის აუმაღლებლად.

რაც უფრო შეგნებულა საბჭოთა მოქალაქე, მით უფრო მაღალია მისი შრომის ნაყოფიერება, მით უფრო ამრავლებს იგი მატერიალურ დოვლათს ხალხის კეთილდღეობისა და პირადი ბედნიერებისათვის. საბჭოთა სახელმწი-

¹ ვ. ი. ლენინი, თხზ., ტ. 27, გვ. 252.

² ვ. ი. ლენინი, თხზ., ტ. 26, გვ. 297.

ფო პრაქტიკულად ყველაფერს აკეთებს იმისათვის, რომ ყოველმხრივ ამაღლდეს თითოეული მოქალაქის კომუნისტური შეგნებულობა.

სახელმწიფოებრივი და საზოგადოებრივი ორგანიზაციების მთელი სისტემა, როგორც პარტიის პროგრამაშია მითითებული, ზრდის ჩვენს სახელოვან მშრომლებს მოვალეობის ნებაყოფლობითი, კეთილსინდისიერი შესრულების სულისკვეთებით, იწვევს უფლებათა და მოვალეობათა ორგანულ შეერთებას კომუნისტური საერთო ცხოვრების ერთიან ნორმებად.

სკკპ პროგრამამ აღიარა, რომ მშრომელთა მატერიალური უზრუნველყოფის, კულტურული დონისა და შეგნებულობის ზრდა ყველა პირობას ქმნის იმისათვის, რომ აღმოიფხვრას დამნაშავეობა, საბოლოო ანგარიშით სისხლის სამართლის სასჯელის ღონისძიებანი შეიცვალოს საზოგადოებრივი ზეგავლენის და აღზრდის ღონისძიებებით. სოციალიზმის პირობებში თვითეულ ადამიანს, რომელიც შრომითს გზას ასცდა, შეუძლია დაუბრუნდეს სასარგებლო საქმიანობას.

კომუნისტური საზოგადოების გაშლილი მშენებლობის პერიოდში დამნაშავეობათა წინააღმდეგ ბრძოლა მიმდინარეობს სახელმწიფოს სპეციალური ორგანოების და საზოგადოებრიობის ერთობლივი მოქმედებით, რაც საბოლოოდ უზრუნველყოფს ჩვენს ქვეყანაში დამნაშავეობათა ლიკვიდაციას.

დამნაშავეობათა წინააღმდეგ ბრძოლა და მისი საბოლოო აღმოფხვრა აუცილებელი პირობაა კომუნისტური საზოგადოების აშენებისათვის.

სისხლის სამართლის
კათედრა

(შემოვიდა რედაქციაში 18. II. 1963 წ.)

კორექტორები ლ. აბუაშვილი
დ. ჩიქვილაძე

ქ

გადაეცა წარმოებას 28/IV-63 წ.
ხელმოწერილია დასაბეჭდად 4/VII-63 წ.
ანაწყობის ზომა 7×11
ქალაქის ზომა 70×108
ნაბეჭდ თაბახთა რაოდენობა 13,36
საღარიცხვო-საგამომცემლო თაბახთა რაოდენობა 9,75

შპსი 75 კპპ.

შეკვეთა № 637

შე 03275

ტირაჟი 500

თბილისის უნივერსიტეტის სტამბა, თბილისი, ი. ჭავჭავაძის პროსპექტი, 1.
Типография Тбилисского университета, Тбилиси, проспект И. Чавчавадзе, 1.